

Проф. С. Н. ПРОКОПОВИЧ

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР

Том II



ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

1952

Проф. С. Н. ПРОКОПОВИЧ

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР

Том II



ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

1952

Copyright, 1952, by
CHEKHOV PUBLISHING HOUSE
OF THE EAST EUROPEAN FUND, INC.

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ II ТОМА:

Глава VII.	ОРГАНИЗАЦИЯ И ТЕХНИКА ПЛАНИРОВАНИЯ	7
„ VIII.	ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОЧИХ	57
„ IX.	РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ	156
„ X.	РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ И НАЛОГ НА ОБОРОТ	164
„ XI.	ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ	189
„ XII.	ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ	238
„ XIII.	НАРОДНЫЙ ДОХОД И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КАПИТАЛА	296

ГЛАВА VII.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ТЕХНИКА ПЛАНИРОВАНИЯ

В капиталистическом народном хозяйстве производство, обращение, распределение и потребление каждого товара регулируются рыночным механизмом, конкуренцией его производителей и потребителей. В планируемом народном хозяйстве они регулируются распоряжениями планирующего административного центра.

До сих пор развитие народного хозяйства шло стихийным путем, без участия творческой мысли и воли человека. После тех завоеваний, которые сделал человеческий разум в науке и технике со времени эпохи Возрождения, у людей родилось гордое желание овладеть народнохозяйственным историческим процессом, подчинив его своему разуму и своей коллективной воле. Человечество поставило себе задачу сознательного творчества новых, гуманных форм хозяйственной жизни. Одной из конкретных форм этого реформаторского движения являются пятилетние планы развития народного хозяйства СССР.

Народное хозяйство Советской России представляет собою единственный опыт планирования в мирное время в национальном масштабе. Оно дает нам возможность перейти от абстрактных рассуждений о планировании к конкретному его изучению во всем его многообразии, — целей планирования, организа-

ции, техники, условий, — географических, исторических, экономических, — и результатов.

Капиталистический строй хозяйства построен на идее свободы хозяйственной деятельности граждан, свободы выбора занятий и места работы, образа жизни и места обитания, свободы хозяйственных сделок и договоров, регулируемых только нормами гражданского права. Развитие крупной промышленности в странах Западной и Центральной Европы уничтожило средневековую регламентацию промышленности и торговли в XVIII веке. Дух новой эпохи народного хозяйства нашел свое выражение в лозунге физиократов: «народное хозяйство развивается своими путями, независимо от распоряжений правительства; дайте нам свободу производить что, где и как нам выгоднее, и свободу торговать».*)

В этом свободном хозяйственном строе роль правительства и парламента сводилась к роли ночного сторожа, охраняющего экономический порядок и неприкосновенность частной собственности.

Положительною стороною экономического строя, построенного на принципе ничем неограниченной свободы хозяйственной деятельности и рыночной конкуренции, является выживание, в борьбе за существование, тех хозяйств, которые технически и психически лучше оборудованы. На рынке побеждает тот, кто производит лучше и дешевле, с меньшими издержками, кто применяет следовательно более совершенную технику, — труд которого дает обществу больше материальных благ и выше оплачивается. Поэтому, борьба на товарном рынке приводит к прогрессу как техники производства, так и психики ведущих производство хозяев, вырабатывая в ней свойства и осо-

*) Вольный перевод формулы: «Le monde va de lui-même, laissez nous faire, laissez passer». О происхождении этого лозунга см. А. Oncken, *Die Maxime laissez faire et laissez passer, ihr Ursprung, ihr Werden*. Bern 1886, SS. 10, 35, 86/89, 120.

бенности, отсутствовавшие или слабо развитые на предыдущих ступенях хозяйственного развития. Она воспитывает в хозяйствующем индивидууме внимание и предусмотрительность, расширяет его кругозор, пробуждает интерес к явлениям и процессам на национальном и даже международном рынке, от которых зависит судьба и доходность его хозяйства, развивает волевую активность и быстроту реакции на перемены окружающей обстановки, способность к длительному нервному и физическому напряжению и работе, стимулирует личную предприимчивость, способность к хозяйственному расчету и усиливает чувство индивидуальной ответственности. Напротив, система принудительного труда порождает равнодушие к своей работе и ее результатам, делает ум пассивным, убивает волю и предприимчивость. Конкуренция на рынке труда и дифференцирование заработной платы в свою очередь стимулирует рост интенсивности, квалифицированности и производительности труда.

Но там, где ведется борьба, рядом с победителями всегда есть побежденные. И если стихийная игра экономических сил обрекает их на нищету и страдания, они обращаются к политической организации общества за защитой.

В XIX в. экономическая политика не носила систематического характера, ее содержание определялось борьбой интересов различных групп землевладельцев, промышленников, торговцев и банкиров, и народно-хозяйственные соображения играли в ней второстепенную роль. В XX в., под влиянием роста политического влияния демократии, возникло стремление систематизировать эти мероприятия, освободить их от влияния профессиональных интересов и дать им рациональное обоснование путем широко поставленного изучения нужд народного хозяйства и систематических поисков средств их удовлетворения. Государственная власть сдала в архив принцип *laissez faire*

и признала, что развитие народного хозяйства определяется не только игрою его стихийных сил, но в очень большой степени также ее собственными экономическими мероприятиями; было признано, что энергичное вмешательство государственной власти в целях увеличения национальной продукции и демократизации распределения народного дохода является одною из главнейших ее задач. Так возникла идея перспективного плана развития национального хозяйства и мероприятий экономической политики. Каждая страна в зависимости от уровня развития ее народного хозяйства, географических и исторических условий, культурного и экономического развития населения, международной обстановки и т. д. должна выработать свой национальный перспективный план, быть может совершенно непохожий на план соседа. Истоки идеи планирования народного хозяйства лежат в организации частного хозяйства. Не только каждое частное хозяйство ведется его хозяином по плану, но и каждая отдельная работа в нем ведется согласно заранее составленному плановому заданию, по ее «модели». Как правильно замечает Маркс, «паук производит операции, подобные работе ткача, и пчела посрамляет совершенством постройки своих восковых ячеек многих архитекторов. Но что с самого начала отличает самого худшего архитектора от самой лучшей пчелы, это то, что он сначала строит план ячейки в своей голове, а затем уже делает ячейку из воска... В конце процесса работы мы получаем результат, который уже в его начале существовал в представлении рабочего, имел, следовательно, идеальное бытие. Человек своей работой не только изменяет форму материальных предметов, как она дана в природе, он одновременно осуществляет в них свою цель, которую он сознает, которая как закон определяет все его действия и которой он должен подчинить свою волю. Это подчинение не является единичным фактом. В продолжение

всего процесса работы необходимо не только напряжение тех органов его тела, которые производят работу, но и целеустремленная воля, проявляющаяся в форме напряжения внимания»^{*)}). По определению одного американского экономиста, человек — планирующее животное. Даже самое мелкое единичное хозяйство предполагает наличие у ведущего его хозяина более или менее продуманного конкретного хозяйственного плана, построенного на хозяйственном расчете, который затем и приводится в исполнение.

Только хозяйственное планирование даже в сингулярном хозяйстве далеко от точности технического планирования, пользующегося физическими мерами, метром, килограммом и т. д. Точности хозяйственного расчета и хозяйственно-оперативного планирования в нем мешают следующие обстоятельства:

1. Существование факторов, влияющих на результаты производства, но совершенно не поддающихся целевому воздействию хозяина. Таковы, напр., климатические условия, влияющие на урожай в сельском хозяйстве, и рыночная конъюнктура, изменения спроса и цен, от которых зависит доход и сельскохозяйственной фермы, и промышленного предприятия.

2. Во многих отраслях производства между началом работы и получением продукта протекает много времени. В разных производствах продолжительность периода производства имеет разную величину. На текстильной фабрике ткань производится из пряжи в течение одного дня; так же быстро работают типографии и многие другие отрасли промышленности. Яровые зерновые хлеба дают урожай через 3-6 месяцев после посева; выращивание крупного рогатого скота, дающего молоко и молочные продукты, берет 3 года; кофейная плантация начинает приносить плоды только через 5-6 лет после посадки. На выращи-

^{*)} К. Marx, *Das Kapital*, I. Band, 4te Aufl., 1890, S. 140.

вание строевого леса в умеренном поясе требуется от 40-60 лет. Так как сельский хозяин не может предвидеть хозяйственной конъюнктуры через 3-4 года, а тем более через 20 лет и более, то в целом ряде отраслей сельского хозяйства рациональное планирование является невозможным.

3. При больших затратах капитала на средства производства, десятки лет служащих и лишь постепенно снашивающихся в процессе производства, производство не может быть останавливаемо или сокращаемо соответственно конъюнктуре. Большие затраты на закладку копей в каменноугольной промышленности, на постройку рельсовой сети и железнодорожного подвижного состава, на постройку морских и речных судов делают эти отрасли народного хозяйства мало эластичными; они продолжают работать и при убыточных ценах или недостаточных фрахтах, потому что такая работа сокращает размеры потерь.

Несмотря на эти недостатки в его функционировании, сингулярное хозяйство не только всегда имеет хозяина, но и носит плановый характер. Рыночное народное хозяйство, в котором, как заметил еще К. Менгер*), нет хозяина и плана, представляет собою собственно не хозяйство, а систему взаимодействующих хозяйств, псевдо-хозяйство. Не может быть плана в хозяйственном образовании, не имеющем хозяина. Поэтому, нельзя планировать рыночное народное хозяйство; государственная власть мерами экономической политики может лишь вмешиваться в его ход и развитие, влиять на него; планировать она может только огосударствленные отрасли народного хозяйства. И при влиянии на народное хозяйство, и при его хозяйственно-оперативном планировании необхо-

*) К. Menger, Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der Politischen Ökonomie insbesondere, Leipzig 1883, Anhang 1.

димо, во-первых, знать факторы, на него влияющие, и характер их действия; во-вторых, нужно обладать силою или способностью направлять действие тех факторов, которые порождают интересующие нас экономические явления. Но наше знание причин экономических явлений очень несовершенно, наша власть над ними очень ограничена. Поэтому в области экономической политики и хозяйственного планирования мы вынуждены очень широко применять экспериментирование и учиться на собственных ошибках. Планирование не только расширяет поле наших экономических наблюдений, но своими успехами и неудачами учит нас познавать причинные зависимости народно-хозяйственных явлений.

Но к началу XX в., под влиянием развития картелей и трестов не только в сингулярных хозяйствах, но и в капиталистическом народном хозяйстве начали оформляться плановые тенденции. Так как картели предоставляют собою союз многих самостоятельных предприятий, то оперативно-хозяйственное планирование выходит здесь за границы частного хозяйства в область междухозяйственных отношений. Фр. Энгельс уже в начале 1890-х гг., в примечаниях к 3-му тому «Капитала» Маркса, обратил внимание на эти новообразования в строении капиталистического общества*). Когда в проекте Эрфуртской программы германской социалдемократии капиталистический строй хозяйства был охарактеризован, как лишенный планомерности, Энгельс возражал против этой характеристики, так как «если мы от акционерных обществ перейдем к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности»*). Основным характер-

*) Marx, Das Kapital, III, I, 1894, SS. 97, 425.

**) Die Neue Zeit. 1901-1902, I, S. 8.

ным отличием картелей от других форм капиталистического хозяйства является отсутствие в них свободы конкуренции, ее замена договором между предпринимателями, входящими в синдикат, о размерах производства каждого из них и о продажных ценах на товары, ими производимые.

В «Богатстве народов» Адам Смит установил, что в народном псевдо-хозяйстве третьей четверти XVIII века царил не хаос, а порядок, обеспечивавший в нем производство, обмен и распределение нужных людям материальных благ. Порядок этот устанавливался тою автоматическою взаимною зависимостью, которая существовала между спросом на товары, их производством и их рыночными ценами. «Рыночная цена каждого товара регулируется соотношением между его количеством, действительно доставленным на рынок, и спросом со стороны тех, которые согласны уплатить естественную цену товара, или всю ценность ренты, заработной платы и прибыли, которые должны быть оплачены, чтобы произвести этот товар и доставить его на рынок... Когда количество определенного товара, доставленного на рынок, оказывается меньше спроса на него, все те покупатели его, которые согласны уплатить всю величину ренты, заработной платы и прибыли, которые должны быть оплачены, чтобы произвести и доставить на рынок этот товар, не могут быть снабжены им в желаемом количестве. Некоторые из них, чтобы получить нужный им товар, будут готовы заплатить за него более высокую плату. Между ними тотчас начнется конкуренция, и рыночная цена на товар подымется более или менее выше его естественной цены... Если количество товара, привезенного на рынок, превышает действительный спрос, все его количество не может быть продано тем лицам, которые готовы заплатить всю ценность ренты, заработной платы и прибыли, которые должны быть оплачены, чтобы произвести и доставить на рынок этот

товар. Некоторое количество его должно быть продано тем, которые готовы заплатить за него только меньшую цену, и низкая цена, которую будут платить эти лица, должна понизить цену на все количество товара. Рыночная цена упадет более или менее ниже естественной цены.»*). Когда количество какого-либо товара, доставленного на рынок, меньше спроса на него, его рыночная цена и его производство имеют тенденцию расти, а спрос сокращается; когда предложение товаров больше спроса, цены на него и его производство имеют тенденцию сокращаться, а спрос расти; в обоих случаях мы имеем тенденцию рынка установить равновесие между предложением и спросом на базе новой рыночной цены на товар. Поскольку этот рыночный механизм охватывает все товары, производимые в стране, он приводит также к наиболее выгодному для общества распределению факторов производства между отраслями народного хозяйства. И земля, и труд, и капитал в силу этого рыночного механизма самотеком передвигаются из тех отраслей народного хозяйства, спрос на продукты которых падает, в те отрасли, спрос на товары которых растет. «Частные интересы и страсти людей естественно располагают их направлять свои капиталы в такие отрасли народного хозяйства, которые при обычных условиях наиболее выгодны обществу. Но если под влиянием этого естественного предпочтения одних отраслей перед другими они вложат в них слишком много капиталов, падение прибыли в них и ее рост в других отраслях немедленно склонит их к изменению этого ошибочного размещения капиталов. Поэтому, без всякого вмешательства власти частные интересы и страсти людей естественно приводят к

*) Adam Smith, *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, ed. Cannan, London 1925, vol. I, pp. 58-59.

такому разделению и размещению капиталов каждого общества между разными занятиями, в нем практикуемыми, которые ближе всего соответствуют интересам всего общества*). Описание и анализ автоматической рыночной связи между предложением товаров, спросом на них и движением их цен, а также определяемого этой связью размещения производительных сил общества, существовавших в мануфактурной промышленности Англии в третьей четверти XVIII века, составляет крупнейшую заслугу Ад. Смита. Но ошибка его последователей заключается в том, что они считали и считают этот порядок, самопроизвольно складывающийся на рынке за спиной ведущих свое хозяйство людей, всеобщим и неизменным, совершенно игнорируя современные опыты планирования народного хозяйства.

В настоящее время мы имеем три основные формы планирования производства и потребления:

1. Наиболее простою формою является то планирование в потреблении, которое устанавливают люди, потерпевшие кораблекрушение или жители осажденного города и разоренной войною страны. Имея недостаточное количество продовольствия, они отказываются от свободы в своем потреблении, складывают свои запасы и выдают каждому человеку ежедневно только определенное их количество. В войнах XX века, значительно сокративших производство и подвоз в Европу продовольственных продуктов и материалов для одежды, планирование потребления получило очень широкое распространение. После войн 1939-1945 гг. Европа в течение нескольких лет питалась и одевалась по карточкам. Население Союза ССР почти все 30 лет после революции 1917 г. получало продукты и изделия для личного потребления в порядке снабжения из государственных лавок по определен-

*) *ibid.*, vol. II, p. 129.

ным пайкам. Централизованное распределение недостаточных продуктов прекращается лишь при таком увеличении количества этих продуктов, которое позволяет удовлетворение в них населения в обычном рыночном порядке.

2. Другая форма планирования преследует гораздо более широкие цели. Она хочет изменить социальную структуру общества, заменить работу для обогащения частных капиталистов-предпринимателей работою на благо общества, на государство. Рост культуры и социально-политической активности народных масс порождает у них нежелание отдавать продукты их мысли и труда земельным собственникам и промышленным предпринимателям. Массы хотят взять управление своим трудом в свои руки, работать на общество, ими же управляемое, гуманизировать организацию народного хозяйства в кооперативной, муниципальной и государственной его формах. Эта форма планирования имеет тенденцию приобрести тоталитарный характер, охватить народное хозяйство страны во всех его частях. Маркс считал, что рабочий класс, придя к власти, должен установить плановую систему народного хозяйства. Это требование было формулировано им уже в «Коммунистическом Манифесте». В учредительном манифесте Международного общества рабочих (1864) Маркс писал: «Борьба вокруг законодательного ограничения рабочего времени бушевала (в Англии) тем сильнее, чем более она становилась выражением великого противоречия между слепым господством законов спроса и предложения, составляющих политическую экономию буржуазии, и общественным производством, управляемым социальным предвидением и пониманием, представляющим собою политическую экономию рабочего класса. Поэтому, закон о десятичасовом рабочем дне был не только большим практическим успехом, но и победою принципа. Впервые политическая экономия буржуа-

зии при свете дня потерпела поражение от политической экономии рабочего класса». В другом месте Маркс говорит, что фабричное законодательство «представляет собою первую сознательную и планомерную форму воздействия общества на стихийно сложившуюся структуру его производительного процесса»^{*)}). Программа русской социалдемократической партии 1903 г., считаясь очевидно с низким уровнем экономического развития России, довольно глухо формулирует требование «введения планомерной организации общественно-производительного процесса». Программа коммунистической партии 1919 г., составленная и принятая уже после овладения этой партией политической властью, выдвинула напротив требование «максимального объединения всей хозяйственной деятельности страны по одному общегосударственному плану».

Наряду с программой социалдемократической партии, большое влияние на экономическую политику Советской власти оказали статьи Ю. Ларина об экономических мероприятиях Германии во время войны^{**)}). Ларин рассказывает, что в день октябрьского переворота, 25 окт. (7 ноября) 1917 г., Ленин сказал ему: «Вы занимались вопросом организации германского хозяйства, синдикатами, трестами, банками, — займитесь этим и у нас»^{***)}). И Ларин «занялся» ими с таким рвением, как он после отметил в предисловии к одной из своих брошюр, что его автобиография сливается с социально-экономической историей Советской России за первые 2½ года ее существования, —

*) Marx, Das Kapital, I. Band, 4te Auflage, 1890, S. 446.

**) Статьи эти вышли затем отдельной книгой: Ю. Ларин, Государственный капитализм военного времени в Германии, Москва-Петроград 1928.

***) Ю. Ларин. У колыбели. Народное хозяйство 1918, XI, стр. 16.

так как он постоянно «придумывал», «импровизировал» шаги этой истории: сегодня — главки и центры (центральные управления промышленных синдикатов по германскому образцу), завтра — советские хозяйства (совхозы), потом аннулирование займов и т. д.*). Ларин был убежден, что военное хозяйство Германии представляет собою «новую фазу организации капиталистического производства»; мы имеем в нем дело с народно-хозяйственным новообразованием, «только ускоренным войною, но никоим образом ею не созданным. Для каждой принятой теперь меры можно найти корни и предпосылки в предшествовавшем ходе вещей... Война только ускорила его (германского хозяйства) преобразование в ту сторону, в какую оно и без того было уже направлено». Поэтому, «опыт Германии имеет значение для суждения о будущем ходе вещей вообще... Наблюдаемое сейчас в Германии — прообраз предназначенных для всех путей**). В предисловии к своей книге он сообщает, что военно-хозяйственные предприятия Германии «во многом служили нам образцом при первоначальном построении советского строя в 1917-1919 гг... Особенно это относится к организации нами национализированной нами промышленности и к нашим мерам в области «изъятия излишков», продовольственной разверстки, «коллективного товарооборота», классового нормирования пайков, вообще продовольственной политики советской власти в первые ее годы***). Если партийная программа коммунистической партии ограничивалась общим требованием «объединения всей хозяйственной деятельности страны по одному обще-

*) Ларин и Крицман, Очерк хозяйственного развития и организация народного хозяйства Советской России, Москва 1920, вместо предисловия.

**) Ларин, Государственный капитализм, стр. 28-29, 32.

***) Там же, стр. 5-6; ср. также стр. 20, примечание.

государственному плану», то Ларин, руководствуясь опытом военного хозяйства Германии, развернул это абстрактное требование в детальную конкретную программу. Проведение этой конкретной программы в жизнь дало нам коммунистический период 1918-1920 гг. в истории народного хозяйства Советской России.

Ленин был совершенно солидарен с взглядами Ларина. В брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», написанной в сентябре 1917 г., он утверждал, что та организация народного хозяйства, которую в Германии называют военным социализмом, «на деле есть военно-государственный монополистический капитализм... Социализм есть ничто иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет»^{*)}). Как известно, германская социал-демократическая партия расценивала социально-историческое значение военного хозяйства, созданного правительством императора Вильгельма II совершенно иначе, чем Ленин и Ларин: она не видела в нем последнюю ступень к социалистической организации народного хозяйства Германии.

Русская коммунистическая партия, напротив, положила идею интегрального, тоталитарного планиро-

^{*)} Ленин, Собрание сочинений, том XIV, часть II, стр. 207-209.

вания в основу своей социально-экономической программы. Так, напр., Институт экономических исследований при Государственной плановой Комиссии заявил в своем докладе на Социально-экономическом мировом конгрессе в Амстердаме, в августе 1931 г.: «При капитализме, планирование отношений между предприятиями невозможно; но внутри хозяйственных единиц оно возможно. При социализме все национальное хозяйство целой страны становится единым огромнейшим предприятием. При этой системе планирование всего народного хозяйства не только возможно, но и абсолютно необходимо. Можно утверждать, что социально-экономическое планирование является свойственной социалистическому хозяйству формой бытия, подобно тому как анархия производства и конкуренция являются необходимыми формами существования капиталистического хозяйства*).

Идеологи этой формы планирования, социалисты разных школ убеждены, что социализация народного хозяйства обязательно приведет к росту производительности труда и повышению уровня жизни народных масс. Национализация каменноугольной промышленности в Великобритании и некоторых промышленных предприятий во Франции привела в 1946-1948 гг., напротив, к понижению в них производительности труда. Министр финансов Франции в июне 1947 г. поставил даже вопрос о необходимости вернуть частным предпринимателям те фабрики и заводы, которые приносят убыток.

3. Плановое хозяйство вовсе не обязательно должно иметь интегральный, тоталитарный характер и охватывать все продукты и изделия, производимые в народном хозяйстве страны во всех экономических

*) Social Economic Planning in the USSR, pp. 11-12. Materials for the World Social Economic Congress, Amsterdam 1931.

формах их производства, обращения и распределения. Напротив, для современного этапа развития мирового хозяйства характерно частичное планирование, существующее рядом с рыночной структурой национального хозяйства и охватывающее только некоторые его товары в некоторых только формах их производства, обращения и распределения. Поэтому третьей формой является национализация предприятий в ключевых отраслях народного хозяйства или создание по инициативе государства новых предприятий, в целях развития производительных сил народа и государства. Эта форма планирования предполагает тщательное изучение экономических условий работы национализируемых предприятий, создание в административном государственном аппарате органов народно-хозяйственного управления, накопление национального капитала в государственной форме и ограничение планируемой народно-хозяйственной деятельности государства теми отраслями и предприятиями народного хозяйства, которые приобретают монопольный характер в руках владеющих ими капиталистов предпринимателей. При более внимательном изучении плановых начинаний не трудно установить, что конкретные задачи и формы планирования находятся в прямой зависимости от экономической структуры рынков в планируемых отраслях хозяйства и планируемых предприятиях, от их экономической природы.

Анализ рыночного механизма при машинном способе производства, ведущем к образованию промышленных монополий, дан К. Бюхером и Э. Шмаленбахом. Бюхер констатировал, что на фабриках, имеющих дорогое машинное оборудование, очень большая часть издержек производства остается неизменной, величина которых не уменьшается при сокращении размеров производства; и лишь часть издержек производства в этих предприятиях изменяется пропорци-

онально размерам производства или несколько менее значительно*). Когда, под влиянием сокращения спроса на товар, фабрикант сокращает свое производство, существование высоких постоянных издержек приводит к тому, что цена на этот товар не падает, а, напротив, растет. — В докладе на съезде представителей науки об управлении предприятиями в Вене в 1928 г. проф. Шмаленбах, установив рост связанного хозяйства, дал возникновению и развитию этого народнохозяйственного новообразования следующее объяснение: новая система хозяйства порождается «перемещением издержек производства внутри предприятия. Именно, доля пропорциональных издержек производства уменьшается, а доля постоянных издержек увеличивается настолько, что определяющее влияние на форму производства приобретает величина доли постоянных издержек... Великая эпоха XIX в., эпоха свободного хозяйства, была возможна лишь при условии, что производственные издержки носили главным образом пропорциональный характер. Эта эпоха не могла дальше существовать, когда доля постоянных издержек становилась все больше». — «Если наиболее существенную часть себестоимости составляют постоянные издержки, тогда сокращение производства не приводит к соответствующему сокращению издержек. И если при этом падают цены, то совершенно бесполезно пытаться выправить падение цен сокращением производства. Гораздо выгоднее в таком случае даль-

*) К. Bücher, *Das Gesetz der Massenproduktion*, Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, 1910, перепеч. в сборнике *Die Entstehung der Volkswirtschaft*, II. Sammlung. Эмиль Сакс еще в 1878 г. установил, что одни издержки железнодорожного движения пропорциональны количеству перевозимых грузов, другие же постоянны по своей величине, и что преобладание постоянных издержек требует установления монопольного хозяйства. E. Sax, *Die Verkehrsmittel in Volks- und Staatswirtschaft*, 1878, I. Band SS. 45 ff., 57, 67 ff.

ше производить по данной средней себестоимости. Хотя предприятие работает при этом с убытком, но этот убыток меньше, чем он был бы при ограничении размеров производства и сохранении почти неизменной величины постоянных издержек. Таким образом, современное хозяйство с его высокими постоянными издержками является лишенным спасительного средства, механически приводящего производство в соответствие с потреблением и восстанавливающего таким образом, экономическое равновесие. С превращением большинства пропорциональных издержек в постоянные хозяйственная система утратила способность приспособления производства к потреблению». — «Мы можем с полной уверенностью утверждать, что рост постоянных издержек производства несовместим в конечном счете с существованием свободного хозяйства, что свободное хозяйство должно при господстве постоянных издержек уступить место новому, связанному хозяйству»^{*)}.

Но картели, синдикаты и тресты, регулируя производство и цены, заботятся также о прибылях своих членов. Эта исторически-необходимая форма монопольного хозяйства чревата большими опасностями для народных масс. Сосредоточие в руках нескольких тысяч миллионеров распоряжения всей промышленностью вкупе с путями сообщения, торговлей и банками, может дать очень неблагоприятные результаты в области распределения народного дохода. Поэтому естественно возникли планы установления государственного контроля над этими капиталистическими монополиями или полного изъятия их из рук капиталистической головки, их национализации. Эти национализированные отрасли народного хозяйства получают

^{*)} E. Schmalenbach, Die Betriebswirtschaftslehre an der Schwelle der neuen Wirtschaftsverfassung, Zeitschrift für Handelswissenschaftliche Forschung, 1928, SS. 243, 245, 246.

в лице экономических органов государства хозяина, и будут управляться по выработанному ими государственному хозяйственно-оперативному плану. Развитие массового машинного производства, при котором равновесие между производством, спросом и ценами не может быть достигнуто с помощью рыночного механизма, приводит таким образом к огосударствлению большого числа отраслей народного хозяйства, государственному регулированию цен, размеров производства и даже размеров потребления. Огосударственные отрасли народного хозяйства будут представлять собою уже не систему взаимодействующих хозяйств, а настоящее единое колоссальных размеров хозяйство, руководимое его хозяином-государством по государственному плану. Либеральная форма народного хозяйства должна будет уступить место государственно-плановой его форме.

Передача управления тою или другою отраслью хозяйства в руки парламента и министерства, или их органов народно-хозяйственного управления, открывает возможность внесения в народно-хозяйственную жизнь новых приемов регулирования, чуждых оперативно-хозяйственным приемам частно-хозяйственного планирования. При государственном планировании инженер может быть превращен в должностное лицо, работающее под страхом уголовной ответственности, и в технику производства и экономические расчеты начинает вмешиваться суд. Оперативно-хозяйственное планирование уступает место публично-правовому планированию под страхом уголовного наказания, а частно-хозяйственные договоры найма уступают место публично-правовым нормам государственной службы и трудовой повинности. Эти публично-правовые планирующие мероприятия могут быть применены всюду, где есть власть, обладающая достаточно сильным аппаратом принуждения.

Таким образом, экономический анализ историче-

ских форм достижения равновесия между производством, спросом и ценами товаров и зависимости от них систем экономической политики, приводит нас к различению след. основных систем воздействия государственной власти на экономическую жизнь:

1) обычные мероприятия экономической политики, от случая к случаю воздействующие на те или другие явления или факторы народного хозяйства;

2) оперативно-хозяйственное планирование, аналогичное планированию в сингулярных хозяйствах;

3) публично-правовое планирование под страхом уголовного наказания; вследствие широкого применения этой формы планирования в Союзе ССР изучение его народного хозяйства необходимо начинать с ознакомления с его уголовным кодексом*).

Сами советские хозяйственники признают необходимость «четкого отграничения в структуре и компетенции каждого звена административных функций от оперативно-хозяйственных. Практика показала, что совмещение тех и других в одном органе не обеспечивает действительно хозяйственно-расчетных принципов работы. Возможность перейти при случае от разговора на языке рубля к разговору на языке при-

*) Уголовный кодекс Советской России устанавливает тяжкую уголовную ответственность за такие «преступления», как безхозяйственное ведение дела, небрежное или недобросовестное отношение к своим обязанностям, бездействие или непринятие во время нужных мер, заключение убыточных для предприятия или государства договоров и сделок, — если их следствием было нарушение правильной работы хозяйственного предприятия, причинение ему имущественного ущерба или расстройства в деятельности государственных аппаратов производства, снабжения, распределения и транспорта. Уголовный кодекс признает, что для наличия хозяйственного преступления обязательно наличие вины. Но он исходит из существования двух родов вины: умышленной и неосторожной. Ст. 10 кодекса гласит: «В отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия меры социальной защиты судебно-исправительного характера применяются лишь

каза — такая возможность, как показала практика, таит в себе опасную анти-хозяйственно-расчетную тенденцию»*)).

В современном капиталистическом обществе, наряду с описанной выше типичной формой вольного рынка, -- совокупности производителей, конкурирующих между собою, совокупности потребителей, также конкурирующих друг с другом, стандартного характера товара, единой рыночной цены на товар, ее падения или роста в случае количественного несоответствия между потреблением и производством, автоматически восстанавливающего равновесие на рынке, -- мы имеем большое количество рынков особой, не-типичной структуры. Типичный рынок в капиталистическом обществе, как его изображают Адам Смит и сторонники политики свободы торговли, обладает следующими признаками:

1) мы имеем на нем дело с одним стандартным товаром;

2) производители, потребители и торговцы этого товара свободно общаются друг с другом, сотрудни-

*) Пятнадцать лет советского строительства, 1932, стр. 412.

в тех случаях, когда эти лица: а) действовали умышленно, т. е. предвидели общественно-опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление, и б) действовали неосторожно, т. е. не предвидели последствий своих поступков, хотя и должны были предвидеть их, или легкомысленно надеялись предотвратить такие последствия». Последствия, которые здесь имеются в виду, заключаются в нарушении правильной работы промышленного предприятия, причинении ему имущественного ущерба и т. д. Но разве эти последствия наступают всегда вследствие вины управляющего или технического персонала, а не в силу действия посторонних обстоятельств? И что это за вина в «неосторожных» действиях? Создаваемый таким пониманием вины режим на предприятиях совершенно убивает производственную инициативу инженеров.

чая и конкурируя между собою в его производстве, покупке или продаже;

3) это свободное общение в покупке и продаже стандартного товара на рынке приводит к образованию на него единой рыночной цены;

4) когда предложение превышает спрос, рыночная цена на товар падает;

5) падение рыночной цены, при неизменных издержках производства, приводит через небольшой промежуток времени к сокращению производства и росту потребления, ее рост — к росту производства и сокращению потребления;

6) эта связь между изменениями в производстве, потреблении и цене стандартного товара ведет к автоматическому установлению между ними равновесия на рынке, при котором продажная цена на товар покрывает издержки производства, транспорта и торговли и дает производителям и торговцам нормальный для данного рынка заработок.

В чем заключаются экономические особенности не-типичных рынков в капиталистическом обществе, будет видно из следующих примеров.

Начнем с художественных произведений, картин, статуй, романов, стихотворений, музыкальных произведений. Они также покупаются и продаются, на них существует рынок. Но характерною особенностью его является отсутствие на нем стандартов. Задача художника заключается в создании не стандартного изделия, а индивидуального, оригинального произведения, в котором был бы выражен художественный замысел артиста. Точно также и ценитель художественных произведений, их покупающий или созерцающий их в художественной галлерее или на сцене ценит в них не стандартный продукт, а художественную индивидуальность. Поэтому, на художественные произведения нет также единой рыночной цены; каждое

художественное произведение имеет свою индивидуальную цену. Подчинение художественных произведений и духовной жизни вообще указным стандартам убило бы свободу индивидуального творчества, превратило бы скульптуру, живопись и литературу в ремесла. Очевидно, нельзя планировать производство художественных произведений.

Напротив, продукты тяжелой промышленности, каменный уголь, нефть, чугун, машины, всегда стандартны. И уголь, и нефть бывают разного качества, но из них добываются продукты определенного стандарта, и при употреблении их в качестве топлива их качественные различия сводятся к количеству в них калорий. Каждая машина должна быть также стандартной, она не допускает никаких индивидуальных особенностей. Точно также и потребителю нужны продукты тяжелой промышленности определенного стандарта: уголь для топлива, бензин для двигателей внутреннего сгорания, машины разного назначения. На стандартные продукты на рынке всегда существует единая рыночная цена. Пока в тяжелой промышленности преобладал труд человека, мы имели в ней дело с приблизительно равными издержками производства на единицу продукта и с типичным саморегулирующимся рынком. Но когда промышленность перешла к применению сложных и дорогих машин, рядом с издержками, пропорциональными количеству производимых продуктов и изделий (сырые материалы, заработная плата), появились постоянные издержки производства (амортизация капитала предприятия, проценты на затраченный капитал и общие административные расходы), величина которых не меняется с изменением количества производимых предприятием товаров. Во многих ключевых отраслях промышленности эти постоянные издержки производства, достигнув больших размеров, радикально изменили структуру цен и их реакцию на изменение размеров производ-

ства. Большие постоянные издержки производства имеют тенденцию раз возникшее несоответствие между предложением и спросом на товар постепенно увеличивать, доводя до кризиса в данной отрасли промышленности, а при распространении на много ключевых отраслей — до национального и мирового промышленного кризиса.

Первою формою связанного хозяйства были картели капиталистов-предпринимателей и тресты, в которых сосредоточение в руках небольшой кучки мультимиллионеров распоряжения всей промышленностью вместе с железными дорогами, оптовой торговлей и банками дает очень тяжелые для народных масс результаты в области распределения народного дохода. Поэтому рабочие организации и социалистические партии выдвинули идею государственного планирования тяжелой промышленности. Планирование тех отраслей промышленности, в которых рынок, за незначительностью в них постоянных издержек производства, продолжает еще с успехом исполнять свою регулирующую производство функцию, является не только излишним, но и вредным, так как лишает промышленность благотворного влияния свободной конкуренции, развивающей в населении предприимчивость, расчетливость и чувство ответственности.

Планирование производства продуктов и изделий тяжелой промышленности предполагает также планирование их сбыта и снабжения материалами, — сырьем, топливом, машинами, двигателями, — для их производства. Сбыт, вследствие недостаточного развития промышленности в СССР, при котором производство всегда отстает от спроса, никаких трудностей не представляет: плановому учреждению нужно только решить, кому из претендентов отдать добытую тонну угля или нефти или изготовленную машину и по какой цене. Снабжение материалами, напротив, представляет большие трудности. Материалы эти бывают

двух родов: основные сырые материалы, играющие главную роль в производстве, в которых всегда испытывается недостаток, и детали, — шурупы, гайки, болты, розетки, динамо, резиновые изделия, ремни, — производство и доставка которых не представляет особых затруднений. Как ни мала роль деталей и как ни низки их издержки производства и цена, без деталей выпустить машину завод не может. Поэтому, из-за недостатка пустяшных деталей на советских машиностроительных заводах скоплялись иногда большие количества неукomплектованной продукции, которую нельзя было отгрузить с завода. Вероятно, и после войны происходит то же самое, даже еще в больших размерах, только советские газеты молчат об этих неполадках. Колоссальный завод не исполняет своих обязательств по выпуску тракторов или локомотивов потому лишь, что какое-либо мелкое предприятие не выполнило во-время плана и не дало какую-либо деталь стоящую несколько десятков или сотню рублей. Хотя крупные предприятия снабжаются этими деталями в децентрализованном порядке, не по плану, а с 1936 г. по договорам, однако и здесь отсутствует та свобода личной инициативы и торговой предприимчивости директоров фабрик, которая только и может обеспечить своевременное производство, отгрузку и доставку этих деталей.

В Советской России главные основные материалы, в которых советская промышленность испытывает большую недостачу, до войны всего числом около 300, зачисляются в фонды, которые не только распределяются Государственной плановой Комиссией по заводам в плановом порядке, но и расходоваться могут в строго определенном количестве на производство предметов, точно в плане указанных. Снабжение материалами, в меньшей мере недостаточными, производится по квотам, т. е. каждый завод получает определенное их количество на планируемый период без

указания, на производство каких предметов они должны быть израсходованы. Пользование ими предоставляется усмотрению директора в границах квоты, установленной планом.

В промышленности, производящей предметы личного потребления, мы находим большое разнообразие в строении рынков. Одни отрасли ее, в которых преобладают ремесленные мастерские и мелкие предприятия с 1-16 рабочими, работают на местном сырье на местный рынок, ограничивающийся городом и прилегающей к нему сельской территорией. Эта местная промышленность совершенно не поддается планированию из центра; центральные органы планирования не могут иметь необходимых сведений о местных рабочих силах, мастерских и предприятиях, рынках сырья и сбыта, характере потребления, зависящем от национальности, уровня жизни и культуры; поэтому попытки их планирования в первых пятилетних планах привели к почти полному уничтожению местной промышленности. Лишь 7 января 1941 г. советская власть признала, что причиной гибели местной промышленности является тоталитарное бюрократическое планирование, и постановило отменить существующую практику централизованного планирования производства и использования товаров широкого потребления и продовольствия, передав планирование местной промышленности в руки районных и областных исполнительных комитетов, Советов депутатов трудящихся и Советов народных Комиссаров союзных и автономных республик. Закон этот, к сожалению, не дал положительных результатов, так как был издан накануне войны с Германией, а в годы войны было не до забот о местной промышленности.

Другие отрасли промышленности, дающей продукты личного потребления, работают на национальный рынок, но производят продукты, не имеющие стандартного характера. Таковы ювелирные изделия,

модные дамские платья и т. д. Их производство также нельзя планировать. Третья группа производит стандартные продукты личного потребления на больших фабриках, напр. текстильных. Их планирование зависит от структуры их цен, меры развития постоянных издержек производства. В предприятиях, в которых продолжают господствовать пропорциональные издержки, автоматическое регулирование производства и цен делает излишним применение к ним указного планирования; устранение частной предприимчивости и конкуренции в тех отраслях промышленности, в которых они дают положительные результаты, приносит вред народному хозяйству. Что же касается интересов рабочих, в этих предприятиях занятых, то они полнее могут быть защищены развитием рабочего законодательства, профессиональных союзов и кооперативных товариществ.

В сельском хозяйстве рынок имеет также свои особенности. Во многих его отраслях реакция производства на увеличение спроса требует не недель, а лет. Посев зерновых и технических растений в умеренном поясе земли производится один раз в году; выращивание коров, дающих молоко, требует трех лет; фруктовые деревья дают значительные сборы фруктов, начиная с 5-8 лет; выращивание лесных деревьев требует не менее 40-60 лет, и т. д. Очевидно, при таких сроках увеличения производства, рыночные несоответствия между производством и спросом могут существовать в сельском хозяйстве много лет и сельские хозяева бессильны восстановить их равновесие путем увеличения или уменьшения производства*).

Роль рыночных или планируемых реакций в сельском хозяйстве на движение цен еще умаляется дей-

*) Увеличение добычи минеральных ископаемых также требует во многих случаях значительных промежутков времени.

ствием климатических условий. В полеводстве, особенно в степях, в которых производится главная масса зерновых хлебов, засуха и суховеи могут быть причиною очень плохого урожая в год недостатка хлебов и высоких цен на хлеб, когда сельские хозяева приложили все усилия и сделали много затрат для получения хорошего урожая, или во-время выпавшие дожди могут дать богатый урожай в год с низкими ценами на хлеб. Эта неспособность сельских хозяев поддерживать равновесие между предложением сельскохозяйственных продуктов и спросом на них приводит к таким нелепым результатам, как сжигание значительной части урожая кофейных зерен в Бразилии, кукурузы в Аргентине, убоя крупного рогатого скота (до войны) в странах Западной Европы. Наконец, большое значение имеет в крестьянском и фермерском хозяйстве то обстоятельство, что падение цен на сельскохозяйственные продукты ведет к желанию хозяев не сократить, а увеличить их производство, так как крестьяне и фермеры стремятся прежде всего к сохранению неизменной величины своего годового дохода и уровня жизни своей семьи. Особенно сильно это стремление к сохранению обычной величины годового дохода от занятия сельским хозяйством в районах, где крестьянские и фермерские хозяйства имеют высокую задолженность*).

Мы видим из этих замечаний, насколько велико отличие экономической структуры рынков на продукты сельского хозяйства от рынков на изделия промышленности. Поэтому, и планирование сельского хозяйства должно заключать в себе совершенно иную систему мер, чем планирование промышленности. Же-

*) The improvement of Commercial Relations between Nations and the Problem of Monetary Stabilisation, Paris 1936. Comments on the Trade between the Industrial and the Agricultural Exporting Countries of the World, p. 127.

лезнодорожное хозяйство также требует своей особой системы мер планирования.

Основную особенностью железнодорожного хозяйства является чрезвычайно высокая стоимость их постройки, исключая как правило конкуренцию двух или нескольких дорог между двумя городами. Эмиль Сакс уже в 1870-х гг. установил, что в издержках железнодорожного движения пропорциональные издержки, зависящие от количества перевозимых грузов и пассажиров, незначительны и преобладающее значение имеют постоянные издержки по оплате процентов на затраченный капитал, ремонт пути и подвижного состава и покрытие расходов по администрации, преобладание которых ведет к установлению монопольной системы железнодорожного хозяйства; поэтому уже с последней четверти XIX века в нем повсюду применяется в той или другой мере планирование. Оно применяется к постройке железных дорог, их работе, железнодорожным тарифам. Постройка железных дорог рентабельна только на территориях, дающих для перевозок достаточное количество грузов. В Австралии и Африке количество грузов, предъявляемых к перевозке, так незначительно, что рост железнодорожной сети идет крайне медленно. Железнодорожные тарифы не представляют собою настоящей рыночной цены за перемещение груза или пассажира на определенное расстояние, так как на железных дорогах нет конкуренции между предложением и спросом на услуги. Есть лишь спрос на работу железных дорог со стороны отправителей грузов или пассажиров; предложение практически безгранично, так как при преобладании постоянных издержек производства всякое значительное увеличение количества перевозок ведет к понижению издержек производства. Поэтому, железнодорожные тарифы устанавливаются не конкуренцией предложения со спросом, а усмотрением железнодорожной администрации

и имеют указный характер. Не будь планирующего вмешательства государства, монопольный характер железнодорожного хозяйства приводил бы, по ее усмотрению, к установлению тарифов за перевозку грузов и пассажиров любой высоты. Понижение железнодорожных тарифов оказывает положительное влияние на поступление на дорогу грузов в том лишь случае, если оно приводит, — через некоторый промежуток времени, более или менее значительный, — к увеличению производства товаров на территории, железной дорогой обслуживаемой.

Не-типичный характер имеет и рынок капиталов, накапливаемых в историческом процессе продуктов труда и мысли человека, и организация их инвестирования. В процессе накопления роль цены должен был бы играть процент, приносимый накопленным капиталом. На рынке капиталов есть и предложение, и спрос, определяющие высоту процента на капитал. Но высота процента не определяет размеров национального накопления; оно зависит главным образом от меры неравенства в распределении национального имущества, — чем больше эта мера, тем выше национальный процент накопления, — и степени развития предусмотрительности и бережливости в средних по достатку слоях населения. Понятие рыночного равновесия к рынку капиталов неприменимо, потому что как бы ни было велико национальное накопление, их инвестиция всегда будет возможна внутри страны или в других странах. Вмешательство планирующего центра в процесс накопления может заключаться только в принуждении населения сократить свое личное потребление и увеличить размеры накопления в целях развития национальных производительных сил. Другою формою его вмешательства является выбор отраслей производства и предприятий, в которые инвестируются капиталы. Если крупные капиталисты-предприниматели сами определяют, куда инвестиро-

вать свои накопления, то широкие слои лиц, имеющие сбережения малых или средних размеров, никогда не принимают активного участия в их инвестировании. Их активность ограничивается помещением своих сбережений в сберегательные кассы, частные банки и государственные займы. В капиталистическом обществе размещением национальных сбережений занимаются банкиры и миллионеры-предприниматели; при советском строе их размещением заведует Государственная плановая комиссия.

На рынке труда предметом спроса и предложения являются не вещи и не услуги, а люди. Это орудие производства отличается от других орудий способностью мыслить, чувствовать, целевым образом действовать, соединяться с другими людьми для совместных действий. Эти его свойства делают из него не одно из орудий производства, *instrumentum vocale*, а существо, имеющее высшую ценность, право на развитие своей духовной жизни, полностью осуществимое только в том идеальном строе общества, который мы называем гуманитарным. Как существо, обладающее духовной жизнью и духовными интересами, человек должен обладать свободой в выборе местожительства, профессии, места работы, ее условий, отдыха и развлечений. Так как труд необходим для обеспечения материальной стороны жизни, то эта свобода подвергается, на современной ступени развития цивилизации, большим или меньшим ограничениям; но только в рабском обществе за рабом отрицается какое бы то ни было право на свободу. С момента пробуждения народных масс к политической и социальной самостоятельности в середине XIX века на рынке труда произошли большие изменения в пользу рабочих в виде развития профессиональных союзов и рабочего законодательства. Падение рыночной цены на труд, получаемой рабочим заработной платы, всегда сопровождается ростом безработицы и ведет к сокра-

щению производства и снижению цен на изделия, автоматически порождающему, через более или менее значительный промежуток времени, увеличение производства и спроса на труд, рост заработной платы и, следовательно, восстановление равновесия на рынке труда. Планирование производства может предупредить эти колебания в спросе на труд и заработную плату. Планирование труда, распределение рабочих Государственной плановой Комиссией между территориальными областями, отраслями народного хозяйства, профессиями и предприятиями имеет целью борьбу с текучестью рабочей силы, укрепление рабочей дисциплины и развитие народного хозяйственного производства по плану, утвержденному в планирующем центре; оно заменяет самотек рабочей силы в народном хозяйстве ее более или менее принудительным распределением. Поэтому, планирование труда имеет явно антигуманитарный характер. Прикрепление рабочего против его воли к предприятию, профессии или городу, также как переброска его, против его воли, на другое предприятие, в другую профессию, в другой город еще сильнее нарушают самые жизненные интересы рабочих, чем сокращение заработной платы или удлинение рабочего дня. Свобода труда способствует размещению людей в народном хозяйстве сообразно их склонностям, годности и квалификации; она питает интерес к работе, порождает любовь к своей профессии, к предприятию, в котором рабочий или инженер работает. Принудительное распределение труда, напротив, порождает отвращение к работе, профессии, предприятию.

Надвигающийся период войн привел уже в 1939 г. к введению в советских колхозах обязательства работать в колхозном хозяйстве не менее 60-100 дней. Фабрично-заводские рабочие были закреплены в 1940 г. за местами своей работы под страхом тюремного заключения на 2-4 месяца, а Совет народных

комиссаров СССР получил право перемещать инженеров, конструкторов, техников, чертежников, экономистов и квалифицированных рабочих из одного предприятия в другое на всем пространстве СССР. В 1939-1940 гг. эти ограничения свободы труда несомненно вызывались подготовкою к войне; однако, они не отменены и по окончании войны.

Такой же антигуманитарный характер имеет замена свободного, по своему вкусу и выбору, приобретения и пользования продуктами питания, предметами одежды и жилищем, их распределением по указу Государственной плановой Комиссии. Планирование потребления и сажание населения на голодный паек в разоренных войною западно-европейских странах принимается как временное лишение ради спасения жизни. Но возведение подобного распределения предметов потребления в нормальный порядок было бы непереносимым для современного культурного человечества. В данном случае государственное планирование врывается в область личной, интимной жизни человека, ограничивает его право на индивидуальность. Особенно зловредны стремления тоталитарного планирования в области художественного творчества, литературы, театра и духовной жизни вообще. Для ее развития необходима свобода индивидуального творчества, слова и печати, верований и политических убеждений. Этим свободам нет в Союзе ССР*).

*) Член политбюро и секретарь коммунистической партии А. Жданов, руководивший в 1946 г. политической кампанией за постановку всей художественной литературы и театра в Союзе ССР на службу коммунистическому тоталитарному мировоззрению, в 1947 г. выступил с требованием отказа от объективизма в области философского мышления, который ведет, по его мнению, к раболопию перед буржуазными философами и преувеличению их заслуг. Он утверждал, что партийность в философии является основным принципом материалистического мировоззрения Маркса и Ленина (Большевик, Москва 1947, № XV, стр. 51-56; № XVI, стр. 12-13). Жданов не видел, следовательно,

Таким образом, в современном капиталистическом народном хозяйстве мы имеем не единый мировой рынок, основанный на тоталитарной свободе экономической деятельности всех трудящихся, а совокупность многих городских, национальных и международных рынков, на значительной части которых монопольное начало окончательно убило принцип экономической свободы. Таковы тяжелая промышленность, железные дороги, банки. Народное хозяйство XIX-XX века построено не на принципе свободы экономической деятельности всех трудящихся, которую защищал Адам Смит и экономисты классической школы, а на принципе свободы предпринимательской деятельности капиталистов-предпринимателей вплоть до свободы организации ими монопольных картелей и трестов. Власть капиталистических монополий в со-

никакой разницы между отливкой или ковкой гвоздей, сажанием картофеля и умственной работой над философскими вопросами. Задачей философии он считал формирование духовных личностей советских граждан по партийному стандарту. «Правда» утверждает, что советская высшая школа призвана готовить «сознательных строителей коммунизма... Боевая большевистская партийность, пронизывающая всю систему воспитания и обучения в высшей школе, в том числе и преподавание специальных дисциплин, — вот основа идейного воспитания студенческой молодежи». («Правда» 1948 г., 22 октября). На совещании коммунистических партий в Варшаве в конце сентября 1947 г., на котором был учрежден Коминформ, Г. Маленков следующим образом определил задачи партии в области духовной жизни Советской России: она должна усилить партийность советской литературы, искусства и науки, воспитать молодежь верящей в дело коммунизма и «руководствоваться в своей творческой работе тем, что составляет жизненную основу советской страны — политикой партии». Русским людям нужно излечиться от болезни низкопоклонства перед всем заграничным, неверия в свою способность собственными силами выбраться из культурной и экономической отсталости, от преклонения перед буржуазной литературой и искусством, находящимся в состоянии маразма и разложения.

временном народном хозяйстве так велика, что говорить о свободе в нем экономической деятельности для народных масс могут лишь люди, утратившие способность к объективному наблюдению и анализу действительности.

Но если единого мирового рынка нет в природе, то невозможна и система тоталитарного планирования. Государственное планирование возможно только в тех границах, которые ставятся ему достигнутым уровнем территориального развития национального и мирового хозяйства. Организация планового хозяйства предполагает закономерность социально-экономических явлений и процессов, знание нами их причин и законов, ими управляющих, обладание государственной властью средствами воздействия на ход развития народно-хозяйственной жизни и на причины народнохозяйственных явлений, и через их посредство на производимые ими явления. Нельзя планировать производные явления, симптомы, следствия; нужно действовать на их причины. Но не все причины социально-экономических явлений поддаются целевым воздействиям политической власти, таковы например геополитические данные (климат страны, запасы ископаемых, горные хребты и моря), размер урожая, рождаемость и прирост населения, международные экономические отношения (рынки сбыта, сырья, капиталов, экспорта и импорта товаров)*). Бесплезно стремиться изменить течение явлений, зависящих от факторов, не поддающихся воздействию со стороны органов политического управления. С другой стороны, чем глубже проникает планирование

*) Первый пятилетний план 1928-1932 гг. в Союзе ССР планировал прирост населения, размеры денежного обращения, величину внешней торговли. В последующих пятилетних планах эти важные части советского народного хозяйства уже не планировались.

в структуру народного хозяйства, тем более значительные результаты оно дает. Поэтому в Союзе ССР наиболее эффективными были мероприятия по организации геологических разведок, подъему квалификации рабочих, созданию инженерно-технических кадров, увеличению национального накопления.

Планирование народного хозяйства состоит не только в том, что сведущие люди составляют план организации народного хозяйства, но также в исполнении этого плана. Следовательно, уже при составлении плана должны быть учтены все местные условия, которые никак не могут быть известны людям в центре; поэтому в его составлении необходимо участие местных людей, работающих на всех фабриках, на путях сообщения, в колхозах и совхозах и т. д., которым после придется исполнять составленный центральным плановым органом план. Переход к плановому хозяйству ставит перед населением страны совершенно новую задачу: оценку своей частно-хозяйственной работы с народно-хозяйственной, государственной точки зрения, как части национального целого. При капиталистическом строе хозяйства никто о такой оценке своей работы на фабрике или крестьянском хозяйстве не думал. При плановом же хозяйстве все должны об этом думать.

В Союзе ССР идея национализации некоторых ключевых отраслей народного хозяйства в целях развития национальных производительных сил была формулирована инженером Г. М. Кржижановским в 1920 г. в форме создания национальной сети электрических станций на торфе и реках. Его план государственной электрофикации СССР встретил полную поддержку Ленина, говорившего, что «коммунизм есть советская власть плюс электрофикация всей страны». По схеме «Государственной Комиссии по электрофикации России» (Гоэлро), созданной Кржижановским, в 1921 г.

была организована Лениным «Государственная плановая Комиссия»*), многолетним председателем которой был Кржижановский, вырабатывавшая и контролировавшая осуществление пятилетних планов развития народного хозяйства Союза ССР**).

Планированию народного хозяйства в Советской России мешала главным образом ее экономическая и культурная отсталость. Как правильно заметил Дж. Коль, в промышленных странах Западной Европы планирование народного хозяйства было бы гораздо более легким делом, чем оно было в Советской России. «Трудности экономического планирования в России были чрезвычайно большими потому, что русские должны были начать свое планирование при очень невыгодных условиях. Во-первых, при таком низком уровне жизни, при котором накопление национального капитала могло происходить только за счет изъятий из потребления населения, стоявшего на границе голода. Во-вторых, при промышленной системе, так плохо оборудованной средствами производства и транспорта, что нужда в накоплениях для приобретения нового капитального оборудования была неизмеримо больше, чем в любой из более развитых промышленных стран. И в-третьих, наконец, очень большое значение имел чрезвычайный недостаток обученного персонала, как технического и админи-

*) 9 января 1948 года она была переименована в Государственный Плановый Комитет Совета Министров СССР.

**) Беспартийные ученые и техники принимали участие в работах Государственной плановой Комиссии, под председательством члена коммунистической партии Г. М. Кржижановского, со дня ее учреждения. В 1922 г., во время новой экономической политики, было сделано предложение превратить Госплан из органа совещательного в орган, принимающий решения. Это предложение было отвергнуто по тому соображению, что нельзя доверить все руководство экономической политикой «чисто буржуазной организации» из 300 профессоров и техников, во главе которой стоит несколько коммунистов.

стративного, так и рабочего, за отсутствием которого работа на новых усовершенствованных машинах представляла непреодолимые трудности»*)).

Государственная плановая Комиссия в первые годы своей работы вела ее внутри комиссии, в ее рамках; в ней участвовали только члены комиссии и приглашаемые ею специалисты. Но с 1928 г. к плановой работе начали привлекаться люди на местах, инженеры, представители научных и общественных организаций, рабочий актив на фабриках, заводах и копиях. По словам одного из руководителей Госплана, С. Струмилина, «кабинетные ученые часто забывают, что коллективная воля производителей есть тоже один из факторов хозяйства и притом — в наших условиях — далеко не последний. Они не подозревают, что всякий объективный прогноз будущего, игнорирующий этот субъективный фактор, не может в наших условиях иметь научного значения. Чтобы избежать этой ошиб-

*) G. D. H. Cole, *Principles of Economic Planning*, London 1935, p. 407. О достигнутом к 1917 г. уровне развития русской промышленности смотри исследование Г. Цыперовича, *Синдикаты и тресты в России*, Петербург 1918. По его данным, главным полем развития картельных объединений были в ней железодобывательная, нефтяная и каменноугольная промышленность, в которых преобладали западно-европейские предприниматели и капиталы. Первым синдикатом, возникшим в России, был «Синдикат гвоздильных и проволочных фабрикантов», учрежденный в 1886 г. Следующий синдикат для продажи изделий металлургических заводов «Продамет» возник в 1902 г. В области нефтяной промышленности первое картельное объединение возникло в первой половине 1890-х гг., в каменноугольной промышленности в 1902 г. В легкой промышленности, в которой преобладали русские капиталы, число синдикатов было незначительным. В текстильной промышленности синдицирование началось в 1901 г.; затем начали объединяться некоторые другие отрасли промышленности. При таком слабом развитии картельного объединения идея национализации крупной промышленности и ее государственного планирования не могла быть порождена ее экономической силой и зрелостью.

ки, эти ученые должны бы в число своих познавательных задач при построении хозяйственного плана включить и задачу предвидения коллективной воли производителей... Сознвая себя элементом этих масс, (мы) стремимся активно сформировать и сконцентрировать их волю на определенных конкретных заданиях»*)).

Как говорит И. Гладков, «в настоящее время подготовка и составление народно-хозяйственного плана не является исключительной функцией какого-либо специального аппарата... Формы участия масс трудящихся в планировании чрезвычайно разнообразны.

*) С. Струмилин, Проблемы планирования в СССР, Ленинград 1932, стр. 206. Но руководящая роль в плановой работе, как и во всех экономических, политических и культурных мероприятиях советской власти, принадлежит не народу, не его советам, а коммунистической партии. Государственные органы Советской власти, по откровенному заявлению Сталина, состоят в подчинении коммунистической партии: «при выработке плана работы тех или иных органов власти по линии ли промышленности и сельского хозяйства, или по линии торговли и культурного строительства партия дает общие руководящие указания, определяющие характер и направление работы этих органов за время действия этих планов». — «Партия проверяет работу органов управления, работу органов власти, исправляя ошибки и недочеты, без которых их работа не обходится, помогая им проводить решения правительства и стараясь обеспечить им поддержку масс, причем ни одно важное решение не принимается ими без соответствующих указаний партии» (Сталин, Вопросы ленинизма, 10 издание, стр. 174-5). Изданный Институтом права Академии Наук СССР под редакцией А. Вышинского учебник «Советское государственное право» приводя эти утверждения Сталина, приходит к следующему противоречащему действительности заключению о том, кому принадлежит в Союзе ССР государственная власть: «В форме советов рабочий класс осуществляет подлинный народный суверенитет, призвав народ к управлению государством и сделав его — единственным носителем всей государственной власти. Вся власть принадлежит советам — такова формула нашего социалистического государства с первого же дня его существования». «Советское государственное право», под редакцией А. Вышинского, Москва 1938, стр. 160.

Здесь и отраслевые производительные конференции по установлению новых технических норм и норм выработки, совещания актива по предприятиям, отдельным отраслям народного хозяйства и народным комиссариатам, совместные совещания передовых людей различных отраслей с руководителями коммунистической партии и правительства, производственные совещания на предприятиях, где участвуют сотни лучших стахановцев. В подготовке и составлении производственных планов участвует вся масса трудящихся промышленных и других предприятий, совхозов и колхозов*). Чтобы дать трудящимся массам способность размышлять и соображать об этой стороне их хозяйственной деятельности, нужна широкая и серьезно обоснованная пропаганда идеи народно-хозяйственного планирования. Затем, исполнение плановых заданий в каждом предприятии требует также сознательного и активного отношения всех его работников к плану. В рамках плана, охватывающего все народное хозяйство, правление каждого предприятия, при активном участии его инженеров и рабочих, составляет план производства предприятия, выпуска им заданных ему продуктов и изделий, план снабжения его рабочей силой, оборудованием, сырыми материалами и топливом, план реализации его продукции и финансовый план. Наконец, центральная плановая организация должна иметь органы контроля над исполнением плана на местах**).

Поэтому, система планового хозяйства налагает

*) И. Гладков, Очерки по истории социалистического планирования, Москва, 1939 г., стр. 186.

**) В Великобритании также к составлению народнохозяйственного плана привлекаются члены парламента, директора промышленных предприятий, инженеры и рабочие. По словам Герба Моррисона, «министры, выработавшие и утвердившие народнохозяйственный план, за который они берут на себя полную ответственность, представляют его парламенту и нации и принимают меры для его исполнения. Исполнение народнохозяйствен-

на Государственную плановую Комиссию и на все население очень большую работу. При прежнем экономическом строе каждый фабрикант, ремесленник и крестьянин думал только о своем предприятии и хозяйстве; рабочий, работавший по найму в чужом предприятии, думал только о своем бюджете, как свести расходы со своим скудным заработком.

После замены рыночной организации народного хозяйства его планированием из административного центра все трудящиеся должны, кроме своих частно-хозяйственных дел, думать также и о народном хозяйстве в целом, его состоянии и развитии. Для руководства плановой системой хозяйства Государственная плановая Комиссия нуждается в большом количестве техников, экономистов и статистиков: в результате, значительная часть инженерно-технического персонала должна была быть переведена на работу по планированию, вместо работы по производству. На конференции коммунистической партии Союза ССР в 1941 г. были приведены следующие данные о расстановке специалистов с высшим и средним специальным образованием в системе промышленных народных комиссариатов:

	с высшим образованием		со средним образованием	
	число	% %	число	% %
В учреждениях народных комиссариатов	95.000	45	41.000	25
В заводууправлениях пром. предприятий	51.000	24	41.000	25
На производстве	68.000	31	82.000	50
ИТОГО	214.000	100	164.000	100

ного плана является делом не одних правительственных учреждений, но всей нации». — «Когда был произведен полный учет всех средств производства, которыми располагает правительство, исполнение большей части народнохозяйственного плана зависит в общем от действий директоров предприятий и рабочих». Н. Morrison, *Economic Planning*, 1946, pp. 7-8, 8.

В народном комиссариате нефтяной промышленности только 20% специалистов с высшим образованием работало непосредственно на производстве; в народном комиссариате угольной промышленности 27%; в народном комиссариате рыбной промышленности 9%; в народном комиссариате лесной промышленности 24%. Плановая система хозяйства предъявляет такой спрос на работников с высшим специальным образованием в административных учреждениях, планирующих работу хозяйственных предприятий, и в их заводууправлениях, что для работы на производстве в Союзе ССР остается мало специалистов. Поэтому лишь страны, обладающие большим количеством этих специалистов, могут позволить себе, без ущерба для производства, переход к системе планового хозяйства.

Плановая система преследует две основные задачи: 1) увязку национального потребления с национальным производством и всех отраслей национального хозяйства между собою, предупреждающую возникновение промышленных кризисов и массовой безработицы и 2) дальнейшее развитие его производительных сил. Если первая задача разрешается одной и той же техникою планирования во всех странах, принявших плановую систему, то меры, принимаемые для разрешения второй задачи, в каждой стране зависят от строения народного хозяйства и достигнутого им уровня развития. Главное значение в ряду этих мер имеют мероприятия по повышению квалификации национальных рабочих сил, накопление национального капитала в руках государства и размещение инвестиций рабочих сил и капиталов в порядке их народно-хозяйственного значения. Как говорит Э. Карр, «главную задачу планирования является установление порядка в инвестировании национальных ресурсов, включая в этот термин как материальные средства, так и рабочую силу людей; так как

исполнение этой задачи предполагает распределение недостаточных ресурсов между большим числом заданий, запросы которых они удовлетворить не могут, то достигающее свою цель планирование исключает возможность существования не находящих применения материальных средств производства и рабочих сил; за исключением, конечно, случаев временных расстройств в народном хозяйстве... Первою и основною установкою в планировании должно быть определение размеров производства для личного потребления и для накопления национального капитала. Пока отношение между этими двумя основными формами производства не определено, т. е. пока не определена политика национального инвестирования, не может быть реального планирования»^{*)}).

Плановые мероприятия, преследующие цель развития производительных сил страны, носят в странах аграрных, напр. Советской России, совершенно иной характер, чем в промышленных странах Западной Европы, напр. Великобритании^{**)}. В промышленных странах главною задачею плановой организации хозяйства является борьба против капиталистических монополий, картелей и трестов, и периодических промышленных кризисов, создающих массовую безработицу. В аграрных странах, со слабо развитым капитализмом, задача планового хозяйства заключается в развитии национальных производительных сил, в

^{*)} Е. Н. Carr, *The Soviet Impact on the Western World*, London 1946, pp. 35-36.

^{**)} На народнохозяйственное значение национализации хозяйственных предприятий значительное влияние оказывают условия, на которых, она будет проведена. Выкуп национализируемых капиталистических предприятий может возложить на народное хозяйство платеж таких размеров, который будет непосильным для страны; экспроприация же частных хозяйственных предприятий возможна лишь при проведении национализации революционным путем.

борьбе с безграмотностью и низкой производительностью труда населения, в создании национальной промышленности; нужные для этой цели капиталы они могут получить только путем крайнего сокращения национального потребления. Национализация ключевых отраслей народного хозяйства и введение в них плановой системы хозяйства за счет государства легче проходит в аграрных странах, так как в странах промышленных оно встречает энергичное сопротивление мощного и влиятельного класса капиталистов.

Напротив, техника планирования в разных странах имеет, повидимому, тенденцию быть в основном одной и той же. В Советской России центральным планирующим органом является Государственная плановая Комиссия (кратко, Госплан), основною задачею которой, по уставу 1938 г., является обеспечение в плане народного хозяйства Союза ССР правильных отношений в развитии его различных отраслей и принятие необходимых мероприятий по недопущению в нем диспропорций. На Государственную плановую Комиссию возлагается в плане народного хозяйства Союза ССР:

1) задача увязки работы смежных отраслей социалистического производства, добывающей и обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и индустрии, транспортного и народного хозяйства;

2) задача увязки роста производства и роста потребления, финансирования производства и его материального обеспечения;

3) осуществление правильного районного размещения предприятий, исходя из необходимости ликвидации дальних и встречных перевозок, приближения предприятий к источникам сырья и к районам потребления их продукции.

Составление пятилетних, годовых и квартальных

планов начинается с установления Советом народных комиссаров (теперь министров) общих задач плана; затем эти общие задачи развертываются Государственной плановой Комиссией в планы развития отраслей народного хозяйства, размеров фондов накопления и потребления, величины производства ключевых отраслей народного хозяйства, заработной платы и цен. После этого начинается проверка осуществимости отдельных частей плана местными органами Госплана вплоть до плановых ячеек на предприятиях, в которых участвуют не только директор и инженеры, но и рабочие. Во время этой критической проработки местными плановыми органами исполнимости первоначального проекта, выработанного Государственной плановой Комиссией, в него вносятся часто значительные изменения. Конкретные планы, принятые плановыми ячейками на предприятиях, поступают затем обратно в Госплан, который их принимает, или вносит в них свои поправки. Этот второй проект плана в той его части, по которой соглашение не достигнуто, опять возвращается в плановые ячейки на предприятиях, иногда много раз, пока наконец не будет достигнуто соглашение между Госпланом и местными плановыми ячейками, и Госплан получит возможность составить окончательный проект плана для Союза ССР. Вся эта сложная и долгая работа по выработке плана устраняет и сглаживает все расхождения между первоначальным плановым заданием Совета министров СССР и постановлениями плановых ячеек на предприятиях о степени исполнимости этих заданий, все диспропорции между отдельными отраслями народного хозяйства, заключающиеся в постановлениях плановых ячеек на предприятиях, стремится сократить дальние и встречные перевозки, приближая предприятия к источникам сырья и к районам потребления их продукции, и вовлекает всех активных работников в промышленности, начиная с директора и кончая про-

стым рабочим, в составление народнохозяйственного плана страны, воспитывая в них чувство ответственности за его осуществление. Следующим этапом этой сложной работы составления национального хозяйственного плана является составление Госпланом по каждому товару, производимому в стране или привозимому из-за границы, конкретного, по предприятиям, плана его производства, транспорта, товарообращения и распределения, а также плана размещения производительных, транспортных и торговых предприятий по каждой отрасли народного хозяйства, на основании географического распределения источников сырья, районов потребления и существующих путей сообщения. Заключительным актом этой сложной работы является соединение и увязка всех частичных планов в единый народнохозяйственный план, заключающий в себе отраслевое и географическое распределение рабочих сил, капитальных инвестиций и народнохозяйственных предприятий.

Несмотря на всю колоссальную работу, которую проделывают планирующие органы Союза ССР для составления пятилетних, годовых и квартальных планов, планирование народного хозяйства в Союзе далеко от совершенства, как показывают следующие данные о пятилетних планах и их исполнении (в миллионах человек, миллионах центнеров и голов скота, миллиардах рублей 1926/27 г. и тысячах километров):

	население	городское	собрано зерновых хлебов	голов рогатого скота	валовая продук- ция сельского хозяйства	вал. продукция промышленности	железные дороги
1932/3, план	134,5	34,7	1.058	80,9	21,6	25,1	91,8
1932, испол- нение	127,3	38,4	699	40,7	13,1	20,2	83,3
1937, план*)	134,6	46,1	1.048	65,5	26,2	47,2	94,0
1937, испол- нение	113,8	53,2	1.203	57,0	20,1	55,2	84,9

*) Первоначальный проект второго пятилетнего плана на 1933-1937 гг., одобренный XVII конференцией коммунистической партии в 1932 г., ставил для 1937 г. следующие задания:

Посевная площадь	160-170	млн. гектаров
Сбор зерновых хлебов	1.300	млн. центнеров
Производство хлопчатобумажных тканей	7,1	миллиардов метров
Добыча каменного угля	250	млн. тонн
Добыча нефти	80-90	млн. тонн
Производство чугуна	22	млн. тонн

Эта неспособность плановых органов Союза осуществить выработанные планы, или, другими словами, составить реализуемые планы порождается несколькими причинами. Во-первых, Госплан брался планировать явления, причин которых, производящих их факторов он не знал и не мог знать, или на которые административный аппарат Союза не мог воздействовать. Во-вторых, Госплан пытался осуществить бюрократическое тоталитарное планирование, планировать производство в отраслях, производящих индивидуальные, а не стандартные продукты, и в таких отраслях и предприятиях, которые требуют по своему экономическому строению режима свободной рыночной конкуренции, а не планового администрирования. Планирование работы ремесленников и мелких фабрик не имеет никакого экономического смысла и приносит только вред народному хозяйству. В-третьих, совершенно неудовлетворительна техника планирования работы промышленных предприятий по уже выработанному и утвержденному плану. На конференции коммунистической партии в 1941 г. участники совещания жаловались на большие запаздывания в сообщении утвержденного плана на предприятия, — он сообщался дирекции только за два-три дня до начала месяца, — и в снабжении их сырьем, полуфабрикатами и деталями со стороны предприятий-поставщиков. Чтобы установить порядок в технике планирования, на конференции было предложено:

- 1) установить, чтобы годовой план предприятию давался минимум за три месяца до начала нового года, квартальный — за два месяца, месячный — за 15 дней, план цеху — за 10 дней и мастеру за 3-5 дней; необходимо, чтобы план не менялся так часто, как это делается в настоящее время;

- 2) чтобы избежать перебоев в работе, производительный график должен быть дополнен графиком снабжения; на предприятиях нужно создать перехо-

дящие запасы сырья, деталей, инструментов, запасных частей. Нужно, чтобы люди, планирующие и ведущие снабжением, отвечали за свое дело так же, как руководители производства отвечают за выполнение производственной программы.

Несвоевременная поставка сырых материалов и полуфабрикатов на предприятие вызывает простой оборудования и рабочей силы в первую половину месяца, затем штурмовщину в конце месяца, сверхурочные работы и рост брака. На партийной конференции 1941 г. были приведены следующие яркие примеры штурмовщины в работе предприятий в конце месяца:

	Размеры производства:		
	I декада	II декада	III декада
Коломенский машиностроит.			
завод, 1940 г.	5-7%	10-15%	75-80%
Ленинградский завод, де-			
кабрь 1940 г.	2	8	90
Московский насосно-ком-			
прессорный завод, де-			
кабрь 1940 г.	3,4	27,5	69,1

Многие начальники цехов и их заместители проводят в дни штурмовщины на заводе почти круглые сутки; контора трансформаторного цеха превращается в ночлежку, в которой, отдохнув часок-другой, сварщики и слесаря потом, как говорят на заводе, всю ночь «выколачивают» план. В эти дни ценнейшие станки преждевременно изнашиваются, а изделия выпускаются с крупными недостатками. На выпуск брака среди инженеров в Советской России установилась следующая точка зрения: «брак бывает разный. Одно дело, если работник дает недоброкачественную продукцию в нормальной обстановке. Другое, когда он это делает, отработав подряд не одну, а две, а то

и три смены. Поневоле делаешь скидку, а попросту говоря, не замечаешь всех недостатков и промахов». Таким образом, дефекты в технике планирования, порождающие штурмовщину, снижают работоспособность промышленных предприятий, порождают брак, расшатывают трудовую дисциплину*).

Такова система и техника советского планирования, какими они были до войны. Насколько можно судить по журналу «Плановое Хозяйство» и другим советским журналам и газетам, никаких улучшений в них осуществлено не было.

*) Правда, 1941, 3 февраля; также Правда 1940, 27 октября и 13 ноября.

ГЛАВА VIII.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОЧИХ*).

В отсталых странах колониального и полуколониального типа, к которым принадлежала Россия до революции 1917 г., не существует рабочего класса того социального строения, какой мы находим в старых промышленных странах; в них идет процесс формирования этого класса, его выделение из ремесленников и крестьян. Процесс этот приводит к образованию групп наемных промышленных рабочих различной социальной структуры, совершенно отличных по своему характеру от рабочих западно-европейских стран. В России описание промышленных рабочих этих социальных типов дал в конце XIX века немецкий экономист Г. Шульце-Геверниц**). Основываясь на работах первых фабричных инспекторов в России, Г. Шульце-Геверниц в своем описании народного хозяйства России, в главе об европеизации средне-русских фабрик, дает следующую характеристику последовательных ступеней в процессе формирования класса фабрично-заводских рабочих:

*) Эта глава представляет собою сокращенное изложение работы, написанной мною для Центра русских исследований Гарвардского Университета, печатаемого здесь с разрешения управления этого Центра.

**) G. von Schulze-Gävernitz, Volkswirtschaftliche Studien aus Russland, Leipzig 1899, SS. 146-171.

1) «...мелкие фабрики, особенно из числа разбросанных по деревням, пользуются до сих пор трудом живущих кругом крестьян. Крестьянин становится случайным и временным фабричным работником. Этому соответствует и его образ жизни. Он не имеет постоянного жилого помещения на фабрике. Летом рабочие ночуют под открытым небом у фабрики, а зимой в самих рабочих мастерских, или у живущих по близости крестьян, или, наконец, в наскоро устроенных бараках... Способ продовольствия рабочих вполне соответствует случайному и временному характеру работы: особых столовых не существует, едят в рабочих помещениях и часто урывками во время работы. Рабочие приносят пищу с собой и питаются ею в течение недели, в воскресенье же возвращаются домой. В течение недели лишь изредка они имеют горячую еду. Пища их крайне однообразна и состоит почти исключительно из одного черного хлеба. Харчевых артелей... среди них обыкновенно не существует, потому что, как замечает Эрисман, весь народ из окрестности». На фабрике эти приходящие рабочие только работают, — вся остальная их жизнь связана с деревней, в которой живет семья. Фабрика берет труд, дает заработок и только, во всех остальных отношениях рабочий остается таким же крестьянином, привязанным к земле, как и до поступления на фабрику. Этот тип организации жизни и потребления уцелел к началу XX в. в Центральной России лишь на немногих фабриках.

2) Если на предыдущей ступени работа на фабрике носила характер местного заработка, то на следующей она имеет характер отхожего промысла. «Как скоро на фабрике работают в большом числе пришлые издалика рабочие, является необходимость заботиться о жилом для них помещении. По единогласному мнению фабричных инспекторов, в этом случае постройка рабочих жилищ является прогрессом; по-

тому что в то время, как в Западной Европе жилища для рабочих устраиваются теперь фабрикантами весьма часто с целью противодействия организации рабочих, в России постройка жилищных помещений для рабочих является первым шагом к созданию самого рабочего класса... Так возникает рабочая казарма, типичная для большинства русских фабрик... На этой ступени развития промышленного труда преобладают мужчины. Почти все они женаты, потому что русские крестьяне женятся очень рано; но их жены остаются дома под охраной свекра... На Пасху, часто на целое лето, рабочие возвращаются с фабрики домой для обработки родных полей. Женщины на фабриках работают реже. Но и там, где работают женщины, о семейной жизни не может быть и речи... Во всех этих случаях фабричная работа разрывает деревенскую семью: мужья работают в одном месте, жены в другом. Поэтому все они стремятся домой и смотрят на фабричную жизнь как на нечто временное, преходящее». В рабочих казармах царит артельное продовольствие. «Так как производство организовано капиталистически, то артель нисходит здесь до формы сожителства и потребления... Пища варится в артельных кухнях в огромных котлах за общий счет; едят за общим столом, часто из одной посуды».

В этих фабричных казармах режим был очень строгий. «Казармы, — говорили рабочие, — созданы для нашего принижения и закрепощения... Казармы тюрьма для свободного рабочего... Идет рабочий на фабрику из казармы — его обыскивают, идет с фабрики и казарму — обыскивают; пришел с улицы домой — опять обыск и осмотр... Если рабочий несет узелок или сверток, то эту вещь развязывают, смотрят, щупают и потом сторож возвращает в растерзанном виде. Не избегают обыска и посторонние лица — гости рабочих, их родня. И рабочий должен

попросить и поклониться по начальству, чтобы их пропустили в казармы» *).

На этой ступени развития фабричной жизни, жилища рабочих подчинены режиму исправительных заведений.

3) «Образование особого рабочего класса и отделение рабочего от деревни происходит по мере того, как на фабрике становится возможной семейная жизнь. Необходимой предпосылкой этой возможности является распространение женского труда... С распространением женского труда, на место одинокого рабочего, переходящего с места на место, становится семейная пара. Детей сначала еще нет на фабрике. Беременные женщины или рожденные дети, после родов работницы в фабричном родильном приюте, отправляются в деревню, в которой живут родители. Так, на русских фабриках я видал огромные спальни с сотнями супружеских постелей, в большинстве случаев отделенных друг от друга перегородками или занавесями, — что является уже прогрессом в развитии индивидуализма. Очевидно, что эта система имеет ту невыгодную сторону, что кадры рабочих должны постоянно пополняться из сельского населения... Дальнейший прогресс состоит в том, что сначала отдельные, способнейшие рабочие, так наз. «рабочие первого разряда», получают возможность оставлять своих детей при себе, на фабрике. Вначале оставляют только такое количество детей, какое необходимо для покрытия потребности в учениках, посыльных и т. д.; эти дети обучаются в фабричных школах. Постепенно позволяют также и большинству рабочих держать при себе своих детей; фабричные школы пополняются... Постепенно удается все большую и большую часть необходимого прироста рабочих брать из самого фаб-

*) Из жизни Шлиссельбургского тракта. Наша жизнь 1905 г., № 72.

ричного населения, которое благодаря этому обособляется в своих привычках от сельского населения; связь его с последним поддерживается лишь существующей податной системой и организацией помощи инвалидам, старикам и т. под. На этой стадии развития инвалиды и старики, как и прежде, отправляются в деревню, больные же, на выздоровление которых можно надеяться, лечатся в фабричных больницах, — признак того, что фабриканты начинают дорожить обученным трудом». С дальнейшим развитием появляются каморочные казармы, в которых отдельные комнатки расположены обыкновенно по обеим сторонам внутреннего коридора, проходящего вдоль всего здания. В каждой каморке живет по 4 семьи, при дальнейшем развитии по 2, наконец, по одной. Далее каморочные казармы сменяются отдельными домиками, с огородами, надворными постройками и т. д. «С появлением семьи начинается деятельность хозяйки. Хотя кухни остаются еще общими, но каждая семья имеет свой горшок. Однообразная артельная пища становится более разнообразной и индивидуальной». В рабочих колониях каждая семья имеет уже отдельную кухню*). Примером высокого развития этого типа организации потребления могла служить Большая Ярославская Мануфактура. Рабочие этой мануфактуры жили в казармах, принадлежавших предпринимателям, покупали все продукты в фабричной лавке, принадлежавшей предпринимателям, дети и взрослые учились в школе, устроенной предпринимателями; ясли, детский сад, театр и богадельня также были устроены предпринимателями; рабочие молились в церкви и лечились в больнице, построенных и содержимых предпринимателями; мылись и мыли белье в банях, устроенных предпринимателями; бес- семейные обедали в столовой, организованной пред-

*) И. Янжул, Фабричный быт Московской губ., 1884, стр. 95.

принимателями; старики и неспособные к труду получали пенсию от предпринимателей. Словом — вся жизнь рабочих была устроена и регулируема хозяевами*).

4) «Весь сложный аппарат рабочих жилищ с принадлежащими к ним больницами, родильными приютами, фабричными лавками, скотобойнями, хлебопекарнями, мертвецкими и т. д. может сохраняться лишь до тех пор, пока он необходим для того, чтобы выделить из миллионов земледельческого населения класс промышленных рабочих. Все это крайне удорожало устройство фабрик; точно так же текущие издержки почти не уменьшаются, когда при застое в делах сокращается число рабочих. Эти невыгодные стороны системы могут быть устранены только в том случае, если предприниматель предоставит самому рабочему заботы о его содержании и жилище и ограничится только лишь выдачею денежной заработной платы. Необходимым условием для этого является, конечно, дальнейшая концентрация промышленности в городах и на железно-дорожных станциях, где рабочий находит наемные помещения для жилья, мелкие лавки и т. д.». Уже в 1880-х гг. И. И. Янжул указывал на тенденцию фабрикантов уничтожить хозяйское содержание рабочих. По его словам, «хозяйское содержание, прежде практиковавшееся в больших размерах почти на всех фабриках, в настоящее время заметно уменьшается и почти выходит из употребления. Взаимное неудовольствие, к которому весьма часто хозяйская пища дает повод, и, наконец, сложные заботы, вследствие быстрого развития размеров фабрик, заставляют хозяев заметно избегать этого способа продовольствия; разные по величине зара-

*) Exposition Universelle de Paris, 1900. Grande manufacture de Jaroslav, Paris 1900. Ср. Павлов, За десят лет практики, стр. 12-13, 58-59.

ботки в различных отраслях труда на одной и той же фабрике также в значительной степени обуславливают для хозяина неудобство держать для рабочих стол различного качества и стоимости*). В конце 1890-х гг. санитарный врач А. И. Скибневский отметил у многих московских фабрикантов, преимущественно из лиц «новой формации», стремление не иметь при фабрике, по европейскому образцу, жилых помещений для рабочих. Этим они старались избежать непроизводительных, по их мнению, расходов на постройку и содержание казарм. Насколько сильна была эта тенденция, видно из следующих данных: в Богородском уезде в 1883-18884 гг. громадное большинство рабочих жило на фабриках; в 1899 г. — в жилых казармах жило 48,8% рабочих, в собственных домах — 32,5% и на вольных квартирах — 18,7%**). Тенденцию к уничтожению жилых помещений на фабриках отметил также санитарный врач З. Френкель у фабрикантов Петербургской губ. Московские фабриканты не раз указывали в своих ходатайствах, что большим преимуществом лодзинских и петербургских фабрик является отсутствие при них жилых помещений для рабочих***).

Главными представителями этого четвертого, свободного типа потребления были рабочие механических заводов, которые, как говорит Шульце-Геверниц, «не только получают самую лучшую плату, но и живут, в противоположность рабочим хлопчато-бумажных фабрик, в собственных квартирах, ведут собственное хозяйство, живут, словом, европейской семейной

*) И. Янжул, Фабричный быт Московской губернии, 1884, стр. 93.

**) Скибневский, Жилища фабрично-заводских рабочих Богородского уезда, Москва, 1901, стр. 14-15, 17-18, 19, 30, 67, 71.

***) Литвинов-Фалинский, Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России, 1900, стр. 44, 52, 53.

жизнью». Описанное развитие организации потребления от первого типа к четвертому служит важнейшим интересам рабочего, «полная личная зависимость, какая существовала при крепостном праве, уступает место распоряжению одной лишь рабочей силой рабочего, которая только нужна современному фабриканту. Только благодаря этой перемене достигается конечная цель развития, которая состоит для рабочего в возможности самостоятельного и самоответственного обособленного существования взамен прежней некультурной групповой жизни».

Основным источником наших сведений о заработной плате русских рабочих до революции являются своды отчетов фабричных инспекторов, в которых публиковались данные о числе рабочих и количестве выданной им заработной платы в предприятиях, взимавших с рабочих штрафы. Так как число рабочих на этих фабриках и заводах составляло 65-70 проц. всего числа русских фабричных рабочих, то мы можем принять, не делая большой ошибки, что заработная плата на этих фабриках соответствует средней плате всей массы русских рабочих. По этим данным, средняя годовая заработная плата в Евр. России равнялась:

в 1900 г.	193 р. 41 к.
1908	244 р. 66 к.
1913	263 р. 60 к.

Таким образом, заработная плата в денежном исчислении за эти 13 лет повысилась на 36,3 проц. Но за эти годы покупательная сила рубля значительно упала; по «Своду товарных цен» на 22,1 проц. Реальная заработная плата, следовательно, количество материальных благ, получавшихся рабочим за его труд, увеличилась за эти годы далеко не в такой же сильной степени, как выросла денежная плата. Сделав по-

правку на индексы цен, мы получим следующую табличку:

	Денежная плата	Реальная плата	в %
1900 г. . .	193 р. 41 к.	193,4 р.	100,0
1908 г. . .	244 р. 66 к.	219,0	113,2
1913 г. . .	263 р. 60 к.	216,0	111,7

Как показывает эта табличка, за 13 лет с 1900 по 1913 г. реальная заработная плата русского рабочего повысилась только на 11,7 проц., при чем главный подъем ее имел место в революционные 1904-1906 гг., а затем она не только не росла, но даже падала, хотя и незначительно. На такую низкую заработную плату рабочий не мог содержать семью; поэтому семья его в большинстве случаев жила в деревне, на земле, а рабочий с 18-20 лет до 45-50, когда он возвращался окончательно в деревню доживать свой век, жил в городе бобылем, приходя к семье лишь изредка на побывку. По переписи 1897 г., строение рабочего класса в 50 губ. Евр. России имело следующий вид:

	% хозяйств	человек на 1 хоз.	человек на 1 работн.
рабочих семей	25,5	4,84	2,40
рабочих одиночек	74,5	1,00	1,00
всего	100,0	1,98	1,57

Образовать семью в городе или на фабрике могли лишь квалифицированные рабочие, с более высоким заработком; для большинства русских рабочих до революции семейная жизнь была недоступной роскошью. Как показывают бюджетные исследования, рабочий мог содержать семью только при заработке в 400-500 г. в год, тогда как его средний заработок равнялся только 240-250 р. Поэтому, число детей, вос-

питывавшихся в немногочисленных семьях рабочих, было совершенно недостаточно для покрытия естественной, вследствие болезней, старости и смерти убыли в рядах рабочих и для дальнейшего, с ростом промышленности, роста числа рабочих. Ряды эти пополнялись у нас не пролетарскими детьми, родившимися и выросшими в городе, на фабрике, а пришельцами со стороны, из крестьянства.

Как правило, русский пролетарий воспитывался не в рабочей семье, не в городе, не на фабрике или заводе, а в крестьянской семье, в деревне, на сельском хозяйстве. Пуповина, связующая русского рабочего с сельскою жизнью и классом крестьян, не была перерезана. Если в Англии и Франции рабочий класс вполне обособился в самостоятельную демократическую единицу, а в Германии это обособление со времени франко-прусской войны 1870 г. шло быстро вперед, то в дореволюционной России процесс этот только начинался. Между тем, фабрике нужен рабочий совершенно иного умственного склада. Отсутствие постоянной связи с фабрикою превращало его в номада: «русский рабочий кочует с места на место, из одного производства в другое, от промышленности переходит к земледелию и обратно: он — фабричный номад, по удачному определению одного француза. Он не сжился с машиной и плохо умеет пользоваться скрытой в ней силой». И в то время как западно-европейский рабочий, родившийся, выросший и проводивший всю свою жизнь на фабрике, любит ее и гордится ее техническими успехами, русские рабочие конца XIX в., по свидетельству Шульце-Геверница, «с отвращением и только под давлением крайней нужды берутся за машину. Они ненавидят и презирают фабрику, — явление, которое всегда наблюдается среди коренного сельского населения»^{*)}).

^{*)} Volkswirtschaftliche Studien aus Russland, SS. 141-142.

Величина получаемой рабочим заработной платы дает лишь общее представление о материальных условиях жизни. Обстоятельные сведения о жизни рабочих нам дают лишь бюджетные исследования. В России первое исследование рабочих бюджетов было произведено в Петербурге XII отделом содействия труду Русского Технического Общества в 1908 г. *)

Проект опросного листка о рабочем бюджете, составленный мною, был рассмотрен и переработан в анкетной комиссии, в которой, наряду с членами XII Отд., принимали участие также представители профессиональных союзов. Сверх анкеты Русского Технического Общества о бюджетах петербургских рабочих в 1908 г., мы располагаем еще следующими исследованиями бюджетов русских рабочих до революции. Союз текстильных рабочих, который должен был участвовать в общей анкете, организованной Русским Техническим Обществом, признал, что так как ткачи и прядильщики представляют наименее образованный элемент рабочего населения Петербурга, то скольконибудь сносный материал можно добыть лишь через специальных опросчиков. Заодно было решено видоизменить и программу анкеты, значительно ее конкретизировав и расширив **). Так организовав дело, союзу текстильных рабочих удалось собрать только 41 заполненный бланк. В 1909 г. было произведено обследование бюджетов нефтепромышленных рабочих в Баку ***), в 1912 г. — рабочих г. Киева ****). Несколько особняком стоит обследование бюджетов ра-

*) С. Прокопович, Бюджеты петербургских рабочих, СПб. 1909; сокращенное изложение анкеты было мною напечатано в *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 1910.

**) М. Давидович, Петербургский текстильный рабочий, 1919.

***) А. Стопани, Нефтепромышленный рабочий и его бюджет, 1916.

****) Г. Наумов, Бюджеты рабочих г. Киева, 1914.

бочих одной фабрики Московской губернии, произведенное в 1909 г. врачом И. М. Шапошниковым*), и рабочих Середского фабричного района, Костромской губернии, описанных в 1911 г.**).

Первым вопросом, возникающим при рассмотрении собранных бюджетною анкетой Русского Технического Общества данных естественно является вопрос об их пригодности для характеристики условий жизни всего петербургского пролетариата. Вопрос этот разрешим путем сравнения среднего петербургского рабочего со средним опрошенным рабочим. В настоящем случае мы можем провести это сравнение по следующим признакам: высоте заработной платы, умственному развитию (грамотности) и семейному положению.

Относительно высоты заработной платы русского рабочего вообще и петербургского в частности мы располагаем сведениями в ежегодных сводах отчетов фабричных инспекторов. В Петербургской губернии средний заработок рабочего был значительно выше среднего по Европейской России:

	Евр. России	Петербург. губ
в 1900 г.	193 р. 41 к.	299 р.
1908 г.	244 р. 66 к.	373 р. 83 к.
1913 г.	263 р. 60 к.	384 р. —

Средний заработок опрошенных в нашей бюджетной анкете лиц значительно превышает эту среднюю:

*) И. Шапошников, Бюджеты рабочих одной из фабрик Богородского уезда в связи с питанием и заболеваемостью, 1910.

**) Статистические сведения о Середском фабричном районе, вып. III, Рабочие бюджеты по исследованию 1911 г., Кострома, 1918.

	число работающих	сумма заработка	средний заработок
Одинокие	263 чел.	116.343,93 руб.	442,40 руб.
Семейные	444 „	217.362,49 „	489,56 „
Всего	707 чел.	333.712,42 руб.	472,01 руб.

Итак, средний заработок опрошенных на 23% выше среднего заработка петербургского фабричного рабочего. Соответственно этому и условия существования среднего опрошенного рабочего значительно лучше условий существования среднего, типичного рабочего.

Единственным показателем уровня умственного развития, которым мы располагаем, является процент грамотных. По данным переписи 1897 г., процент этот был равен:

	Евр. Россия	СПБ. губерния	Город СПБ.
Всего рабочих	2.638,178 ч.	282,926 ч.	248,417 ч.
Грамотных	1.412,878 „	194,994 „	171,110 „
В %%	53,6 „	68,9 „	68,9 „

Среди опрошенных рабочих неграмотные являлись редким исключением. Многие из них тратят значительные суммы на книги, газеты, посещают лекции. Словом, по своему умственному развитию опрошенные стоят гораздо выше среднего петербургского рабочего.

Что касается состава семьи рабочего, то источником наших сведений о ней является та же перепись 1897 г.*). Заключающиеся там данные могут быть представлены в следующей таблице:

*) Численность и состав рабочих в России по переписи 1897 г., 2 тома, 1906 г.

	Евр. Россия	СПБ. губерния	Город СПБ.
Одиноких рабочих	1.560,358 ч.	234,475 ч.	214,578 ч.
Глав семей из 2-3 лиц	189,140 „	10,053 „	6,902 „
Глав семей из 4-5 лиц	191,875 „	9,881 „	6,957 „
Глав семей из 6-10 лиц	148,879 „	6,213 „	3,990 „
Глав семей из 11 и более лиц	4,463 „	138 „	69 „
Рабочие члены семей	543,463 „	22,166 „	15,921 „
Всего рабочих	2.638,178 „	282,926 „	248,417 „
Нерабочих членов семей	1.507,672 „	72.097 „	47,402 „

Одинокими считались при переписи все рабочие, жившие одиноко на фабрике, в городе. Подавляющее большинство из них были пришлыми из деревни. Многие из них имели на родине в деревне жену, детей, отца с матерью; эта семья на родине при переписи не принималась во внимание, и всех таких рабочих мы считали одиночками. Главы семей из 2, 3 и т. д. лиц могут также иметь в деревне детей или других родственников, принадлежащих к семье; но при переписи учитывалась только тесная семья, живущая в городе, а не широкая, состоящая из родных, живущих в разных городах и весях России. Семьею рабочего мы считали только членов его семьи, с ним живущих, ибо эта тесная семья имеет свой особый бюджет, который и подвергался изучению. С своими родственниками, живущими в деревне, рабочие были свя-

заны только редкими поездками — раз в год, а то и реже, и посылкою денег родным.

Принимая средний размер семьи из 6-10 лиц равным 8 ч., а семьи в 11 и более человек — равным 13 ч., — что является несомненным преувеличением, — мы получим следующие итоговые цифры:

	Евр. Россия	СПБ. губерния	Город СПБ.
Рабочих	2.638,178 ч.	282,926 ч.	248,417 ч.
Нерабочих членов се- мьи	1.507,672 „	72,097 „	47,402 „
Нерабочих на 100 рабочих	57,1 „	25,5 „	19,1 „
Число семей и одиноких	2.094,715 „	260,760 „	232,496 „
Средний раз- мер семьи	1,98 „	1,36 „	1,27 „

Петербург резко выделяется ничтожным размером рабочей семьи и крайне низким % нерабочих. Оба эти признака показывают, что в Петербурге преобладали одинокие рабочие. В провинции, где жизнь дешевле, семейных рабочих гораздо больше. Особенно высок был состав семьи рабочего в западных губерниях, где много ремесленников, и в приуральских губерниях, где преобладали горнозаводские рабочие, отчасти обеспеченные землей. С другой стороны, особенно низкий состав рабочей семьи наблюдался в столицах — в Петербурге 1,27 чел. в Москве 1,12 чел.

Что отсутствие семьи у большинства русских рабочих до революции вызывалось недостаточностью их заработка, показывает зависимость числа рабочих-одиночек от высоты бюджета. Процент одиноких рабочих составлял:

	Петербург	Баку	Киев	Московск. губ.
Менее 400 р.	89	100	88	34
400-600	61	62	48	—
600-800	21	20	24	—
800-1000	9	10	16	—
1000-1200	—	—	—	—
Более 1200	—	—	—	—

Высота бюджета влияет не только на количество одиноких рабочих, но и на размер семьи у семейных рабочих. Число душ в семье рабочего изменяется следующим образом:

	Петербург	Баку	Киев	Московск. губ.
Менее 400 р.	3,4	—	3,2	3,9
400-600	3,0	3,6	3,8	4,7
600-800	3,8	4,0	4,8	5,4
800-1000	4,1	4,2	4,5	6,7
1000-1200	4,4	4,6	—	—
Более 1200	5,1	4,7	—	—

Таблица эта показывает, что между величиною семьи и высотой бюджета существует прямая зависимость.

Таким образом, опрошенные рабочие отличаются от среднего петербургского рабочего: 1) более высоким заработком, 2) более высоким уровнем умственного развития и 3) большим размером семьи.

В других анкетах также опрашивались рабочие с заработком, умственным развитием и семьей выше среднего уровня.

Главное место в бюджете рабочего занимают расходы на пищу, жилище и одежду, в общем поглощающие у русского рабочего около 80% его бюджета. Самым крупным является расход на пищу, берущий

около 50% бюджета, — в низших бюджетных группах более 50%, в высших менее 50%. Расход на жилище составляет около 20% бюджета рабочего. Остальные 10% падают на одежду.

Чтобы дать общее представление о строении бюджета рабочих разных городов, сопоставим расходные бюджеты (в %) семейных рабочих Петербурга, Баку, Киева и Московской губернии по трем бюджетным группам, — от 400-500 р., 700-800 р. и 1100-1200 р. на семью:

(См. таблицу на стр. 74)

С ростом бюджета рабочего растут и его расходы по каждой бюджетной статье. Этот рост расходов вполне нормален: чем больше у рабочего средств, тем полнее удовлетворяет он каждую свою потребность. Несравненно сложнее и запутаннее развитие расходов, выраженных в долях расходного бюджета. С ростом бюджета не только полнее удовлетворяется каждая потребность, но и растет число потребностей. Если бы количество потребностей оставалось неизменным, можно было бы ожидать, что на удовлетворение каждой из них будет расходоваться все та же, неизменная доля расходного бюджета. Рост числа потребностей делает неизбежным падение доли расходного бюджета, служащей для удовлетворения каждой из них. В бюджетах русских рабочих такими новыми, слагающимися потребностями были потребность в одежде, духовные и общественные потребности, спиртные напитки и врачебная помощь. Расходы на удовлетворение этих потребностей росли не только абсолютно, в рублях и копейках, но и относительно, в %% расходного бюджета.

Для периода 1913-1921 гг. данные о заработной плате, ее составе и величине были собраны и разра-

(К стр. 73)

Гр. I: 400-500 р.

Петербург	52,4	20,5	11,5	1,9	1,1	4,9	3,5	2,8	0,6	0,7
Баку	47,8	25,7	11,5	3,3	0,2	4,2	1,1	3,8	0,2	2,2
Киев	54,3	24,8	10,5	2,2	0,9	3,3	1,6	1,1	0,0	1,2
Московск. губ.	65,5	12,3	10,2	2,0	0,0	5,0	1,3	1,5	0,3	1,8

Гр. II: 700-800 р.

Петербург	48,9	19,5	13,7	1,4	1,5	5,8	4,7	3,0	0,4	1,1
Баку	45,0	21,5	12,8	3,5	0,5	5,2	3,6	2,7	0,1	5,1
Киев	49,8	23,0	12,4	2,7	0,9	4,2	4,5	0,5	0,0	2,0
Московск. губ.	73,0	7,3	7,9	1,7	0,1	6,1	2,1	0,0	0,3	1,5

Гр. III: 1100-1200 р.

Петербург	44,7	19,7	16,2	1,4	2,6	6,9	4,9	1,4	0,5	1,6
Баку	42,6	19,7	13,2	3,0	1,8	6,7	5,4	2,6	0,2	4,7

ботаны С. Г. Струмилиным*). Исходною величиною в его расчетах является заработная плата русского фабричного рабочего в 1913 г.

По отчетам фабричных инспекторов в предприятиях, практиковавших штрафование рабочих, эта плата в 1913 г. равнялась 263,6 руб. в год, 22,0 рублям в месяц. По промышленной переписи, произведенной Центральным Статистическим Управлением в конце 1918 г. и начале 1919 г. месячная заработная плата среднего рабочего в 1913 г. равнялась 21,5 руб.*). Струмилин в своих работах принял цифру фабричной инспекции, 22 руб. в месяц. Его данные о движении заработной платы в годы войны дают следующую таблицу:

(См. таблицу на стр. 76)

*) С. Г. Струмилин, Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913-1922 гг., Москва 1923 г.

**) Сборник статистических сведений по Союзу ССР за 1918-1923, Москва, 1924, стр. 176-9, 189-91. Перепись эта охватила только 31 губ. Европейской России.

(К стр. 75)

	бюджетн. индекс	данные фабр. инсп. денежн. реалн.	данные переписи 1918 г. денежные реалн.	Данные Струми- лина**) денежные реалн.	реальная зарплата в индек- сах
1913	100	22,0	21,5	22,0	100
1914	106	22,6	22,8	22,6	96,9
1915	130	26,8	29,7	26,8	93,6
1916	203	—	47,8	41,0	91,8
1917	673	—	139,8	112,0	17,8***) 80,9

**) Заработная плата и производительность труда, стр. 6, 17-18, 28, 73, 74.

***) В эту цифру включена заработная плата натурой: пайки 0,7 руб., удешевление квар-
тирной платы 0,5 р., всего 1,2 руб.

Впоследствии сам Струмилин внес поправку в принятую им для 1913 г. цифру месячной заработной платы. Так как искомая цифра должна была установить заработную плату рабочих в 1913 г. на будущей территории СССР, то из материалов фабричной инспекции должны быть исключены данные по Варшавскому округу. Эта поправка понижает уровень заработной платы в следующих размерах*):

	вся Россия	без Варшав. окр.
1900	193,4	187,3
1908	244,7	236,2
1913	263,6	257,2

Вторая поправка была внесена статистиком Н. Я. Воробьевым. Он обратил внимание на то, что до революции крупная промышленность в России подразделялась на несколько групп: обрабатывающую промышленность, горную и горно-заводскую, подакцизную, военного и морского ведомства. Лишь обрабатывающая промышленность состояла под надзором фабричной инспекции, и у нас нет никаких оснований отождествлять заработок среднего рабочего этой группы предприятий с средним заработком рабочего по всей крупной промышленности. Поэтому, Воробьев сделал самостоятельное исчисление числа рабочих в 1913 г. на территории СССР, их валовой и чистой продукции и заработной платы**). Он нашел, что средний рабочий получал в 1913 г. денежной платы 291,5 р. в год, 24,3 р. в месяц; дополнительные расходы предпринимателей на нужды рабочих составляли 24,2 р. в год, 2,0 р. в месяц, 8,3% от денежной платы. Следо-

*) Динамика оплаты промышленного труда в России за 1900-1914 гг., Плановое Хозяйство 1926, IX, стр. 240, 245.

**) Фабрично-заводская промышленность за 1913-1918 гг., Труды Центр. Статистического управления, т. XXVI, Москва, 1926.

вательно, заработная плата с дополнительными расходами составляла 315,7 г. в год.

Затем было обращено внимание на то, что из этих 24,2 р. дополнительных расходов на нужды рабочих идет собственно только 14,1 руб., или 4,82% от денежной заработной платы:

	рублей	% от денеж. платы
жилище и харчевание	6,76	2,32
социальное страхование и медиц. помощь	6,03	2,07
культурно-просветит. расходы	1,02	0,35
прочие	0,23	0,08

Мы считаем правильным включить в общую сумму получаемого рабочим вознаграждения расходы предпринимателя на жилище, страхование и медицинскую помощь. Общая сумма заработка среднего рабочего равнялась в 1913 г. 25,4 р. в месяц (при 9,87 часах работы в день).

Приняв эти поправки, мы получили следующую таблицу динамики заработной платы среднего рабочего в до-военный период и годы войны 1914-1917 гг.:

всего заработной платы

	бюджетный индекс	денежная зарплата	в товарных рублях	натуральные добавки и страхования	номин.	реальн.	в индексах
1913	100	24,3	24,3	1,1	25,4	25,4	100
1914	106	25,8	24,3	1,1	26,9	25,4	100,0
1915	130	33,6	25,8	1,5	35,1	27,0	106,3
1916	203	54,0	26,6	2,4	56,4	27,8	109,4
1917	673	162,7*)	24,1*)	6,9	169,6	25,2	99,2

*) Включены, по данным Струмилина, пайки на 0,7 реальных, 4,7 номинальных рублей.

Рост заработной платы в 1915-1916 гг. вполне соответствует росту производительности труда в эти годы. Напротив, ее незначительное падение в 1917 г., при начавшейся дезорганизации народного хозяйства и весьма значительном падении производительности было результатом революции.

После октябрьского переворота обычная в капиталистическом обществе система труда по индивидуальному договору, при котором высота вознаграждения за труд стоит в той или иной, явной или скрытой, прямой или косвенной зависимости от его производительности, от чего бы ее рост ни зависел: усиления интенсивности труда рабочих, роста квалификации их труда или применения усовершенствованных машин, была заменена, согласно программе того времени коммунистической партии, публично-правовой системой трудовой повинности и социальным пайком, величина которого зависела не от производительности труда рабочего, а от размера его семьи. В коммунистическом обществе все должны трудиться; каждый трудящийся получает паек, члены его семьи, к труду неспособные, также получают свой паек. Распределение продуктов в обществе должно происходить, следовательно, по принципу социального обеспечения.

В капиталистическом и социалистическом обществе высота заработной платы рабочего определяется производительностью его труда; поэтому рабочий лично заинтересован в производительности своего труда, в его хозяйственной ценности; он несет ответственность за результаты своего труда. Чем выше, при прочих равных условиях, производительность его труда, тем выше получаемая им заработная плата; заработок высоко квалифицированного рабочего, способного к интенсивному труду, может во много раз превышать минимальный заработок чернорабочего. Эту систему вольного найма Ленин называл «дисципли-

линой капиталистического рабства»; он считал, что все рабочие должны получать «поровну», что нужно «постепенное выравнивание всех заработных плат»^{*)}. Он утверждал, что «крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горсточка помещиков. Капиталистическая организация общественного труда держалась на дисциплине голода, и громадная масса трудящихся, несмотря на весь прогресс буржуазной культуры и буржуазной демократии, оставалась в самых передовых, цивилизованных и демократических республиках, темной и забитой массой наемных рабов или задавленных крестьян, которых грабила и над которыми издевалась горстка капиталистов. Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов^{**)}. «Коммунизм, если брать это слово в строгом значении, есть безвозмездная работа на общественную пользу, не учитывающая индивидуальных различий, стирающая всякое воспоминание о бытовых предрассудках, стирающая косность, привычки, разницу между отдельными отраслями работы в размере платы и вообще принципа распределения всех продуктов». «Коммунизмом мы называем такой порядок, когда люди привыкают к исполнению общественных обязанностей без особых аппаратов принуждения, когда бесплатная работа на общую пользу

^{*)} Собрание сочинений, т. XIV, часть II, стр. 379; XV, стр. 151, 284.

^{**)} Собрание сочинений, XVI, 248.

становится всеобщим явлением»*). По словам коммуниста Д. Рязанова, коммунисты ставят себе целью «уничтожение заработной платы, как формы оплаты труда, свойственной капиталистическому строю»**); их лозунгом является «равномерное вознаграждение, уничтожение всех различий, которые были между чернорабочим и квалифицированным трудом»***).

Под прямым влиянием этой идеи, VII всероссийский съезд советов в декабре 1919 г. обратил внимание на «допускаемое неравномерное распределение продуктов между трудящимися» и постановил, что этому должен быть положен конец путем введения единого рабочего пайка.

Идея социального пайка очень наглядно выражена одним коммунистом: «Всеобщее бесплатное обучение детей означает воспитание подрастающего поколения за счет государства. Независимо от величины заработка кормильца семьи и независимо от его забот — государство принимает на себя все расходы и заботы по обучению ребенка. Точно так же мыслим мы себе и организацию потребления рабочих. Государство принимает на себя организацию потребления важнейших предметов независимо от величины бывшего денежного заработка потребителя, ибо предполагается, что в благоустроенной стране не надо угрожать рабочему лишением пищи, одежды и т. п. за недостаточную производительность»****).

Как жаловался потом А. И. Рыков на IX съезде

*) Сочинения, т. XXIV, стр. 571, 651

**) Труды II съезда советов народного хозяйства 19-27 декабря 1918 г., стр. 172.

***) Второй всероссийский съезд профессиональных союзов

****) Второй всероссийский съезд профессиональных союзов 16-25 января 1919 г., стр. 164.

коммунистической партии в марте 1920 г., «народный комиссариат продовольствия выработал обязательную для всех инструкцию, чтобы никаких премий никому, нигде, ни при каких условиях не выдавать, все должно идти в порядке общегосударственной разверстки: работающий и не работающий, лентяй и лодырь наравне с трудящимися получают паяк по общественной норме. Эта инструкция была утверждена коллегией народного комиссариата продовольствия. Я тогда же ответил на это принципиальным отказом и заявил, что эта инструкция в корне подрывает возможности восстановления хозяйства, производительности труда и т. д.»*)

При таком отношении к оплате квалифицированного труда особенно тяжело было положение инженеров и техников, считавшихся принадлежащими к классу буржуазии и с которыми у рабочих было много личных конфликтов. По свидетельству Струмилина, в 1918-1920 гг. «в области оплаты служащих принцип уравнительности проводился с особой прямолинейностью. Правда, в денежной части инженеру высшего тарифного разряда была обеспечена учетверенная ставка по сравнению со сторожем или уборщицей низшего разряда. Но пайки распределялись по особому классовому принципу, причем рабочие получали более крупный паяк, чем служащие. И в результате дело доходило до таких курьезов, что совокупный легальный заработок пайком и деньгами инженера 35-го разряда (самого высшего, С. П.) были ниже заработка наименее квалифицированного чернорабочего или сторожа 1-го разряда (самого низшего, С.П.)». Эти «курьезы», как их называет Струмилин, очень дорого обошлись как промышленному техническому персоналу, так и самой промышленности. По расчетам того же

*) Девятый съезд коммунистической партии 29 марта — 4 апреля 1920 г. стр. 109.

Струмилина, высшие промышленные служащие получали больше среднего рабочего:

в 1913 г.	в 3,94 раза
1917	1,79
1920	1,0 и ниже
1922, январь	1,45
„ июнь	1,65

Наряду с этим установлением принципа равенства заработных плат для всех работников, — как рабочих, так и инженеров, — на фабриках, заводах и шахтах было введено в 1918-1920 гг. классовое дифференцирование снабжения всего населения продуктами. В Петербурге оно было введено 1.VII.1918. Все взрослое население города было разделено на четыре категории: 1) рабочие тяжелого физического труда; 2) рабочие легкого физического труда и служащие по найму; 3) лица интеллигентных и свободных профессий; 4) лица, трудом не занимающиеся (промышленники, торговцы, домовладельцы и т. д.). Продукты должны были выдаваться, в зависимости от класса, в пропорции 8:4:2:1. Коллегия народного комиссариата по продовольствию 27.VII.1918 признала необходимым ввести классовый паек во всех городах. Первая примеру Петербурга последовала Москва (1.IX. 1918). Деление на категории в Москве было принято следующее: 1) рабочие, работающие в особо тяжелых физических условиях; 2) занятые просто тяжелым физическим трудом; 3) рабочие, занятые легким трудом, служащие и лица свободных профессий; 4) лица, живущие нетрудовыми доходами. Выдача продуктов проектировалась в пропорции 4:3:2:1. Затем он был введен и в других городах, главным образом губернских. Осенью 1918 г. петербургская и московская продовольственные организации выработали 3-х классовую систему пайка, которая утверждена была нар-

компродом и получила всеобщее распространение: 1) рабочие, 2) служащие, 3) нетрудовые элементы; отношение выдач 4:2:1*).

В первую очередь выдавались продукты по карточкам первой и второй категории, во вторую очередь — по карточкам третьей категории; выдача по карточкам четвертой категории производилась «в пределах возможности» после удовлетворения первых трех категорий населения**). И хлеб, и нормированные продукты в первую очередь получали рабочие.

Этот способ оплаты труда лишил рабочего заинтересованности в высокой выработке, а следовательно и воли к интенсивному и высоко квалифицированному труду. Труд утратил свой хозяйственный характер, ибо к нему стало невозможно приложение того хозяйственного расчета, который делал выгодным для рабочего напряженный и искусный труд. При такой системе оплаты труда часть рабочих, остававшаяся на фабриках, старалась равняться по худшему, наименее производительному, которого еще терпят на фабрике и которому выдают паек. Другая же часть, наиболее квалифицированная и энергичная, бежала с фабрик в деревню на сельское крестьянское хозяйство, в кустарную промышленность и ремесло.

Вследствие этого национальный труд был совершенно дезорганизован. Никто не хотел добросовестно работать. Тогда советское правительство решило принудить всех трудиться и ввело с этой целью трудовую

*) Н. Вишневский, Принципы и методы организованного распределения продуктов продовольствия и предметов первой необходимости, Москва, 1920, стр. 26-37.

**) Н. Кондратьев, Рынок хлебов и его регулирование, Москва, 1922, стр. 192. Очень показателен размер выдач в октябре 1918 г. в Петербурге. Хлеба было выдано на человека за месяц: I категории 4,55 килогр., II категории 1,95 килогр., III категории 1,07 килогр., IV категории 0,61 килогр. Этапы экономической политики СССР, 1934, стр. 98.

повинность. Мотивы ее введения были особенно четко сформулированы Л. Троцким. Для него трудовая повинность была материальной основой коммунистического строя хозяйства. В своем докладе на третьем Всероссийском Съезде профессиональных союзов (6-13 апреля 1920 г.) Троцкий привел следующие соображения в пользу введения трудовой повинности:

«Мы знаем труд рабский, мы знаем труд крепостной, мы знаем принудительный, регламентированный труд цехов в средние века. Мы знаем труд вольнонаемный, который буржуазия называет свободным. Мы же противопоставляем этому труд общественно-нормированный на основе хозяйственного плана, обязательного для всего народа, т. е. принудительного для каждого работника страны. Без этого нельзя и думать о переходе к социализму. Труд принудительный означает такой труд, когда каждый работник занимает определенное место, указанное ему областными, губернскими или уездными хозяйственными органами. Труд регламентированный — применяемый не стихийным путем купли и продажи, а на основе хозяйственного плана, который обнимает всю страну, охватывая и весь рабочий класс. Это и есть понятие трудовой повинности, которое всегда входило в программу социалистов. Каждый работник нового общественного строя и в эпоху перехода к нему должен быть солдатом армии труда, выполняющим наряды той власти, которую он поставил. Говорят, что принудительный труд непроизводителен. Если это верно, то все социалистическое хозяйство обречено на слом, ибо других путей к социализму, кроме властного распределения хозяйственным центром всей рабочей силы страны, размещения этой силы соответственно потребностям общегосударственного хозяйственного плана, быть не может. А раз мы это признали, мы тем самым признаем, — не по форме, а в основе, — право рабочего государства отправлять каждого рабочего и работни-

цу на то место, где они нужны для исполнения хозяйственных задач. Тем самым мы признаем также право государства, рабочего государства, карать рабочего и работницу, которые отказываются исполнять наряд государства, которые не подчиняют свою волю и волю рабочего класса его хозяйственным задачам. Вот где основа милитаризации труда, и если мы оглянемся назад и на другие страны Европы, то увидим, что ни одна общественная организация, ни одна государственная организация не считала себя в праве приказывать своему члену: ты идешь и поступаешь на такой-то завод, и работаешь там до тех пор, пока это будет нужно. Ни одна организация, кроме армии... Милитаризация труда не есть выдумка отдельных политиков или выдумка нашего военного ведомства. Милитаризация труда в том основном смысле, какой я указал, является неизбежным основным методом организации рабочих сил, их принудительной группировкой в соответствии с потребностями строящегося социализма в переходную эпоху от царства капитала к коммунистическому государству. Если эта принудительно-организованная и распределенная рабочая сила непроизводительна, то ставьте на социализме крест. Все развитие общества может быть рассматриваемо как организация труда во все новых и новых формах с целью повышения производительности труда. И если наша новая форма организации труда приведет к понижению производительности, то тем самым мы фатально идем к гибели, к падению, как бы мы не изворачивались, как бы не напрягались в строительстве организации рабочего класса»*)).

*) Л. Троцкий, Сочинения, том XV, Москва-Ленинград, 1927, стр. 180-182. Британские социалисты, напротив, отвергают принцип принудительного труда. «Британский народ дал своему правительству военного времени право ставить людей на работу. Но в нормальное время народ демократической страны не пожелает отказаться от свободы выбора работы и отдать этот вы-

Трудовая повинность была введена в начале 1918 г. В январе этого года, на 3-м Всероссийском съезде Советов была принята «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой сказано: в целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность. В «Общих положениях конституции Российской Федеративной Советской Республики», принятых на съезде советов в мае 1918 г., труд был признан обязанностью всех граждан. Аналогичное постановление включено и в Кодекс законов о труде 1918 г. В январе 1920 г. была введена военно-трудовая повинность и были проведены трудовые мобилизации всех рабочих и специалистов железнодорожного транспорта, водного транспорта, горнорабочих-забойщиков, металлистов, текстильщиков и т. д., вплоть до медиков и юристов.

В том же году была объявлена трудовая повинность женщин от 16 до 45 лет по пошивке белья для армии. В 38 губ. был объявлен сбор шишечного топлива, к которому привлекались в порядке трудовой повинности несовершеннолетние от 13 до 18 лет и старики. IX съезд коммунистической партии, происходивший 29 марта — 4 апреля 1920 г., признал необходимым введение трудовой повинности, трудовых мобилизаций и милитаризации труда. Уже в феврале из

бор в руки правительства. Поэтому демократическое правительство должно так организовывать планирование народного хозяйства, чтобы за гражданами был сохранен максимум возможной свободы в выборе своей работы». *Economic Survey for 1947*, р. 5. По словам Герб. Моррисона, Великобритания является первой большой нацией, делающей попытку соединить крупную промышленность и социальное планирование с полной мерой индивидуальных прав и свобод». — «Мы в Британии стоим за свободное планирование, с помощью которого мы рассчитываем достичь более полной индивидуальной свободы». *Herb. Morrison, Economic Planning, 1946*, pp. 3, 9.

военных частей, освободившихся от боевых заданий, были организованы три трудовые армии: на Урале в Донецком бассейне и в районе Петербурга. В начале 1921 г. в восьми трудовых воинских частях числилось 280 тысяч человек. Сибирская трудовая армия занималась добычей каменного угля, лесозаготовками, погрузкой, постройкой Кольчугинской и Кокчетаевской железных дорог; Кавказская — постройкой железнодорожных веток и работами на нефтяных промыслах в Грозном; Украинская с Донецкой — работами по добыче угля и т. п. Производительность труда в этих воинских частях оказалась совершенно ничтожной. Поэтому они обычно распускались через несколько месяцев работы; окончательно они были расформированы в начале 1922 г. Трудовая повинность была отменена постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 3 марта 1922 г.

Итак, после октябрьской революции 1917 г. распределение заработных плат начало быстро эволюционировать в сторону их полного уравнивания. Действовало тут несколько моментов: 1) идеология коммунистической партии, проникнутая принципом равенства; 2) катастрофическое падение высоты заработной платы, всегда и всюду приводящее, как правильно замечает Струмилин*), к «выравниванию заработков всех категорий труда на уровне голодного минимума наименее обученных рабочих»; 3) интересы молодых рабочих-коммунистов, по низкой производительности их труда не могущих претендовать на высокие тарифные ставки, и не желавших допустить, чтобы пожилые рабочие, в своей массе чуждые коммунистическим идеям, получали высокую плату за свой квалифицированный и интенсивный труд. К сожалению, мы не располагаем статистическими данными о распределении заработной платы в период 1918-1921 г.; Струмилин, на

*) Заработная плата и производительность труда, стр. 43.

основании изучения тарифных ставок и данных о натуральных формах заработной платы, распределявшихся между рабочими по принципу социального обеспечения, дает следующие цифры высоты (в процентах) заработка квалифицированного рабочего высшего разряда по сравнению с заработком чернорабочего*):

1917 г.,	7 августа	232%
„	1 ноября	168
1918	1 сентября	130
1919	1 сентября	109
1920		104
1921	I половина	102
„	II половина	173
1922	I половина	244
„	II половина	262

Табличка эта очень показательна, но, как построенная не на статистических данных, дает лишь приблизительно-правильное изображение происходивших в действительности перемен в распределении заработных плат. Мы считаем, что для второй половины 1921 г. и всего 1922 г. Струмилин дал преувеличенные цифры высоты оплаты труда квалифицированных рабочих. Наши коэффициенты для 1922 г. по Москве и 1923 г. по всему СССР, основанные на статистических данных, рисуют гораздо более замедленный темп роста неравенства в оплате труда. Даже в 1924 г. довоенный уровень неравенства не был достигнут, несмотря на ведущуюся в этом году усиленную кампанию по повышению производительности труда, в которой рост дифференциации в оплате труда должен был играть роль стимула к его интенсификации и приобретению профессиональной выучки. Однако, уже в 1925 и

*) Там же, стр. 35.

1926 г. в Всесоюзном центральном совете профессиональных союзов взяло опять верх течение в пользу сближения норм оплаты труда квалифицированных рабочих и чернорабочих. С 1926 г. уменьшение разрыва в оплате высоко-квалифицированных и неквалифицированных рабочих становится одной из основных задач тарифной политики органов комиссариата труда и профессиональных союзов*). VIII Всесоюзный съезд профессиональных союзов установил, что профессиональным союзам удалось добиться некоторого сближения заработков квалифицированных и неквалифицированных рабочих, и дал директиву продолжать работать над их дальнейшим сближением**).

Советская власть лишь в конце первого пятилетнего плана восстановления народного хозяйства СССР осознала, что необходимый для роста национального производства напряженный и квалифицированный труд можно получить от рабочих только дав им надлежащую оплату их физических и психических усилий. В речи 23 июня 1931 г. Сталин заявил о необходимости такого изменения действующей системы заработной платы, которая установила бы личную заинтересованность рабочих в высокой производительности их труда, в повышении их квалификации, в бережном обращении с машинами, в экономии сырья. «В ряде предприятий, сказал Сталин, тарифные ставки установлены у нас таким образом, что почти исчезает разница между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, между трудом тяжелым и трудом легким. Уравниловка ведет к тому, что неквалифицированный рабочий не заинтересован переходить в квалифицированные и лишен, таким образом, перспективы передвижения вперед, в виду чего он чув-

*) Вопросы труда, 1930, VI, стр. 47.

**) Резолюции VIII всесоюзного съезда профессиональных союзов, Москва, 1929, стр. 53.

ствуется себя «дачиком» на производстве, работающим лишь временно для того, чтобы «подработать» немного и потом уйти куда-нибудь в другое место «искать счастья»... Чтобы уничтожить это зло, надо организовать такую систему тарифов, которая бы учитывала разницу между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, между трудом тяжелым и трудом легким». Нужно «открыть перспективу (выдвижения) для неквалифицированных рабочих и дать им стимул для продвижения вверх, для продвижения в разряд квалифицированных. Вы сами знаете, что нам нужны теперь сотни тысяч и миллионы квалифицированных рабочих. Но чтобы создать квалифицированных, надо дать стимул и перспективу необученным рабочим к движению вперед, к выдвижению вверх»*)).

Чтобы изменить политику ВЦСПС в этом вопросе, Сталин сменил руководящий состав этой организации и предпринял ряд других нажимов на профессиональные союзы. Его мотивы ясны: неудовлетворительные результаты третьего года пятилетки в области крупной промышленности требовали реорганизации промышленного труда на более здоровых в экономическом отношении началах. Эти стремления Сталина неизбежно должны были встретить энергичное сопротивление со стороны влиятельных кругов профессиональных союзов. Система оплаты труда, сближающая заработок квалифицированного рабочего с заработком неквалифицированного и освобождающая рабочих от ответственности за качество их работы, выгодна коммунистическому молодняку, рабочим моложе 30 лет, которым принадлежало в конце 1920 гг. руководящее влияние на советских промышленных предприятиях. Этот молодняк обладал низкой квали-

*) И. Сталин, Вопросы ленинизма, 10-е изд., 1935, стр. 451-452.

фикацией, не умел заботливо обращаться с машинами. Руководящее положение на фабрике давалось ему не качеством его труда, а принадлежностью к коммунистической партии.

Следовательно, чтобы ввести рациональную систему оплаты труда на советских фабриках, надо было прежде всего уничтожить руководящее влияние коммунистического молодняка. Лишь тогда, когда квалифицированные пожилые рабочие получили бы должное влияние на жизнь фабрик, можно было бы перейти к новой системе оплаты труда.

Характерно, что Сталин в своей речи совершенно умалчивает об этих социальных и политических моментах, от которых зависила система заработной платы на советских фабриках.

Годы коммунистической политики (1918-1921 гг.) являются самым темным периодом в статистике заработной платы. При чрезвычайно быстром падении в эти годы покупательной способности бумажных денег исчисление денежной заработной платы в бумажных рублях потеряло всякий смысл. При быстром понижении их покупательной силы, притом, вследствие дезорганизации рыночных связей, крайне нерегулярном и в пространстве, и во времени, учету должна была подлежать высота не денежной, а реальной заработной платы.

Большую роль в бюджете рабочих в эти годы играла выдача предметов собственного производства, которая практиковалась, конечно, не во всех отраслях промышленности, и производилась в высшей степени нерегулярно. По существу мы имели здесь дело с присвоением рабочими изделий своей фабрики в более или менее легальной форме. В Москве пекаря получали сверх общего пайка несколько фунтов хлеба в день, рабочие парфюмерных фабрик — мыло, табач-

ники — табак и папиросы и т. д.*). На третьем съезде профессиональных союзов в марте 1920 г. М. Томский предложил покончить с этим уродливым явлением. «Кожевенники, говорил он, получают кожу, химики получают мыло, которого не хватает, чтобы вымыть больных красноармейцев, железнодорожники же не могут взять себе в виде доплаты паровозы или вагоны, водопроводчики не могут утащить трубы, и т. д. Одна часть пролетариата начинает жить за счет другой, чего совершенно воля пролетариата в целом допустить не может». Томского поддержал В. Шмидт, народный комиссар труда**). Съезд вынес постановление о полном прекращении выдачи продуктов собственного производства, но в жизнь это постановление проведено не было. Где нельзя было выдавать изделия, как напр. в железнодорожных мастерских, там часть рабочего дня разрешалось работать «на себя». В 1920 г. одно время все железнодорожные мастерские занимались главным образом производством бензиновых зажигалок и кухонной металлической посуды и утвари. Рабочие получали в это время в виде натуральных выдач самые странные вещи, к их потребностям не имеющие никакого отношения, — напр., овес, вику, икру, сандалии, френчи, горжетки, бочки и корыта, кирпичи, колеса, хомуты и т. д.***). В то же время с осени 1918 г. началось снабжение рабочих жилищами за счет непролетарских слоев населения. «В Москве и Петербурге, а также и в провинциальных городах, жители лучших, удобнейших домов были разделены на

*) Е. Преображенский, Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры, Москва, 1920, стр. 52; Н. Орлов, Продовольственная работа советской власти, Москва, 1918, стр. 317.

**) Третий съезд профессиональных союзов, 1920, г. стр. 32. 111 .

***) С. Струмилин, Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913-1922 гг., Москва 1923 г., стр. 39.

специальные категории, причем буржуазные паразитические элементы были подвергнуты выселению. На их место из лачуг и подвалов были переселены рабочие»*). У выселяемых горожан вместе с квартирою отбиралась мебель, домашние вещи, одежда, и даже продовольственные продукты и деньги. Эти выселения и вселения повторялись затем каждое лето.

В приводимой ниже таблице**) мы изменили только последний столбец, выражение заработной платы в индексах, так как Струмилин исходил из стандартной цифры месячного заработка в 1913 г. равной 22,0 руб., мы же, после внесения необходимых поправок, исчислили ее в 25,4 руб.

	бюджетный индекс	денежная плата	натуральные добавки			внезаконн. формы	всего	в индексах	
			пайки	одежда и проч.	комму. услуги				
1918	8.426	4,73	1,47	0,80	1,99	4,26	1,50	10,49	41,3
1919	87.000	1,40	2,42	0,86	2,09	5,37	1,70	8,47	33,3
1920	828.167	0,48	2,62	1,31	2,18	6,11	1,70	8,30	32,7
1920/1	4.568.333	0,38	2,64	1,03	2,20	5,87	1,70	7,95	31,3
1921/2	322.562.500	3,55	3,75	0,24	1,50	5,49	1,08	10,12	39,8

*) Октябрьский переворот и диктатура пролетариата, 1919, стр. 95.

**) С. Струмилин, Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913-1922 гг., стр. 18, 22, 28, 33, 74-75, 78.

1921/2 г. относится уже к периоду восстановительной или новой экономической политики, но, как показывает исчисление Струмилина, заработная плата в этом году по своему строению была ближе к годам коммунистической политики, чем к последующим. В этом году существовали еще «внезаконные» формы заработной платы, исчезнувшие только в 1922/3 г.

Материальное положение рабочих в 1919-1921 гг. было настолько плохо, что шло их повальное бегство с фабрик и копей, принудившее советскую власть в 1920 и 1921 гг. прибегнуть к ряду мобилизаций рабочих.

После решения в марте 1921 г. перейти к новой экономической политике советские хозяйственники пришли вскоре к убеждению, что новая политика требует радикальных изменений и в той политике труда и заработной платы, которая практиковалась в 1918-1920 гг. Для хозяйственников, наблюдавших работу фабрик, заводов и копей, было ясно, что главною причиною упадка производительности труда в крупной промышленности были моменты не внешнего порядка, вроде недостатка в сырье, топливе и т. д., а порядка внутреннего и прежде всего — организация труда и способ его оплаты. Опыт трех лет коммунистической политики привел их к заключению, что трудовая повинность и выдача каждому рабочему иждивенческого пайка по принципу социального обеспечения убили у рабочих основной стимул к труду, личную заинтересованность в повышении их производительности. Совет народных комиссаров в своем наказе о проведении в жизнь начал новой экономической политики, изданном 9 августа 1921 г., установил, что «при существующих условиях оплаты труда, участники производства не были и не могли быть заинтересованы в результате своего труда и в улучшении методов производства». При новой политике, «все виды рабочего снабжения, кроме спецодежды, входят в

заработную плату... Снабжение распределяется как между отдельными рабочими, так и группами их (работающими аккордно, сдельно и т. п.), соответственно с достигнутыми ими производственными результатами.» Таким образом, наказ уничтожал иждивенческий паек для рабочих и восстанавливал заработную плату, высота которой стоит в прямой зависимости от производительности труда рабочего. Трудовая повинность была отменена, и рабочие были переведены на договор найма. Новая экономическая политика привела к «переходу от снабжения народного хозяйства рабочей силой в порядке трудовой повинности к свободному договору найма», к «радикальному изменению тарифной политики путем отказа от принципа уравнительности, приведения в соответствие оплаты с выработкой»*)).

Новые правовые начала, регулирующие договор найма, были юридически оформлены в новом Кодексе законов о труде издания 1922 года.

В пятую годовщину октябрьской революции, в 1922 г., народный комиссар труда В. Шмидт прочел следующую отходную коммунистическому методу оплаты труда: эта оплата «привела к весьма существенной экономической несуразности: к превращению оплаты труда в социальное обеспечение, при котором терялся всякий материальный стимул к нормальной производительности труда»**).

Таким образом, победившей в октябре 1917 г. коммунистической партии пришлось в 1921 г. отказаться от коммунистической системы заработной платы и вернуться к принятой во всех культурных странах форме оплаты труда, размер которой зависит от

*) Русская промышленность в 1921 г., изд. ВСНХ, стр. XXXIX; Русская промышленность в 1922 г., изд. ВСНХ, стр. XXXII; Резолюции II пленума Всероссийского Центр. Совета профес. союзов 16-19 февраля 1922 года, стр. 21-25.

**) Экономическая Жизнь, 1922, № 252.

производительности труда рабочего. Требование равенства заработных плат было официально объявлено мелко буржуазным предрассудком. Одновременно во второй половине 1921 г. начался процесс денатурализации заработной платы. В 1921/2 г. еще продолжала действовать система бесплатного пайкового снабжения предприятий различными продуктами и обязательность для рабочих получения назначенного пайка в счет заработной платы; в 1922/3 г. предприятиям в счет причитающихся им платежей за исполняемые ими государственные заказы предоставлялся только поступивший по продовольственному налогу хлеб. Введению денежной заработной платы сильно мешало безудержное падение покупательной способности старого русского рубля, — точнее, миллиона старых рублей так как рубль уже превратился в какую-то микроскопическую величину. Главным источником государственных доходов советской власти был в это время станок, печатавший денежные знаки; советская власть печатала их без удержу и без счета, по мере надобности. При таком состоянии денежного обращения, заработную плату приходилось исчислять в товарных рублях.

Мы считаем наиболее близким к действительности следующее исчисление реальной месячной заработной платы того времени*):

	товарных рублей	отношение к 1913 г.
1921/2 г.	7,30	30,0
1922/3	11,53	47,4
1923/4	16,0	65,8

После введения в 1923-24 гг. червонного рубля мы располагаем уже более обстоятельными статистиче-

*) Социалистическое хозяйство, 1923, IX-X, стр. 376, 379; 1924, V, стр. 392.

скими сведениями о динамике месячной денежной заработной платы; по советским данным, динамика денежной и реальной заработной платы в эти годы была следующей:

	денежная зарплата	бюджетный индекс	реальная зарплата в рублях 1913 г.	в индексах
1913	24,3	100	24,3	100
1922/3	19,3	146,1	11,5	47,3
1923/4	35,2	195,7	16,8	69,1
1924/5	43,5	202,0	20,7	85,1
1925/6	54,0	218,5	23,5	96,7
1926/7	60,4	215,6	26,3	108,4
1927/8	66,9	217,3	27,0	111,1
1928/9	73,4	227,6	28,1	115,6

В 1929/30 году реальная заработная плата равнялась 27,8 р. Таким образом довоенный уровень реальной заработной платы был достигнут и перейден уже в 1926/7 г.

Если в период коммунистической политики вознаграждение промышленных рабочих упало до 12,3% ее довоенного уровня, то возврат в период политики восстановления к частно-правовой системе регулирования отношений найма поднял его до довоенного уровня и даже превысил его. Этот рост реальной заработной платы заслуживает тем большего внимания, что он был достигнут при непрерывном и притом значительном сокращении рабочего дня на 22,3% с 1921 по 1927/8 гг., с 8,5 часов до 7,46 ч. Рост этот, происшедший в течение всех лет политики восстановления, с переходом к осуществлению пятилетних планов реконструкции с чрезвычайно высокою нормою принудительного национального накопления сменился сначала медленным, а затем очень сильным падением реальной заработной платы.

В дореволюционной России, как стране земледельческой, изучению бюджетов рабочих предшествовало изучение хозяйства, быта и бюджетов крестьян, начавшееся уже в 1870-х годах, вскоре после ликвидации крепостной зависимости крестьян в 1861 г. После первых бюджетов, собранных в весьма небольших количествах частными лицами, сложное и трудное дело собирания сведений о крестьянских бюджетах взяли на себя земские статистические учреждения, располагавшие и большим статистическим аппаратом, и достаточными денежными средствами. В 1900 г. земский статистик Ф. А. Щербина опубликовал труд «Крестьянские бюджеты» в 477 страниц; за ним последовали более десятка исследований крестьянских бюджетов в форме объемистых статистических сборников большей частью в несколько сот страниц каждый.

Совсем иной характер носили исследования бюджетов рабочих; интерес к материальным, политическим и духовным условиям их жизни, условиям их работы, заработной плате, жизни и быта крестьян; кроме того, проведение бюджетных исследований жизни рабочих стало возможным только после революционного движения 1905 г., во время которого возникли первые профессиональные союзы рабочих в России. Первым исследованием рабочих бюджетов была анкета XII отдела Русского технического общества в 1908 г. в Петербурге, проведенная с помощью профессиональных союзов петербургских рабочих. По недостатку подготовленного опросного персонала она должна была отказаться от обследования состава продовольственных продуктов, потребляемых рабочими и их семьями, и ограничилась только изучением их денежных доходов и расходов. Результаты этого бюджетного исследования были опубликованы в форме брошюры в 60 страниц *in quarto*. На печатание первичного статистического материала, ответов рабочих на опрос-

ные листы, у Русского Технического общества не было средств.

За этим первым бюджетным исследованием жизни русских рабочих последовал до революции 1917 г. ряд других, организованных также по частной инициативе и на частные средства, с некоторым только пособием со стороны тех или других общественных организаций, без обученного статистического аппарата для составления опросного листа, собирания по нему сведений о жизни рабочих и научной обработки материалов бюджетной анкеты; за недостатком средств, программы обследований и их разработки сильно сокращались, и результаты анкет часто с большим опозданием печатались в форме брошюры в несколько десятков страниц.

До революции 1917 г., после анкеты XII отдела Русского Технического Общества, были произведены следующие бюджетные исследования:

М. Давидович, Бюджеты петербургских текстильных рабочих (анкета 1908-1909 г.), Петербург, 1912 г.; 2-е изд. Москва 1919 г., 90 страниц.

И. Шапошников, Бюджеты рабочих одной из фабрик Богородского уезда (Московской губ.) в связи с питанием и заболеваемостью (анкета 1908-1909 г.). Москва 1910, 49 страниц.

Г. Наумов, Бюджеты рабочих г. Киева (анкета 1913 г.). Киев 1914*).

А. Стопани, Нефтепромышленный рабочий и его бюджет (анкета 1909 г.). Баку, 1916 г.; второе изд. Москва, 1924 г.; XXVII - 172 стр.

В. Андреев, Рабочие бюджеты по исследованию

*) Книжки Г. Наумова нет в Женевских библиотеках.

1911 г. в Середском фабричном районе. Кострома 1918 г. 69 стр. малого формата.

Н. Свавицкий. Питание рабочих во время войны по данным артельного харчевания на фабриках товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры и товарищества А. Гюбнер, 1913-1917 гг. Вестник Статистики, 1920, № 9-12; 1921, № 1-4; 77 страниц.

Основую бюджетного исследования являются данные о размерах и половом и возрастном составе рабочей семьи. По дореволюционным бюджетным исследованиям, семья русского рабочего имела следующую величину и состав:

	Петербург рабочие	Петербург текстильщики	Богородский у. текстильщ.	Костр. губ. рабочие	Баку рабочие
одинокие рабочие	263	14	83	—	1.666
семьи рабочих	307	27	241	18	578
в них человек	1.160	122	1.018	74	2.329
средняя семья чел.	3,78	4,52	4,22	4,11	4,07
в семьях: работников	444	43	372	37	—
— иждивенцев	716	79	646	37	—
— иждивенцев на одного работника	1,61	1,84	1,74	1.00	—

В рабочих бюджетных исследованиях учитывается узкая городская семья рабочего, его родные, живущие общим с ним хозяйством. Члены его семьи, живущие в деревне на своем особом хозяйстве, в семью рабочего в бюджетах не включаются.

С ростом заработной платы и других доходов рабочего растет и его семья. Если мы разделим семейные бюджеты на группы по величине их годового дохода или расхода, то обнаружим следующую зависимость числа человек в семье от этой величины:

	Петер- бург I	Петер- бург II	Богород- ский у.	Костр. губ.	Баку
100— 200	—	—	3,47	—	—
200— 300	3,33	4,00	3,45	2,80	—
300— 400	3,36	4,00	4,12	2,50	3,33
400 —500	3,04	4,83	4,62	4,50	3,54
500— 600	3,00	4,83	5,44	4,67	3,64
600— 700	3,70	4,83	5,58	4,50	3,95
700— 800	3,95	5,25	4,75	—	4,17
800— 900	3,95	5,25	6,00	7,00	4,01
900—1000	4,38	—	7,00	7,00	4,48
1000—1100	4,00	—	—	—	4,68
1100—1200	4,81	—	—	—	4,35
1200—1300	5,13	—	—	—	4,55
1300—1400	—	—	—	—	4,22
1400—1500	—	—	—	—	5,14
более 1500	—	—	—	—	5,28
всего	3.78	4.62	4.22	4.11	4.07

Доход рабочих по бюджетным анкетам равнялся
(в месяц, в рублях и копейках):

	Петер- бург I	Петер- бург II	Богород- ский у.	Костр. губ.	Баку
Одинокие рабочие:					
заработок на					
фабрике	36.87	26.48	18.93	—	29.78
побочные дох.	0,16	—	—	—	0,36
всего дохода	37.02	26.48	18.93	—	30,14
Рабочие семьи:					
заработки на					
фабрике	40.80	45.37	28.02	36.14	60.35
побочные дох.	0.34	1.42	3.89	7.45	4.35
всего дох. на					
семью	41.14	46.79	31.91	43.60	64.71
— на человека	10.88	10.35	7.55	10.60	15.90
— на полн. едока	—	14.27	—	14.15	22.78

Расходы рабочих составляли на одинокого ра-
бочего и на семью в процентах:

	Петербург I.		Петербург II.		Богородицкий у.		Костром. губ.		Баку	
	одиночке	семьи	одиночке	семьи	одиночке	семьи	одиночке	семьи	одиночке	семьи
Вся сумма расходов	117,400,10	229,816,46	4 117,14	15,385,23	18,795,02	91,743,02	—	8,400,89	624,899,94	464,457,68
расход на жилище*)	16,22%	22,26%	11,58%	16,54%	2,91%	14,86%	—	18,11%	11,22%	20,45%
— одежду**)	15,71%	13,91%	12,86%	16,24%	10,83%	11,49%	—	23,18%	15,90%	15,77%
— пищу	37,30%	48,99%	39,02%	54,28%	36,87%	56,86%	—	42,54%	31,99%	42,14%
— алкоголь, табак	8,08%	5,04%	11,39%	3,67%	4,19%	4,09%	—	7,66%	4,38%	5,04%
— духови. и общ.										
потр.	6,43%	4,75%	2,90%	3,55%	0,86%	1,26%	—	1,95%	2,05%	3,31%
— посылка денег										
родным	10,94%	2,16%	18,18%	1,00%	38,98%	2,11%	—	1,11%	24,22%	3,13%
прочие	5,32%	2,89%	4,07%	4,72%	5,37%	9,33%	—	5,45%	10,24%	10,16%

*) Расходы на баню, заменяющую русскому рабочему до машиную ванну американского рабочего включены нами в расходы на жилище.

**) Расходы на стирку белья и мыло отнесены нами к числу расходов на одежду.

Несмотря на малое число бюджетных исследований, эта таблица ясно показывает некоторые особенности социально-экономической природы промышленных рабочих в дореволюционной России. Если семейный рабочий уже почти порвал связь с деревней, и посылал своим родным только 1,0 — 3,1% своего заработка, то одинокие рабочие эту связь еще полностью сохраняют, посылая в деревню 18,2 24,2 и 39,0 %% своего заработка. Для них работа в городе, на фабрике является отхожим промыслом. Многие рабочие продолжают жить в фабричных казармах (в %%):

	Петербург	Богородский у.	Баку
одинокие	14,9	66,3	87,2
семейные	2,5	47,3	37,3

Жизнью в хозяйской казарме объясняется чрезвычайно низкий расход одиноких рабочих на жилище в Богородском у. В Баку рабочие получали от хозяев бесплатно также мазут, керосин, воду, баню, мыло. Одинокие получали натурою 10,6% своей заработной платы, семейные — 12,7%. Расход на пищу у семейных естественно всегда больше, чем у одиноких.

Расходы рабочих на продовольствие носят более или менее регулярный характер, изменяющийся лишь под влиянием времен года, инфляции, безработицы; расходы на одежду, ее покупку и починку могут быть при плохих заработках надолго откладываемы; также может быть откладываема покупка мебели, утвари и посуды. В русских дореволюционных бюджетах мы имеем вполне надежные сведения только о величине их семей, о всей сумме расходов рабочих и их расходах на продовольствие. Эти последние расходы сведены нами в следующую таблицу:

	Петер- бург I	Петер- бург II	Бого- род.у.	Москва	Кост. губ.	Баку
Одиноким:						
заработная плата	36,87	26,48	18,93	34,2	—	29,78
расход на продо- вольствие	13,88	10,14	6,96	7,47*)	—	10,00
число корзинок про- визии на человека	2,7	2,6	2,7	4,6	—	3,0
Семейные:						
заработная плата	40,80	45,37	28,02	—	36,14	60,35
расход на продо- вольствие семьи	30,40	25,63	18,01	—	16,55	28,23
— одного человека	8,05	5,67	4,26	—	3,82	6,94
— полного едока	—	7,81	—	—	5,38	9,63
число корзинок про- визии на человека	5,1	8,0	6,6	—	9,5	8,7

Так как рабочие с низким уровнем жизни или не имеют регулярного бюджета, или плохо учитывают его, то в бюджетных исследованиях мы всегда имеем описание материальных условий жизни рабочих значительно выше среднего уровня. Этот недостаток этих исследований может быть устранен делением собранных бюджетов на группы по высоте их заработной платы, их дохода или расхода; этим путем из собранных бюджетов можно выделить группы, отвечающие обычному уровню жизни рабочих, получающих для обследуемой территории приблизительно среднюю заработную плату. В то же время такие таблицы дают точный статистический материал для установления характера и меры влияния высоты заработной платы рабочего на его расходы на пищу и другие основные статьи его бюджета. В дореволюционных бюджетах расходы одиноких рабочих и семей рабочих на продовольствие, в рублях и процентах от всей суммы их расхода, следующим образом росли с ростом их бюджета:

*) Только расход на продовольствие в харчевых артелях.

О Д И Н Н О К И Е

С Е М Е И Н Ы Е

	Петербург I.		Богород. у.		Баку		Петербург II.		Богородский у.		Костром. губ.		Баку	
	рублей	%	рублей	%	рублей	%	рублей	%	рублей	%	рублей	%	рублей	%
100-200	7,66	53,4	6,14	45,6	—	—	—	—	8,39	61,2	—	—	—	—
220-300	9,60	43,9	7,74	34,8	8,75	37,2	11,67	57,7	13,58	57,6	8,78	41,3	—	—
300-400	11,63	40,1	7,73	29,5	9,59	32,5	16,23	54,6	18,34	57,1	11,80	40,8	21,78	55,7
400-500	13,73	36,7	—	—	10,36	28,5	19,96	52,4	21,51	54,6	16,75	46,0	19,50	47,2
500-600	15,84	35,1	—	—	11,93	26,6	22,25	48,2	29,44	57,2	20,11	45,0	21,57	45,6
600-700	17,98	33,7	—	—	16,35	30,1	27,13	49,3	33,71	56,7	23,68	45,2	24,85	44,9
700-800	21,67	35,3	—	—	13,78	20,8	30,89	48,9	37,08	57,3	—	—	27,57	42,6
800-900	28,71	37,4	—	—	15,76	23,5	33,71	47,9	48,59	53,6	25,29	39,7	29,34	41,1
900-1000	—	—	—	—	19,42	20,7	38,66	49,2	51,41	55,0	26,67	34,0	33,84	42,2
1000-1100	—	—	—	—	—	—	41,00	47,1	—	—	—	—	36,08	41,1
1100-1200	—	—	—	—	—	—	42,50	44,7	—	—	—	—	37,65	39,2
1200-1300	—	—	—	—	—	—	57,03	49,0	—	—	—	—	39,97	37,7
1300-1400	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	46,36	40,7
1400-1500	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	45,73	36,9
более 1500	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	49,63	33,4
Всего	13,88	37,3	6,93	36,9	10,00	32,0	30,40	48,7	18,01	56,8	16,55	42,5	28,23	42,2

Для дореволюционной России, в которой заработная плата промышленных рабочих в 1908-1913 гг. в среднем была около 25 рублей в месяц, характерны первые три группы этой таблицы.

После революции 1917 г. были произведены в 1918 г. две бюджетные анкеты: в Петрограде в мае 1918 г.*) и всероссийская осенью 1918 г., в октябре и ноябре, охватившая по 40 городам и фабричным поселкам около 10.000 рабочих семей, из которой были разработаны и опубликованы только бюджеты московских рабочих**).

Бюджеты 1918 г. показывают нам, какие изменения произвела революция 1917 г. в социальной жизни рабочих, в строении их семьи и расходного бюджета:

	Петроград***) семьи	Москва****) семьи одинокие	
Семья: в ней человек	4,10	3,90	—
рабочников	1,42	1,84	—
иждивенцев	2,68	2,06	—
иждивенцев на 1 ра- ботника	1,89	1,12	—

*) И. Дубинская, Бюджеты петроградских рабочих в мае 1918 г. Материалы по статистике труда Северной Области, вып. I, Петроград, 1918 г.

**) Бюджет московского рабочего. Статистика Труда 1919, № 1-4, Москва 1919; А. Стопани, Нефтепромышленный рабочий и его бюджет, издание 2-е, 1924, стр. 153-158.

***) По Петрограду расходы семей учтены вместе с расходами одиноких рабочих.

****) По Москве к числу семейных отнесены одинокие рабочие, имеющие семьи в деревне.

	Петроград семьи	Москва семьи	Москва одинокие
расходы в %: на жилище	7,2%	9,9%	6,8%
одежду	6,6%	8,3%	7,8%
пищу	71,3%	72,5%	75,7%
духовн. и обществ. потр.	3,1%	1,9%	2,2%
посылка денег род- ным	11,8%	0,6%	2,2%
прочие		6,8%	5,3%

Первым непосредственным результатом революции было прекращение населением платежа налогов. Общественное мнение революционных народных масс хотело получить все даром. На трамваях и по железным дорогам все ехали бесплатно. Были попытки даже брать в лавках товары бесплатно. На другой день после революции у революционного правительства остался только один источник дохода: станок, печатающий денежные знаки. В его бюджете большое место занимали унаследованные от Временного Правительства деньги в Государственном Банке, государственный золотой фонд, запасы продовольствия для армии. Затем были конфискованы буржуазные капиталы, национализирована промышленность и торговля, на крестьян была наложена продовольственная разверстка. Однако, печатный станок все первые годы после революции оставался главным источником государственных доходов. В результате получилась колоссальная инфляция, полное обесценение рубля; на территории России возникло несколько десятков местных денежных валют, возник счет на ржанные и ситцевые рубли. Такое состояние денежного обращения привело в вознаграждении рабочих за их труд к появлению товарных выдач за счет денежной заработной платы, выдач мануфактуры, табака или мыла; та-

кие выдачи, производившиеся главным образом в национализированных предприятиях, превращали рабочее хозяйство в своего рода лавочки для продажи изделий, не нужных им для личного потребления*). Лишь после укрепления новой экономической политики и денежной реформы 1922-1924 гг. денежная инфляция перестала влиять на форму заработной платы и денежная ее форма стала по-прежнему господствующей. По подсчету статистиков, в годы сильной инфляции денежная заработная плата составляла следующий процент доходного бюджета рабочего**):

Петроград, семьи и одинокие, май	1918	61,2%
Москва, семьи, октябрь-ноябрь	1918	65,5
„ одинокие, октябрь-ноябрь	1918	74,0
Харьков, семьи, февраль	1920	37,5
„ одинокие, февраль	1920	45,8
Туркестан, семьи и одинокие, апрель-июнь	1921	20,5
Воронеж, семьи и одинокие, февраль	1922	39,1
Петроград, семьи, декабрь	1922	76,8
Петроград, одинокие, декабрь	1922	73,8
Москва, семьи, декабрь	1922	86,4
„ одинокие, декабрь	1922	90,4

Революционное движение в деревне и ликвидация не только помещичьего землевладения, но и зажиточных крестьян, снабжавших города сельскохозяйственными продуктами, привели к почти полному прекращению этого снабжения и голоду в городах; упадок промышленности, производившей нужные крестьянам ткани и прочие промышленные изделия, лишил крестьян последнего стимула отдавать городам продукты своего сельского хозяйства. В результате цены на

*) Г. Полляк, Бюджеты рабочих и служащих к началу 1923 года, Москва 1924, стр. 12, 18, 23, 44.

**) Г. Полляк, Там же, стр. 13-14.

продукты продовольствия чрезвычайно выросли, расход рабочих на пищу сильно увеличился и, несмотря на увеличение этих расходов, их питание значительно ухудшилось. В тяжелые 1918-1920 гг. расходы рабочего на продовольствие брали почти три четверти его бюджета:

Петроград 1918	71,3%
Москва 1918, семьи	72,5
— одинокие	75,7
Харьков 1920, семьи	70,1
— одинокие	62,6

Выдача продовольственных продуктов по продовольственным карточкам была совершенно недостаточной. В бюджетах 1918 г. мы находим следующие данные о расходах на приобретение пищевых продуктов (в процентах):

		по вольным ценам во время	
	по продовол. на карточкам	местном рынке	поездок за про- довольствием
Москва, одинокие	7,7	78,5	13,8
Москва, семьи	13,1	66,9	20,0
Петроград, семьи и одинокие	18,8	81,2	

За недостатком продуктов в городе, рабочие ездили за ними в деревню иногда за много сот километров; продукты приобретались у крестьян не за деньги, которых они не хотели брать, а за какой-либо товар: одежду, белье, ленты, иголки, и привозили вымененные продовольственные продукты в мешках, от которых и получили кличку мешочников. Падение реального уровня заработной платы привело рабочих к требованию ее уравнивания; так как семьи до революции могли иметь только рабочие, получавшие более

высокую заработную плату, то введение единого уровня заработных плат должно было сильно ухудшить положение семейных рабочих. Вследствие этого у рабочих появилась тенденция сократить число иждивенцев в семье и вообще величину семьи*). В то же время большой рост расходов на питание необходимо приводил к сокращению всех других расходов, прежде всего на одежду; за годы коммунистической политики одежда рабочих дошла до крайней степени изношенности. Поэтому, как только расходы на пищу снизились до более или менее нормального уровня, тотчас же сильно выросли расходы на одежду; за продовольственными бюджетами 1918-1920 гг. в порядке закономерной последовательности пришли одежные бюджеты 1922-1923 гг. На одежду рабочие расходовали в процентах от своего расходного бюджета:

	1918/20	1922	1923	1924
Петроград	6,6	17,1	21,7	15,2
Москва	8,3	24,7	27,2	21,0
Харьков	7,4	22,0	26,3	21,6
Иваново-Вознесенск	—	36,2	26,5	23,1
Урал	—	21,4	24,6	20,0
Донецкий бассейн	—	35,1	35,6	22,9

Петроград, обладавший большими запасами одежды и белья, не переживал даже в 1922/23 гг. острого одежного кризиса. Особенно больших размеров кризис этот достиг в 1923 г. в провинциальных городах: Твери 36,1%, Костроме 36,7%, Орехово-Зуеве 35,9%, Тамбове 36,9%. Г. С. Полляк дает следующее описание эволюции структуры рабочего бюджета в эти годы: «Процесс восстановления рабочего хозяйства, начавшийся одновременно с переломом в политике заработной платы, проходит первоначально через стадию на-

*) Г. Полляк, там же, стр. 9, 21, 45.

сыщения наиболее настоятельных физиологических потребностей (питание, отопление жилья), после чего хозяйство обращается к удовлетворению потребностей менее интенсивных, отступавших в период нужды и недоедания на второй план. Момент наступления этой стадии процесса будет различен в различных районах, в зависимости как от быстроты темпа роста заработной платы, так и от абсолютных размеров этого роста, определяющих материальные ресурсы хозяйства... Эволюция расходного бюджета в течение послереволюционного периода показывает, что односторонние «продовольственные» бюджеты 1920 г. и «одежные» бюджеты 1922 г. представляют лишь временные явления, создавшиеся в результате нарушенного хозяйственного равновесия, и что соотношение затрат, производимых хозяйством на удовлетворение отдельных потребностей, в общем обнаруживает тенденцию вернуться в дореволюционные границы. Полного совпадения с довоенными соотношениями, конечно, быть не может, поскольку в потребление хозяйства вносятся в настоящее время блага, исключенные из общего рыночного оборота (квартира), оплата коих в новых социальных условиях определяется совершенно иными принципами, чем в капиталистическом государстве*)).

Выселение, после революции, буржуазии из занимаемых ею домов и передача буржуазных квартир (с мебелью, часто и одеждою и бельем) рабочим произвела радикальную перемену в жилищных условиях рабочих. По свидетельству Г. С. Полляка, «расселенные в большой массе в реквизированных помещениях столичные рабочие пользуются в настоящее время (1923 г.) значительно лучшими квартирными условиями, чем в довоенный период; особенно это относится к Петрограду, где при нынешнем жилищном просторе размеры использования рабочими жилой площади

*) Г. С. Полляк, там-же, стр. 45.

возрасли против норм довоенного времени весьма существенно. Угловых жильцов и коечников, зарегистрированных обследованием Прокоповича в большом количестве даже среди семейных рабочих, июньское обследование 1922 г. почти не зарегистрировало, хотя состав обследованных хозяйств был не выше среднего уровня. Зато значительно увеличился — в 2-2½ раза против довоенного — процент рабочих, имеющих отдельное помещение (целую комнату или квартиру)»). Полляк приводит следующую таблицу о жилищных условиях рабочих в Петрограде по бюджетным анкетам 1908 и 1922 гг. (в процентах):

	годы	более 1 комнаты и квартира	1 комната	менее 1 комнаты	прочие и неуказавшие
Одинокие	1908	1	29	66	4
	1922	10	67	23	—
семьи	1908	28	17	52	3
	1922	64	33	—	3

В первое время после революции с рабочих не взималась плата за занимаемое ими жилое помещение. Но затем, когда выяснилась необходимость ремонта жилых домов, коммунальные отделы ввели плату за пользование занимаемым помещением сначала очень низкую, потом быстро возрастающую. С переходом к пятилетним планам, под влиянием быстрого роста городского населения, не сопровождавшегося соответствующей постройкой жилых помещений, жилищные условия рабочих опять сильно ухудшились.

Революция передала рабочим не только жилые

*) Г. С. Полляк, там-же, стр. 42.

дома, но и фабрики. А так как они не обладали для управления ими ни нужными знаниями, ни опытом, а инженерам рабочие не доверяли, как представителям буржуазии и «вредителям», то производительность промышленности начала быстро падать, а одновременно с нею падала и реальная заработная плата рабочих. Чтобы прокормить свои семьи и самим не умереть с голоду и не замерзнуть зимою, рабочие начали уносить с фабрик часть производимых изделий, затем — ремни и прочие части оборудования, которые можно было унести. Развал промышленности особенно быстро шел в 1919 и 1920 гг. Те рабочие, которые сохранили какую-либо хозяйственную и семейную связь с деревней, бежали из голодных городов и с разваливающимися фабрик, чтобы принять участие в разделе помещичьих земель и прокормить свои семьи. Новый приток рабочих в города, начавшийся уже в 1921 г., изменил свой социальный характер. До революции крестьянский сын шел в город на отхожие заработки, чтобы через несколько лет и, во всяком случае, под старость вернуться в родное село доживать свой век. После революции он стал навсегда уходить из деревни, окончательно порывая свои хозяйственные связи с нею. Эта перемена находит свое отражение в размерах посылок денег деревенским родным. Как мы видели выше до революции эти посылки достигали очень значительных сумм. По ноябрьской анкете 1918 г. московские рабочие посылали родным следующие суммы — в рублях и процентах от своего расходного бюджета:

	в рублях	в процентах
Одинокие	13,0	2,1
с семьей в деревне*)	111,8	11,7
с семьей в городе	6,7	0,6
Всего	35,6	3,7

*) В эту группу отнесены также рабочие, имевшие часть семьи при себе в городе.

Как мы видим, эти рабочие принадлежат еще к дореволюционному типу отношений к деревенским родным и посылают им значительные суммы из своего бюджета. В последующие годы эти посылки сильно сократились; их целью стала получка продовольственных продуктов из деревни.

В то же время, по данным анкеты 1923 г., рабочие в тех случаях, когда условия их жизни тому благоприятствовали, в дополнение к своим рабочим заработкам вели свое собственное сельское хозяйство, получая с него картофель, овощи, молоко, даже зерновые хлеба. Угольные разработки Тульской губернии обслуживались главным образом трудом местных крестьян, ведших полевое хозяйство обычного типа, но лишь несколько меньшего объема по сравнению с хозяйством остального крестьянского населения; на хозяйство у них приходилось 2,1 гект. посева и 0,6 дойных коров; тульские горняки на 1/3 кормились своим сельским хозяйством. Уральские рабочие имели значительно меньше земли, и главное значение для них имело молочное хозяйство; они имели от сельского хозяйства 20% своего доходного бюджета. Такой же доход давало сельское хозяйство симбирским суконщикам; Иваново-Вознесенские текстильщики, симбирские мукомолы и рабочие по металлу с. Павлова (Нижегородской губернии) получали от него около 10% бюджета. Во всех этих районах главное значение имело молочное хозяйство*). Эти сельские хозяйства тульских и уральских рабочих несомненно послужили образцом для индивидуальных огородных участков и подгородных рабочих хозяйств, организованных в 1930-х годах.

После перехода в 1921 г. к новой экономической

*) Г. Полляк, Бюджеты рабочих и служащих к началу 1923 года, Москва 1924, стр. 17; Бюджет рабочего в ноябре 1923 г., Труд в СССР, 1924, стр. 186-187.

политике, денежной реформы 1922-1924 гг., восстановления народнохозяйственного значения денежной заработной платы и рыночной торговли между городом и деревней, семья и бюджет рабочего приобрели устойчивый характер, с которым нас знакомят бюджетные исследования 1922-1931 гг.

По бюджетам того времени, средняя семья промышленного рабочего имела следующий народнохозяйственный состав:

	1922.X	1923.XI	1924.XI.XII	1925.XI	1926.XI	1927.XI	1928/9	1929/30	1930	1931, 6 мес.
число одинок. рабочих	244	413	—	—	—	—	606	—	—	—
полн. едоков (на чел.)	0,94	0,91	—	—	—	—	606	—	—	—
число семей рабочих	1190	2590	2087	2396	2310	2494	1370	1466	1604	2842
в семье: человек	4,18	4,23	4,15	4,16	4,09	4,06	4,01	4,02	3,98	3,97
рабочников	1,36	1,25	1,24	1,32	1,30	1,29	1,24	1,33	1,37	1,48
иждивенцев	2,82	2,98	2,91	2,84	2,79	2,77	2,77	2,69	2,61	2,49
иждивенцев на одного рабочника	2,07	2,38	2,35	2,15	2,16	2,15	2,23	2,02	1,91	1,69
полных едоков (на семью)	2,90	2,88	2,81	2,15	1,80	2,73	2,65	2,65	—	—
человек на одного едока	1,44	1,47	1,48	1,48	1,49	1,49	1,51	1,52	—	—

Как показывает эта таблица, за 1922-1931 гг. произошло уменьшение числа человек в семье рабочего на 5%, увеличение числа работников на 8,8% и уменьшение числа иждивенцев на одного работника на 20,7%. Совокупность этих признаков указывает на то, что зарабатывать рабочему на содержание семьи стало труднее. Доходы у одиноких рабочих на человека и у семейных на семью составляли (в червонных рублях):

	1922*)	1923*)	1924	1925	1926	1927	1928/9	1929/30	1930	1931, 6 мес.
Одиноким рабочим:										
заработок на фабрике	27,16	35,59	—	—	—	—	66,16	—	—	—
побочные доходы**)	1,81	1,61	—	—	—	—	4,03	—	—	—
всего дохода на человека	28,97	37,20	—	—	—	—	70,19	—	—	—
— на полного едока	30,81	40,88	—	—	—	—	—	—	—	—
Рабочие семьи:										
книжной заработок										
главы семьи	37,14	45,83	49,87	71,78	77,67	85,29	85,83	93,37	111,12	131,92
— других членов семьи	4,46	5,98	6,84	7,81	8,05	8,13	11,21	14,87		
побочные доходы**)	3,39	3,65	7,61	9,22	9,68	9,91	18,44	19,53	16,92	18,27
всего дохода на семью	44,98	55,46	64,32	88,81	95,40	103,33	115,48	127,77	128,04	150,19
— на человека	10,76	13,11	15,50	21,35	23,33	25,45	28,80	31,78	32,17	37,83
— на полного едока	15,51	19,24	22,89	31,72	34,82	37,85	43,58	48,22	—	—

*) Перечисление московских товарных рублей в 1922 и 1923 гг. произведено по коэффициенту 1,69.

**) Без следующих сумм. получено долга, взято в долг, взято или продано из запасов и сбережений, и оборотных статей.

В эти годы заработная плата рабочих в денежном выражении систематически и очень быстро росла, но в то же время цены на предметы массового потребления, падавшие в первые годы новой экономической политики, стали также быстро расти, так что их реальная заработная плата в товарном выражении дает совершенно иную кривую развития, чем их денежная заработная плата. Для эволюции товарных расходов рабочих характерны изменения в процентном распределении их расходного бюджета по их народнохозяйственному назначению. Расходы одиноких рабочих составляли в червонных рублях и процентах:

	1922*)	1923*)	1928/9
вся сумма расходов	31,33	36,94	72,34
в % %: расход на жилище	12,1	13,6	13,0
— одежду	31,5	35,7	19,7
— пищу	41,5	33,8	44,6
— алкоголь, табак	3,0	3,8	4,3
— духов. и общ. потр.	4,5	5,2	6,9
— посылка денег родн.	2,4	4,2	4,8
— прочие	5,0	3,7	6,7

Расходы семейных составляли на хозяйство (в червонных рублях и процентах):

(К стр. 117)

	1922*)	1923*)	1924	1925	1926	1927	1928/9	1929/30	1930	1931, 6 мес.
вся сумма расходов	52,00	61,99	74,57	92,34	98,03	106,27	111,01	120,18	127,88	151,38
в % %: на жилище	15,8	17,3	16,5	15,7	17,1	17,0	17,0	14,8	11,1	11,0
— одежду	25,0	27,9	21,0	24,7	21,0	22,4	19,3	17,2	15,4	13,8
— пищу	46,0	42,3	46,3	44,8	45,6	43,8	46,9	51,6	49,3	50,0
— алкоголь, табак	1,6	2,0	2,3	3,3	3,7	4,2	4,1	4,2	4,1	5,2
— духов. и общ. потр.	4,1	4,5	5,1	3,6	4,4	4,0	5,3	5,4	4,7**)	3,2
— посылка денег										
родным	0,4	0,6	0,8	0,8	0,9	1,2	1,7	1,3	1,3**)	1,1
— прочие	7,1	5,4	8,0	7,1	7,3	7,4	5,7	5,5	14,1**)	15,9

*) Московский рубль принят равным 1,69 червонным рублям.

**) Цифры приблизительные.

В первые годы новой экономической политики значительная часть расходного бюджета рабочего шла на восстановление одежды, белья, утвари. Лишь в 1926-1927 гг. были заделаны потери, произведенные в имуществе рабочего революционными 1918-1920 гг. Затем, с 1928 г., на бюджет рабочего начал оказывать сильное давление первый пятилетний план народно-хозяйственного развития СССР. Его влияние выразилось в сокращении расходов на одежду и домашнюю утварь, и росте расходов на пищу и в особенности, с конца 1930 г., прочих расходов, в которых видное место занимали затраты на приобретение государственных ценных бумаг.

Интересную эволюцию претерпела за эти годы плата за пользование жилым помещением. Революция 1917 года отменила плату за занимаемые рабочими комнаты и углы и бесплатно передала им буржуазные квартиры со всею мебелью, утварью и посудой. Но вскоре оказалось, что дома нуждаются в ремонте, который должны были производить городские советы. Поэтому была введена плата за пользование жилым помещением, которая росла следующим образом (в червонных рублях и копейках и процентах от расходного бюджета рабочего):

		в рублях	в процентах
Одинокие рабочие:	1922	0,69	2,2
	1923	1,29	3,5
	1928/9	5,46	7,5
Рабочие семьи:	1922	0,94	1,8
	1923	1,74	2,8
	1924	4,08	5,3
	1925	5,58	5,7
	1926	6,87	6,7
	1927	8,20	7,0
	1928/9	9,56	8,6
	1929/30	8,87	7,4
	1930	7,80	6,1
	1931, 6 м.	9,17	6,2

Этот процесс восстановления устойчивого бюджета промышленных рабочих, по мере роста производительных сил СССР и его промышленности, протекал более или менее в одинаковых формах во всех промышленных городах и поселках страны; конечно, местные условия также оказывали свое влияние на бюджет рабочих и его развитие. Уровень жизни рабочих достиг своего максимума в 1926-1927 гг., когда ликвидированы были разрушения, произведенные революцией и гражданской войною, и на рабочих еще не была наложена тяжесть пятилетних планов. Затем началось его продолжительное падение. Если мы возьмем бюджетный набор продовольственных продуктов в Москве на одну неделю, опубликованный в журнале Международного Бюро Труда в 1928 г.***) и проследим изменение цен на его продукты за 1913-1941 гг., то получим следующую таблицу (все в килограммах кроме молока в литрах и яиц в штуках; цены за килограмм, литр молока и яйцо в копейках):

	бюджетный набор	цены в копейках				
		1913 г.	1928 г.	1932 г.	1936 г.	1941, I
хлеб ржаной	2,46	7,3	8	12,5	85	100
мука пшен.	0,79	12,2	22	19,0	290	290
рис	0,29	26,9	48,4	40*)	650	650
картофель	3,04	4,9	11,2	25*)	35	90
сахар	0,45	29,3	62	95	380	500
говядина	0,92	46,4	87,3	212	760	1.400
баранина	0,17	34,2	80,2	212*)	800	1.400
масло коровье	0,11	114,8	243	466	1.600	2.600
молоко	1,24	11,4	6,8	40*)	160	230
маргарин	0,12	46,2*)	53	100*)	1.400*)	2.100*)
яйца	1,60	2,9	19,1	10	40	75

*) Цены приблизительные.

**) International Labor Review, 1928, X-XI, pp. 657-660.

Сделав соответствующие вычисления, мы найдем, что по приведенным выше данным средняя месячная заработная плата в СССР и месячный расход на продовольствие одного рабочего в Москве находились в разные годы в следующем соотношении:

	1913	1928	1932	1936	1941,I
заработная плата *)	24,3	70,2	115,4	225,6	339,1
индекс роста заработной платы	100	288,9	474,9	928,4	1395,5
цена продовольствия на 1 человека	6,38	11,79	22,97	100,53	155,63
индекс роста расхода на продов. прод.	100	184,8	360,0	1575,7	2439,3
число корзинок провизии в зар. плате	3,8	6,0	5,0	2,24	2,18

Конечно, рост заработной платы после революции был необычайно большим; но еще быстрее шел рост цен на продукты потребления рабочих и падала покупательная способность рубля в их руках. В результате, после подъема материального уровня жизни рабочих в последние годы новой экономической политики, 1926-1928, мы наблюдаем его падение в течение пятилетних планов развития производительных сил Союза ССР, в первом плане еще медленное, во втором чрезвычайно быстрое. Перед началом войны 1941-1945 г. денежная заработная плата упала по своей покупательной силе до 58% своей дореволюционной величины (1913 г.).

Понижение реальной заработной платы промыш-

*) Заработная плата рабочих в Москве выше средней по Союзу ССР; в 1935 г. средняя заработная плата промышленных рабочих и служащих в Москве была выше средней по Союзу на 11,9%.

ленных рабочих в годы пятилетних планов имело два важных последствия: во-первых, ухудшение качества питания рабочих, сокращение в нем количества мяса и увеличение потребления картофеля; это ухудшение питания рабочих как и всех материальных условий их жизни должно было очень неблагоприятно отразиться на их трудоспособности, на интенсивности и квалифицированности их труда. Во-вторых, оно должно было привести к уменьшению размеров рабочей семьи.

С начавшимся с 1929 г. понижением уровня реальной заработной платы, семья рабочего начала сокращаться. По бюджетным данным, в 1923-1935 гг. в ней произошли следующие изменения*):

	1923,XI	1927,XI	1932	1935
число душ в семье	4,23	4,10	3,93	3,80
из них: работающих	1,25	1,28	1,44	1,47
" иждивенцев	2,98	2,82	2,49	2,33
1 раб. содержит иждивенцев	2,38	2,20	1,73	1,59

Как только началось падение реальной заработной платы, рабочие начали настойчиво требовать повышения своей денежной заработной платы, и директора промышленных предприятий эти требования удовлетворяли. Поэтому к концу 1931 г. обнаружились очень большие перерасходы по фондам заработной платы. Советская власть пыталась бороться с этими «безосновательными» требованиями рабочих установлением уголовных кар для директоров промышленных предприятий за повышение заработной платы выше установленного народнохозяйственным

*) Бюджет рабочей семьи в 1922/7 гг. изд. ЦСУ, стр. 94, 96; Труд в СССР, изд. Госплана, 1930, стр. 52, 54; Труд в СССР, 1936.

планом уровня. 15.XII.1930 был издан декрет, по которому директора, виновные в превышении установленных коллективными договорами или в порядке государственного нормирования оплаты труда привлекаются к судебной ответственности по главе Уголовного Кодекса о должностных преступлениях; 3.XII.1932 им было воспрещено, под страхом уголовной ответственности, повышать заработную плату без ведома Совета народных комиссаров Союза ССР. В виду безрезультатности этих мер были введены карточки на получение продовольственных продуктов и цены на них были нормированы. Одновременно, 4 декабря 1932 г., был издан декрет о расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих и улучшения карточной системы, дополненный затем декретом от 19 декабря того же года.

По этим декретам снабжение рабочих продовольственными и промышленными товарами на 262 главных предприятиях было передано непосредственно заводоуправлениям; закрытые рабочие кооперативы на них были заменены Отделами рабочего снабжения (ОРС), которым были переданы все их денежные средства, наличные товары и подсобные хозяйства: огороды, свиарни, молочные и птичные фермы и т. д. На остальных предприятиях деятельность закрытых распределителей было предложено подчинить заводоуправлениям.

В конце 1933 г. организация Отделов рабочего снабжения была дополнена развертыванием индивидуального рабочего огородничества. 25.XII.1933 был издан декрет об оказании помощи 1.500.000 рабочим в организации индивидуальных огородов, размером от одной восьмой до одной четверти гектара на рабочую семью, закрепляемых за ними на 5-7 лет. При отводе земель под огороды массивами должна быть предусмотрена возможность организации в будущем на этих участках рабочих дачных поселков. Так как

рабочие не могли существовать на получаемую ими заработную плату, то они должны были работать в субботу вечером и в воскресенье на своих индивидуальных огородах, или посылать на них работать своих жен и детей-подростков. Продукты, получавшиеся ими на огородах, не могут считаться частью их заработной платы; они представляют их подсобный заработок, оплату их труда сверх тех часов, которые они работают на фабрике. Развитию подгородных рабочих хозяйств в России способствовали два обстоятельства: крестьянское происхождение большинства фабричных рабочих, оставившее у них способность к ведению земледельческого и животноводческого хозяйства, и принадлежность почти всех земель государству и коллективным хозяйствам (колхозам), за исключением 2 мил. гектаров, принадлежащих крестьянам-единоличникам.

Эти мероприятия привели к созданию большого числа пригородных хозяйств, о размерах которых можно судить по следующим цифрам (в тыс. гектаров, тонн и голов)*):

	посевные площади		поступило в снабжение		количество скота	
	под овощами	под картофелем	овощей	картофеля	кр. рогатого	свиней
1930 г.	20,3	24,4	118,2	82,1	160,6	221,0
1931 "	212,0	121,3	725,8	302,4	229,6	419,4
1932 "	385,9	163,1	1 210,3	328,1	299,3	663,5
1933 "	251,3	240,8	1 505,6	1 017,3	388,8	729,4

*) «Известия» 1934, 2 февраля.

Очень важным показателем материального уровня жизни рабочих являются сведения об их жилищных условиях. В этом отношении очень показательны следующие данные о количестве жилой площади в городах на конец года, — всего в миллионах квадр. метров, на человека в квадр. метрах:

	городское население	жилая всего	площадь на 1 чел.
1923	21,3	127,8	6,0
1927/8	26,9	160,0	5,9
1932	35,6	185,1	5,2
1937	51,0	211,9	4,2

Между тем первый пятилетний план обещал повысить жилую площадь городского населения до 6,30 кв. метров на человека, а рабочих планируемой промышленности до 7,30 кв. метров.

Второй пятилетний план дал более скромные обещания, — он обещал довести жилую площадь всего городского населения до 5,9 кв. метров. В исполнении план этот привел к сокращению жилой площади городского населения до 4,2 кв. метров на человека.

Начало военных действий в Европе тотчас же отразилось на положении рабочих. 26 июня 1941 г. были отменены очередные и дополнительные отпуска рабочих и служащих; они были восстановлены только по окончании войны, 1 июля 1945 г. Уже 20 декабря 1938 г. советская власть решила ввести с 15 января 1939 г. для рабочих и служащих всех государственных и кооперативных предприятий и учреждений трудовые книжки, в которые вносятся следующие сведения о владельце трудовой книжки: фамилия, имя и отчество, возраст, образование, профессия, сведения об его работе, о переводе его из одного предприятия (учреждения) в другое, о причинах такого перевода, о приеме на работу и увольнении, о причинах уволь-

нения, о получаемых им поощрениях и награждениях. Администрации предприятий и учреждений было запрещено принимать на работу рабочих и служащих без предъявления трудовой книжки. Декретом 26 июня 1940 г. они были закреплены на предприятиях, на которых работали в день издания этого декрета. Им был запрещен самовольный уход из государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, а также самовольный переход с одного предприятия на другое; рабочий мог уйти с предприятия, на котором он работал, только в случае потери трудоспособности или зачисления в высшее или среднее специальное учебное заведение, или же по личному разрешению директора предприятия. Рабочие, виновные в самовольном уходе, предавались суду и по его приговору подвергались тюремному заключению на срок от 2 до 4 месяцев. Директора предприятий, уклонявшиеся от предания суду лиц, виновных в самовольном уходе, или принимавшие их на работу, сами подвергались судебной ответственности. Таким образом, декрет этот лишил советского рабочего права свободного перехода с одного предприятия на другое, которое во всех культурных странах является естественным правом рабочего человека и отменяется иногда лишь во время войны.

Затем 19 октября 1940 г. президиум Верховного Совета издал указ о порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другое по требованию Совета народных комиссаров СССР. Мотивы его издания изложены следующим образом во введении к нему: «Задача обеспечения квалифицированными кадрами новых заводов, фабрик, шахт, рудников,строек, транспорта, а также предприятий, переходящих на производство новых видов продукции, требует правильного распределения инженеров, техников, мастеров, служащих, квалифи-

цированных рабочих между отдельными предприятиями и перевода работников промышленности с одних предприятий, располагающих квалифицированными кадрами, на другие предприятия, испытывающие в них недостаток. Существующее положение, при котором народные комиссариаты не имеют права направлять инженеров, служащих и квалифицированных рабочих в обязательном порядке с одного предприятия на другое, является помехой для развития народного хозяйства».

Указ этот лишил инженеров, техников и квалифицированных рабочих свободы выбора места жительства и предприятия для работы. После его издания инженеры и квалифицированные рабочие стали крепостными государства, и знающий, талантливый инженер и рабочий могли в любой момент быть перемещены из Москвы или с Урала на какой-либо завод в сибирской тайге, северной тундре или среднеазиатских пустынях.

Очевидно, все эти указы были изданы в виду надвигающейся опасности войны. Когда война разразилась, это право переводить рабочих и служащих, освобождающихся в связи с сокращением штатов, на работу в другие учреждения и предприятия, независимо от их территориального расположения, было предоставлено указом 23 июля 1941 г. также Советам народных комиссаров союзных и автономных республик и краевым и областным Исполнительным Комитетам Советов*). Наконец, 26 декабря 1941 г. была объявлена

*) Кроме того после начала войны с Германией, были введены массовые сверхурочные работы на предприятиях, в размере 1-3 часов в день, с оплатой в полуторном размере тарифной ставки работника, и отменены очередные и дополнительные отпуска с заменой их денежной платой в размере 1-4 дневных заработков за день отпуска. В 1945 г. эти сверхурочные работы были отменены и отпуска восстановлены.

мобилизация всех рабочих и служащих военной и работающей на нужды обороны промышленности на все время войны, с закреплением их для постоянной работы за теми предприятиями, на которых они работают; лица, виновные в самовольном уходе с своего места работы, карались военными трибуналами, как дезертиры, тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет. 13 февраля 1942 г. была признана необходимой мобилизация всего трудоспособного городского населения, мужчин в возрасте от 16 до 55 лет, женщин 18-45 лет, для работы по месту жительства. Порядок, сроки и размеры мобилизации трудоспособных граждан определял Совет народных комиссаров СССР. За уклонение от мобилизации полагались принудительные работы по месту жительства на срок до одного года.

Только таким напряжением всех сил своих и с неисчислимыми жертвами мог русский народ с помощью союзников уничтожить вторгнувшиеся на его землю германские армии и одержать победу в войне. Однако, и по окончании войны советское правительство сохранило режим принудительной организации труда и не проявляет ни малейшего намерения дать свободу труду рабочих и технических работников.

В годы войны рабочие получали средства существования из нескольких источников; каждый из них давал рабочему только часть необходимых ему и его семье продовольственных продуктов и предметов одежды.

О денежной заработной плате рабочих и служащих в народном хозяйстве мы имеем за период войны (1939-1945 гг.) и последующие годы только отрывочные сведения, с трудом поддающиеся систематике, притом только о заработной плате рабочих и служащих во всем народном хозяйстве; за 1948 и 1949 гг. — уже данные не об их заработной плате, а об их до-

ходах*). Кроме того, те данные, которыми мы могли воспользоваться, взяты нами из трехмесячных отчетов Центрального Статистического Управления,

*) В Советской статистике учитываются два фонда заработной платы: малый и полный. Малый фонд представляет собою сумму заработных плат рабочих и служащих, состоящих в списочном (плановом) составе предприятий и учреждений советского народного хозяйства и предусмотренных в плане; полный — охватывает также премии и надбавки, планом не предусмотренные, бесплатные коммунальные услуги, и заработную плату рабочих и служащих, не состоящих в плане. В словаре-справочнике по социально-экономической статистике издания 1948 г. мы находим следующие разъяснения: «Почти каждое промышленное предприятие состоит не только из производительного предприятия как такового (аппарат заводоуправления, производственные и непроизводственные цехи), но и из ряда организаций непромышленного характера, находящихся при данном производственном предприятии... к непромышленному персоналу согласно инструкции ЦСУ Госплана СССР относятся: а) работники транспорта; б) оплачиваемые из средств данного предприятия работники врачебно-санитарных учреждений (амбулатории, ясли), учреждений по культурно-бытовому обслуживанию трудящихся (бани, прачечные, столовые, клубы) и жилищного хозяйства; в) административно-хозяйственный и педагогический персонал всех видов учебных заведений, школ, курсов; г) работники, оплачиваемые за счет специальных ассигнований; д) работники разведочно-изыскательных партий» (стр. 384-385). И далее: «к фонду заработной платы относятся все суммы оплаты труда, начисленные предприятием или учреждением как рабочим так и служащим, состоящим в списочном составе, так и лицам, не состоящим в списочном составе данного предприятия или учреждения. Суммы, исчисленные за работы, не предусмотренные по тем или иным причинам планом, также должны включаться в отчетный фонд заработной платы». (стр. 399-400). По Вознесенскому, в 1940 г. малый фонд заработной платы равнялся 123,7 млрд. рублей, а полный — 161 млрд. р. (О хозяйственных итогах 1940 г. и плане на 1941 г.); по четвертому 5-летнему плану малый фонд в 1950 г. будет равен 201 млрд. р., полный 252,3 млрд. р. Об исчислении фонда заработной платы по кассовым оборотам Государственного Банка см. У. Чернявский и С. Кривицкий, Покупательные фонды населения и розничный товарооборот, Плановое Хозяйство 1936, VI, стр. 116.

публикуемых не в рублях, а в процентах роста за год. Мы использовали следующие данные:

1. Для 1940 г. сообщение Н. Вознесенского, что при 30,4 мил. рабочих и служащих в народном хозяйстве фонд планируемой их заработной платы составил 123,7 миллиардов рублей, в среднем по 339,1 р. в месяц; по четвертому пятилетнему плану на 1950 г. запланировано 500 р. заработной платы в месяц, на 48% более, чем в 1940 г.*).

2. За годы войны мы имеем только одно сообщение Н. Вознесенского о росте заработной платы промышленных рабочих, в 1944 г., выросшей на 42% против 1940 г. по всей промышленности, и на 53% по промышленности союзного подчинения**). До войны заработная плата промышленных рабочих была ниже средней заработной платы рабочих и служащих во всем народном хозяйстве; в годы войны, с переходом от 8-часового рабочего дня к 10 и 11-часовому, с полуторной оплатой сверхурочных часов, их заработок значительно обогнал заработок не-промышленных рабочих и служащих.

3. После войны источником наших сведений служат трехмесячные сообщения Центрального статистического Управления при Совете министров СССР, печатаемые в «Известиях» и «Правде», в которых регистрируется % годового роста заработной платы. За 1949 г. в этих отчетах опубликован процент роста не заработной платы, а доходов рабочих и служащих. Доходы современных советских рабочих включают в себе следующие слагаемые:

*) Н. Вознесенский, О хозяйственных итогах 1940 г. и плане на 1941 г.; Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг., стр. 51; Большевик 1946 г., тетрадь VI, стр. 82.

**) Н. Вознесенский, Военная экономика СССР, Москва 1947, стр. 117-118.

1. Основной заработок главы семьи или одинокого рабочего.
2. Его побочные заработки и доходы, например, оплата сверхурочных часов работы.
3. Заработки других членов семьи.
4. Доходы от индивидуальных огородов.
5. Поступления из отделов рабочего снабжения на предприятиях и в учреждениях.
6. Расходы государства на пособия детям, многодетным матерям, инвалидам и на социально-культурные мероприятия (ясли, школы, медицинскую помощь, организацию отдыха и т. д.).

Само собой разумеется, что постройка школ, больниц, домов отдыха и другие подобные капитальные расходы не могут быть включены в доходы рабочих. По Н. Вознесенскому, расходы государства на пособия и социально-культурные мероприятия после войны составляли 38% их денежной заработной платы. О числе рабочих и служащих в народном хозяйстве и величине заработной платы в годы войны и после войны мы располагаем следующими сведениями (человек и рублей):

	число рабочих и служащих в народном хозяйстве	месячная заработная плата
1937	27.000.000	253,2
1940	31.600.000	339,1**)
1943	19.600.000*)	—
1944	—	481,5***)
1945	28.500.000	—
1946	31.500.000	319,0
1947	32.700.000	341,3
1948	34.700.000	375,4
1949	37.200.000	420,5****)
1950	39.200.000	464,6*****)

Рабочий союзной промышленности, подчиненной центральным органам управления, получает более высокую денежную заработную плату, чем рабочий местной промышленности. Ежемесячное вознаграждение инженерно-технических работников находилось в следующем соотношении с заработной платой рабочих:

	1932	1937	1940	1944
рабочие промышленности	115,4	235,0	375	573
инженерно-технические работники	302,8	544,4	768	1.209

На получаемую им заработную плату рабочий прежде всего покупал свой продовольственный паек, введенный в 1941 г. вскоре после начала войны с Германией, продукты которого оплачивались по пониженным ценам. Пайки получало все население; но их размеры были различны в зависимости от работы, исполняемой получателем пайка и возраста неработающих членов его семьи. После 16 сентября 1946 г., когда был несколько увеличен состав пайков и сильно повышены цены на пайковые продукты, состав (в ки-

*) По данным Н. Вознесенского, число рабочих и служащих по всему народному хозяйству СССР, уменьшилось в 1943 г. по сравнению с 1940 г. на 38%. Военная Экономика СССР, 1947, стр. 109.

**) Н. Вознесенский, О хозяйственных итогах 1940 г. и плане на 1941 г.

***) Вопросы экономики 1951, тетрадь IV, стр. 11.

****) Сообщения Центрального статистического управления при Совете министров СССР: заработная плата 1949 г. больше 1940 г. на 24%; в 1947 г. на 7% больше 1946 г., в 1948 г. больше 1947 г. на 10%, в 1949 г. больше 1948 г. на 12%.

*****) По данным того же Ц. стат. управления доходы рабочих и служащих и доходы крестьян увеличились в 1950 г., по сравнению с 1949, на 19% (в сопоставимых ценах) и по сравнению с 1940 г. на 62%.

лограммах) и стоимость (в рублях) основных пайков были следующими*):

	рабочие квалифицированные	рядовые рабочие	служащие канцелярий	индивиды старше 12 лет	дети моложе 12 лет
хлеб	19,0	16,4	13,6	8,0	9,5
крупа	2,0	2,0	1,5	1,0	1,2
мясо и рыба	2,2	2,2	1,2	0,6	0,6
жиры	0,8	0,8	0,4	0,2	0,2
сахар	0,9	0,9	0,5	0,4	0,5
соль	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4
чай	0,05	0,05	0,05	0,05	0,05
стоимость пайка:**)					
до 16 сент. 1946 г.	99,85	91,30	59,60	36,30	49,25
после 16 сент. 1946 г.	281,53	255,88	169,43	104,00	139,13

Цены на пайковые продукты оставались в общем неизменными («замороженными») в течение всей войны. Значительное повышение цен на продукты продовольствия и предметы одежды произошло в 1940 г., еще до введения пайков; в 1943 г. продовольственное положение настолько ухудшилось, что правительство вынуждено было несколько уменьшить пайки; лишь после окончания войны, 16 сентября 1946 г., они были увеличены до размеров пайков 1941 г. и даже несколько превзошли эти размеры. Состав рабочего пайка неквалифицированного рабочего в годы войны претерпел следующие изменения (в килограммах):

*) Monthly Labor Review, 1947, VII, p. 29.

**) Monthly Labor Review, 1947, VII, p. 32.

	1941, II	1944	1946, X
хлеб ржаной и пшеничный	15,0	15,0	16,4
мука, крупа, мучные продукты	2,0	1,2	2,0
картофель	—	—	—
сахар	0,5	0,4	0,9
мясо и рыба	2,0	1,8	2,2
масло коровье и растительное	0,8	0,4	0,8
молоко (литров)	—	—	—
яйца (штук)	—	—	—
соль	0,4	0,4	0,4
чай	0,025	0,025	0,050

В годы войны, за недостатком продовольственных продуктов, население часто получало вместо хлеба муку, вместо муки пшеничной ячменную или просяную крупу, иногда макароны; вместо сахара конфеты, мед, патоку, сахарин; вместо говядины — баранину, колбасу, рыбу; вместо масла коровьего — растительные масла; вместо молока коровьего детям давалось молоко из бобов сои. Иногда рабочие получали мыло, осенью картофель. В 1943 г. многие продукты доставлялись в продовольственные магазины в недостаточном количестве, так что их получала только часть населения, другая же часть уходила с пустыми руками; затем некоторые продукты совершенно исчезли с рынка.*)

Цены на продовольственные пайковые продукты в Москве претерпели в годы войны и по ее окончании следующие изменения (в рублях и копейках за килограмм, молоко за литр, яйца за штуку):

*) Председатель Государственной Плановой Комиссии Н. Вознесенский утверждает, что «политика твердых цен, проводимая советским правительством на основные предметы продовольствия и широкого потребления, обеспечила в годы отечественной войны устойчивый уровень реальной заработной платы» (Вознесенский, Военная экономика СССР, 1947, стр. 130) — Приведенные выше данные показывают, что это утверждение г. Вознесенского не вполне соответствуют действительности.

	1940,I	1941,II	1944	1946, X
хлеб ржаной	0,85	1.00	1.10	3.40
хлеб пшен., высш. сорта	1.70	1.70	3.80	11.25
хлеб пшен., втор. сорта	1.00	1.15	2.80	8.00
картофель	0.50	0.90	0.90	0.90
сахар	4.10	5.00	5.50	15.00
говядина	9.00	12.00	14.00	30.00
масло коровье	17.50	28.00	28.00	64.00
молоко (литр)	2.10	2.20	2.50	8.00
яйца (штука)	0.85	0.65	0.65	0.85
соль	0.05	0.05	0.05	0.05
чай	100.00	100.00	100.00	100.00

Сильное повышение пайковых цен 16 сентября 1946 г. привело к значительному увеличению расходов рабочих на продовольствие. Для возмещения их потерь, Совет министров постановил повысить их заработную плату:

Получающим до 300 р.	—	на 110 рублей в месяц;		
„ от 300-500	—	на 100	„	„
„ от 500-700	—	на 90	„	„
„ от 700-900	—	на 80	„	„

Это повышение заработной платы лишь отчасти покрыло увеличение расходов рабочих на оплату продовольственного пайка. Мероприятия 1946 г. 16 сентября оказали следующее влияние на бюджет рабочих и служащих*):

*) Monthly Labor Review, 1947, VII, pp, 32, 35.

стоимость пайка

	до 16 сент.	после 16 сент.	вздорожание пайка	повышение зар.плат
рабочий квалифицированный	99.85	281.53	181.68	90
рабочий простой	91.30	255.88	164.58	100
служащие в канцеляриях	59.60	169.43	109.83	110
иждивенцы	36.30	104.00	67.70	—
дети до 12 лет	49.25	139.13	89.88	—

На бюджете семейного рядового рабочего эта реформа отразилась приблизительно следующим образом. Возьмем семью из рабочего, зарабатывающего 400 р., его жены, зарабатывающей на фабрике 300 р., и 1,6 детей, всего 3,6 человек. Акты 16 сентября произвели в бюджете этой семьи следующие изменения (в рублях):

	до 16 сент.	после 16 сент.
Заработная плата	700	963
расходы на пайки	261,4	734,4
в % от заработной платы	37,3	76,2

Следовательно, расход рабочего на оплату продовольственных пайков его семьи увеличился вдвое.

Засуха и плохой урожай зерновых хлебов, подсолнечника и сахарной свеклы в степной и лесостепной полосах в 1946 г. помешал советскому правительству исполнить данное им в четвертом пятилетнем плане обещание отменить в конце этого года карточки на хлеб, муку, крупу и макароны, а на все другие товары в течение 1946 и 1947 гг. Верховный Совет постановил 29 августа 1946 г., в связи с засухой в ряде областей и сокращением запасов продовольствия, перенести отмену карточной системы с 1946 г. на 1947 г. Вообще возврат к до-военному уровню производительности и организации народного хозяйства оказался делом гораздо более трудным, чем думало совет-

ское правительство непосредственно по окончании войны. Поэтому, «в целях подготовки условий для отмены в 1947 г. карточной системы и введения единых цен Совет Министров СССР признал необходимым теперь же (в 1946 г.) осуществить мероприятия, направленные к сближению высоких коммерческих и низких пайковых цен путем дальнейшего снижения коммерческих цен и некоторого повышения пайковых цен с тем, чтобы к моменту отмены карточной системы, упразднить коммерческие цены и объявить новые пайковые цены одними государственными ценами». Продовольственные пайки были отменены лишь декретом 14 декабря 1947 г., давшим населению право покупать эти продукты и товары в государственных и кооперативных розничных магазинах в неограниченном количестве по единым государственным ценам. На продовольственные продукты, табак и спички были сохранены пайковые цены, за исключением трех групп продуктов, цены на которые были понижены:

На хлеб и муку, в среднем на	12%
На зерно, крупу и макароны на	10%
На пиво на	10%

Цены на молоко, яйца, чай и фрукты были установлены новые министром торговли. Цены на одежду и обувь, а также на все прочие промышленные товары широкого потребления были также установлены министром торговли более чем в три раза ниже прежних коммерческих цен. Отмена пайкового распределения продуктов привела к широкому притоку покупателей в магазины. Люди, много лет не имевшие возможности купить тот или другой продовольственный продукт, тот или иной предмет одежды, посуды, утвари, мебели и т. д. толпами устремились в государственные и кооперативные магазины. Большие запасы продовольственных продуктов и промышленных то-

варов широкого потребления, в них накопленные, были быстро раскуплены; магазины опустели, и опять было временно установлено ограничение количества многих продуктов, отпускаемых каждому покупателю. На колхозных рынках, на которых торговля ведется по вольным ценам-рыночным, цены на некоторые продовольственные продукты были повышены вдвое и втрое против цен в государственных магазинах.

Значительным дополнением к недостаточным продовольственным пайкам служили колхозные рынки и государственные коммерческие магазины, продававшие свои товары по рыночным ценам. В СССР в годы войны не было черного рынка, порождающего у широких слоев населения неуважение к законам и распоряжениям своего правительства. Когда обнаружился недостаток продуктов, люди, успевшие купить в государственных магазинах ненужные им дефективные товары по казенной цене, перепродавали их по сильно повышенным ценам тем, кто в них нуждался и не мог купить за исчерпанием их запасов. Однако из этих попыток спекулятивной перепродажи товаров из государственных магазинов не образовалось настоящего черного рынка, как он развился во время войны в западно-европейских странах. Его образованию помешало отсутствие товаров, которыми можно было бы спекулировать. В первые годы войны, когда количество продовольственных продуктов в стране систематически сокращалось, а количество денежных знаков на руках у населения непрерывно росло, вольная продажа продуктов по вольным ценам производилась только на колхозных рынках, цены на которых к 1943 г. достигли колоссальных размеров. Высота этих цен показывает, как велика была мера недоедания городского населения в годы войны и какие невероятные цены оно готово было платить за небольшую добавку к своему пайку. В 1944 г. правительство начало систематическую борьбу с этими

чрезвычайно высокими вольными ценами, организовав государственные магазины свободной продажи, в которых население могло покупать нужные ему продукты без карточек, по высоким ценам вольного рынка. Первая такая коммерческая лавка была открыта в Москве 15 апреля 1944 г. В начале 1946 г. государственная коммерческая торговля велась уже в 130 городах и примерно на 1.000 железнодорожных станций. Цены в государственных коммерческих магазинах систематически снижались на десятки процентов. На колхозных рынках, под влиянием конкуренции коммерческих магазинов, начавшегося восстановления посевной площади и промышленности страны, и большого количества продуктов и товаров, доставлявшихся из Соед. Штатов С. А. Администрацией Объединенных Наций по помощи и восстановлению, цены также быстро падали. Мы не имеем систематических данных о величине вольных цен. Те немногие данные, которые мы нашли о них в иностранной печати, сведены нами в следующую таблицу (за килограмм, в рублях)*):

	1941, вторая половина	1943	1944, VII	1945, VII	1946, до 16 сент.	1946, после 16 сент.
хлеб ржаной	1,4	100	75	45/50	7/8	20/45
хлеб пшеничный	4,2	—	140	70/80	30	60
сахар	15,0	1000	750	500	170	70
масло коровье	—	1000	800	540	400	240
мясо	23,0	500	320	220	140	90
картофель	—	50	—	25	4/5	4/10
молоко, литр	—	70	60	20/30	16	20/22

*) Цены в 1943 г. взяты у Harry C. Cassidy, Moskau, 1941-1943, Zürich 1944, ss. 261-162.

Таблица эта не может претендовать на точность; но она дает верное представление о процессе развития вольных цен. Н. Вознесенский утверждает, что индекс цен на колхозных рынках в 1943 г. по сравнению с уровнем довоенного 1940 года увеличился на продукты растениеводства в 12,6 раза, а на продукты животноводства в 13,2 раза. Приведенная выше таблица позволяет нам сравнить за 1940 и 1943 гг. цены только по трем растительным и трем животным продуктам, занимающим в продовольствии рабочего главное место. По этим растительным продуктам цены выросли за 1940-1943 гг. в 120 раз, а по животным — в 36 раз.

Благодаря этим чрезвычайным высоким ценам на колхозных рынках, колхозные крестьяне в неразоренной немецким нашествием части России, имевшие избытки сельскохозяйственных продуктов, должны были скопить от их продажи колоссальное количество денежных знаков. Городское население и промышленные рабочие должны были проживать не только все то, что зарабатывали, но и все свое домашнее имущество и сбережения, если они были. Высокие цены на колхозных рынках породили, таким образом, очень серьезную социальную проблему в Советской России: крестьяне разбогатели, а рабочие обеднели. Сокращение национального производства под влиянием утраты плодотворной Украины, Донской и Кубанской областей и Донецкого каменноугольного бассейна, занятых немцами; потери большей части технического оборудования фабрик и заводов и изнашивание уцелевшей его части; сокращение числа рабочих и снижение их квалификации вследствие мас-

совых мобилизаций; чрезвычайный рост государственных расходов на войну, покрывавшийся выпуском бумажных денег; — все эти причины привели к сильной инфляции и к значительному падению покупательной способности рубля. Для приведения денежного обращения в нормальное состояние 14 декабря 1947 г. была проведена денежная реформа, сократившая количество денег в обращении в 10 раз. Эта реформа, сопровождавшаяся отменой пайков и понижением продажных цен в государственных магазинах, повлекла за собою также понижение цен на колхозных рынках. По сообщению Центрального Статистического Управления об итогах выполнения народнохозяйственного плана в первой четверти 1948 г.*), цены колхозного рынка в первом квартале этого года составляли только 31% цен первого квартала 1947 г., т. е. упали в 3,2 раза; цены кооперативного рынка в первом квартале 1948 г. равнялись 45% цен соответствующего квартала 1947 г., т. е. снизились в 2,2 раза; покупательная способность рубля за этот год повысилась на 41%, а так как денежная заработная плата за год также повысилась приблизительно на 7%, то реальная заработная плата выросла за год на 51%. Чтобы понять, каким образом реальная заработная плата среднего русского рабочего могла так вырасти, мы должны обратиться к первоисточнику, изменению цен на продовольственные товары в 1947/48 гг. В Москве уровень цен был следующий (за килограмм, литр молока и одно яйцо):

*) «Известия» и «Правда» 15 апреля 1948 г.

1 четверть 1947 г. 1 четверть 1948 г.

	цены пайковые	цены вольные	цены государственные
Хлеб ржаной	3,40	20/45,00	3,0
хлеб пшеничный:			
„ 1 сорт	11,25	—	7,0
„ 2 сорт	8,00	60,00	4,40
картофель	0,90	4/10,00	1,00
сахар	15,00	70,00	15,00
говядина	30,00	90,00	30,00
масло коровье	64,00	240,00	64,00
молоко (литр)	8,00	20/22,00	3/4,00
яйца (штука)	0,85	4,50	1,20/1,60
соль	0,05	—	1,60
чай	100,00	550,00	160,00

Эта таблица показывает, что государственные розничные цены первого квартала 1948 г., после отмены пайков, были значительно ниже вольных цен первого квартала 1947 г.; вполне вероятно, что на колхозном рынке они упали в 3,2 раза. В то же время сравнение цен первого квартала 1948 г. с пайковыми ценами 1947 г. показывает почти полное тождество этих двух рядов: цена на хлебные продукты и молоко понизилась, на сахар, мясо и масло осталась без перемены, на картофель, яйца, соль и чай повысилась. По исчислению Статистики Труда в Соед. Штатах, изменение цен 14 декабря 1947 года оказало следующее влияние на стоимость пайковых продуктов, получавшихся населением в 1947 г.*):

*) Notes on Labor Abroad, 1948, February No 6, p. 33.

	по ценам конца 1946 г.	по ценам начала 1948 г.
Рабочий квалифициро- ванный	281,53	252,57
Рабочий рядовой	255,88	237,09
Служащий канцелярский	169,43	154,67
Иждивенец старше 12 лет	104,00	86,44
Дети моложе 12 лет	139,13	114,43

Следовательно, рост реальной заработной платы в этом году от понижения розничных государственных цен на пайковые продукты у рядового рабочего составлял 7,3% от его заработной платы. Очевидно, в 1947 г., как и в 1946 г., вследствие сокращения размеров государственной розничной торговли, вызванного недостатком продуктов потребления в стране и чрезвычайным повышением цен на пайковые продукты 16 сентября 1946 г., рабочие вынуждены были в большом количестве покупать продукты на колхозных базарах по высоким ценам.

В начале 1949 г. Центральное Статистическое Управление сообщило*), что благодаря понижению розничных цен, покупательная способность рубля повысилась в 1948 г. в два раза. В следующем году Центральное Статистическое Управление сообщило, что в сопоставимых ценах доходы рабочих и служащих в 1948 г. были выше, чем в 1940 г. на 10,7%, а в 1949 г. — на 24%**). Следовательно, в 1947 г., после повышения цен на продукты массового потребления 16 сентября 1946 г., реальная заработная плата была менее 55% от заработной платы 1940 г.

*) «Известия» и «Правда» 20 января 1949 г.

**) Известия 1950, 18 января.

Посмотрим, как в действительности изменялись цены на продовольственные продукты в государственной торговле. Указами 14 декабря 1947 г., 28 февраля 1949 и 1950 гг. цены на основные продовольственные продукты в государственных магазинах были понижены (или повышены) в следующих размерах:

	1946, 16 сент.	1947, 14 дек.	% снижения	1949 г., 1 марта	% снижения	1950 г., 1 марта	% снижения
хлеб ржаной	3.40	3.00	11,8	2,70	10	2,00	25,9
хлеб пшеничный: 1 сорт	11.25	7.00	37,8	6,30	10	4,41	30,0
хлеб пшеничный: 2 сорт	8.00	4.40	45,0	3,96	10	2,93	25,9
картофель	0,90	1,00	+ 11,1	1,00	0	0,90	10,0
сахар	15,00	15,00	0,0	15,00	0	13,20	12,0
говядина	30,00	30,00	0,0	27,00	10	20,52	24,0
масло коровье	64,00	64,00	0,0	57,60	10	40,32	30,0
молоко (литр)	8,00	3/4,00	56,3	3/4,00	0	2,70/3,60	10,0
яйца (штука)	0,85	1,20/1,60	+64,7	1,20/1,60	0	1,02/1,36	15,0
соль	0,05	1,60	+3100	1,12	30	0,67	40,0
чай	100,00	160,00	+60	160,00	0	144,00	10,0

Советская печать утверждает, по поводу этих указов о понижении цен на продовольственные продукты, что советская власть и коммунистическая партия непрерывно и систематически снижают эти цены. Несомненно, понижение цен 1 марта 1950 г. значительно облегчит бюджет рабочего и будет иметь в этом отношении крупное положительное значение. Но что касается непрерывности снижения продовольственных цен, то тут мы имеем дело уже со столь характерной для советской печати забывчивостью; она систематически забывает указы, не понижавшие, а повышавшие цены на продукты и изделия массового потребления. Фактически динамика пайковых и государственных цен на главные продукты потребления шла за последнее десятилетие следующим образом (в рублях и копейках за килограмм):

	1940	1944	1946, 16 сент.	1947, 14 дек.	1949, 1 марта	1950, 1 марта	в процентах от 1940 г.
хлеб ржаной	0,85	1,10	3,40	3,00	2,70	2,00	235
хлеб пшеничный, высшего сорта	1,70	3,80	11,25	7,00	6,30	4,41	259
хлеб пшеничный, второго сорта	1,00	2,80	8,00	4,40	3,96	2,93	293
картофель	0,50	0,90	0,90	1,00	1,00	0,90	180
сахар	4,10	5,50	15,00	15,00	15,00	13,20	322
говядина	9,00	14,00	30,00	30,00	27,00	20,52	228
масло коровье	17,50	28,00	64,00	64,00	57,00	40,32	230

Последний столбец показывает нам, насколько процентов современные цены, после их снижения 1 марта 1950 г., выше до-военных цен 1940 г.

Другим важным источником продовольственных продуктов для рабочих были Отделы рабочего снабжения на фабриках, заводах, шахтах и железных дорогах, организовавшие свои подгородные сельские хозяйства, и индивидуальные и коллективные огороды рабочих и служащих. Бросающеюся в глаза особенностью военных и послевоенных продовольственных пайков является отсутствие в них картофеля и прочих овощей, молока и яиц. Эти продукты рабочие должны были получать из Отделов рабочего снабжения (Орс'ов) и с своих индивидуальных огородов, на которых они производили картофель и прочие овощи, содержали коров, свиней, кроликов, кур. Можно считать, что к началу войны в 1941-1945 гг. до 2½-3 миллионов рабочих получало в месяц из Отделов рабочего снабжения и с рабочих огородов до 10 килограмм картофеля и разных овощей, до 10 литров молока и до 2 килограммов мяса. После начала войны, когда обнаружились затруднения с продовольствием, 7 апреля 1942 г. был издан указ о предоставлении на время войны Советам народных комиссаров союзных и автономных республик, краевым и областным Исполнительным комитетам, при отсутствии свободных городских земель и земель государственного фонда, права разрешать промышленным предприятиям, учреждениям, организациям и воинским частям производить временно посе́вы на неиспользуемых землях колхозов с согласия последних. Указ этот был отменен лишь по окончании войны, 19 сентября 1946 г., и занятые разными предприятиями и организациями земли были возвращены их собственникам-колхозам до конца 1946 г. О росте подсобных хозяйств во вре-

мя войны и по ее окончании дают представление следующие данные об их хозяйстве*):

	посевная площадь	количество рогатого скота
1940 г.	1.365.000 гект.	586.000 штук
1943	3.104.000	904.000
1945	5.000.000	—

Отделы рабочего снабжения дали рабочим и служащим в годы войны следующее количество продуктов (в тысячах тонн)**):

	1942	1943	1944	1945	1946, план
картофель	360	586	1116,4	1347,9	1465,9
овощи	400	626	1467,6	2162,7	2197,9
мясо	32,0	36,4	49,6	52,8	62,2
рыба	60,0	71,9	109,0	102,5	121,9
яйца (тыс. шт.)	3.122	4.095,4	6.893,2	8.979,7	11.000
молоко	108,3	106,4	209,4	266,7	328,3
мед (тонн)	420	526,2	625,9	767,8	900

Индивидуальные и коллективные огороды рабочих и служащих получили в годы войны и после войны следующее развитие:**)

	1942	1945	1947	1948
число огородников, миллионы	5,0	18,6	19,5	19,4
посевная площадь, тыс. гект.	500	1.626	—	—
— на 1 огородника гектаров	0,100	0,087	—	—
сбор картофеля и овощей, миллионов тонн	2,0	9,5	11,5	14,0
— на одного огородника килогр.	392	515	590	720

Значительное количество коров, свиней, кроликов, кур дает рабочим также имеющее большое значение в их питании, количество мяса, молока, яиц. Но главным продуктом, который дают эти подсобные хозяй-

*) Вознесенский, стр. 124.

**) В. Москвин, Советская торговля в новой пятилетке, Большевик 1946, № 19, стр. 15, 16; Правда 1948 г., 20 января.

ства, является картофель. В питании рабочего хлеб постепенно вытесняется картофелем. Этот процесс изменения состава рабочего питания находит отражение и в движении цен на разные продовольственные продукты (в копейках, рублях за килограмм):

	1913	1928	1932	1936	1941, I	1948	1948:1913
картофель	4,9	11,2	25	35	90	1.00	20,4
хлеб ржаной	7,3	8,0	12,5	85	100	3.00	41,1
говядина	46,4	87,3	212	760	1400	30.00	64,7
масло коровье	114,8	243,0	466	1600	2600	64.00	55,7
заработная плата	24,3	70,24	115,42	225,58	339,1	375,4	15,4

Наибольший недостаток население России испытывает в животных продуктах: мясе и масле. Высокие цены на продукты скотоводства являются прямым результатом чрезвычайно большой убыли скота в стране в годы войны. Но и цены на хлеб, следовательно, на зерновые продукты, выросли почти в той же мере, как цены на продукты животноводства. При таком росте цен, очевидно, картофель должен стать основным продуктом питания. Из страны хлебного питания Россия превратилась в страну картофельного питания.

Четвертый пятилетний план 1946-1950 гг. проектирует дальнейшее укрепление и развитие картофельно-овощных и животноводческих баз вокруг Москвы, Ленинграда (Петербурга), Харькова, Киева и других крупных городов с тем, чтобы полностью обеспечить снабжение их городского населения картофелем и другими овощами и в значительной мере молоком и мясом собственного производства.

Не следует забывать, однако, что овощи, мясо, молоко, яйца, получаемые рабочими с подсобных хозяйств, оплачиваются или деньгами, если эти хозяйства принадлежат предприятиям, или трудом рабочего, его жены и других членов семьи, если они являются собственностью рабочего.

Отделы рабочего снабжения устраивали также для рабочих закусочные и столовые при предприятиях, на которых они работали; рабочие получали в них за два-три рубля обед из супа и второго блюда из картофеля и овощей, рыбы, изредка мяса. Эти обеды стали для многих рабочих и служащих в военные годы основной формой питания. Удельный вес общественного питания во всем розничном товарообороте с 13% в 1940 году увеличился до 25% в 1948 году.

О предметах одежды мы не могли собрать сравнимых данных. Наиболее показательны цены на мужской костюм и мужские кожаные башмаки. Повидимому, их качество в годы войны подверглось значительным изменениям. Мы знаем лишь, что цена на мужской шерстяной костюм на вольном рынке доходила в 1944 г. до 5.000 р., в конце 1946 г. до 3.000 р., в 1948 г. — до 1.400 р. На мужские башмаки в конце 1946 г. цена доходила до 1.700 р., в 1947 г. до 600 р., в 1948 г. была 260 р.

Быстрое развитие промышленности в СССР не сопровождалось соответственной постройкой домов для рабочих. Все промышленные центры Советской России, — Петербург, Москва, Иваново-Вознесенск, Донецкий бассейн, — давно страдают от крайнего перенаселения. В новых промышленных центрах, напр. Магнитогорске, обок, с колоссальными заводскими зданиями с плавильными печами и машинами по последнему слову техники, рабочие живут в бараках и землянках. По мере роста промышленности, жилищные условия рабочих и служащих с каждым годом заметно ухудшались, потому что средства, отпускаемые правительством на постройку жилых домов недостаточно велики. По пятилетним планам на строительство жилых домов было отпущено миллиардов рублей и было введено в эксплуатацию жилой площади (в миллионах квадр. метров):

	капитальные вложения	ввод в эксплуатацию
1928-1932	4,0	23,5
1933-1937	9,6	26,8
1938-1942, план	15,6	30,0*)
1938-1941, 6 месяцев	11,3	19,0
1946-1950, план	42,3	72,4
1946-1950	— свыше 100,0	

Платы, взимаемой городским управлением за пользование жилым помещением, совершенно недостаточно даже на ремонт домов. Поэтому, все города Советской России, за исключением Москвы и быть может Петербурга, имеют очень запущенный вид.

Германское нашествие, разрушившее 1710 городов и уничтожившее 66,2 мил. кв. метров жилой площади, чрезвычайно обострило жилищный кризис в Советской России**). Жилая площадь в городах СССР в старых границах равнялась приблизительно (мил. человек, мил. квадратных метров, квадр. метров):

*) Третий пятилетний план проектировал также индивидуальное строительство домов в размере 10 мил. квадратных метров жилой площади на средства частных лиц с помощью государственного кредита.

**) О размерах этого кризиса можно судить по следующей картинке с натуры. Когда поезд подходит к большому городу, все командированные по делам службы соскакивают с подножек вагонов еще на ходу и бегут к выходу с вокзала. Они спешат в гостиницу получить на ночь койку-место, т. е. простую койку, а не комнату. Если он опоздает, в гостинице все койки будут заняты и ему придется до вечера маяться в вестибюле и ловить момент, когда появится первый выезжающий, чтобы занять освобожденную им койку (Литературная Газета, 1950, 9 сентября).

	городское население	жилая площадь	на человека
1923	21,3	127,8	6,0
1926	26,3	154,0	5,9
1932	35,6	185,1	5,2
1937	51,0	211,9	4,2
1941	58,0	236,9	4,0
1945	53,0	164,7	3,1
1949	57,0	236,7	4,2

Так как о количестве городского населения в СССР в 1941-1949 гг. нет сведений, то мы приняли, что оно составляет треть всего населения (по данным переписи 1939 г.). Мы приняли также, что послевоенное строительство новых домов происходило все на территории СССР в старых границах.

Четвертый пятилетний план проектирует восстановление и новое строительство государственного жилого фонда в размере 72,4 мл. кв. метров жилой площади, и содействие государственным кредитом и продажей строительных материалов строительству индивидуальных жилых домов на средства населения в размере 12 мил. кв. метров жилой площади. Кроме того, в целях создания постоянных рабочих кадров в промышленности, и ликвидации текучести рабочей силы на предприятиях, хозяйственным организациям предлагается развернуть строительство многоквартирных и двухквартирных жилых домов для продажи этих домов рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим на условиях предоставления долгосрочного кредита. Восстановление городов и сел начато с организации кирпичных, известковых, цементных, стекольных, кровельных и деревообрабатывающих заводов.

В 1946-1947 гг. правительство построило 15 мил. квадратных метров жилой площади в городах и помогло постройке 4 мил. кв. метров жилой площади в домах, построенных населением. За четыре года, 1946-

1949, в городах и рабочих поселках было восстановлено и построено вновь свыше 72 миллионов квадр. метров жилой площади. К концу 1950 г. более 100 мил. квадратных метров и 2,7 мил. жилых домов в селах*).

Сравнение реальной заработной платы промышленных рабочих в Советской России с их реальной заработной платой в других странах может быть произведено только путем переоценки всех товаров, покупаемых русским рабочим на получаемую им зара-

*) Но строятся новые дома очень плохо. В Твери, например, в 1949 г. несколько десятков семей рабочих, служащих и специалистов одного предприятия поселились нынче в новых заводских домах. Оказалось, что в квартирах рассыхаются сделанные из сырой древесины двери, полы, оконные переплеты. В одних домах дымят плиты и печи, в других — портят настроение жильцам незаделанные дыры, которые пробили водопроводчики в уже оштукатуренных квартирах. Ни в одном доме этого поселка водопровода и канализации еще нет. У водоразборных колонок то и дело выстраиваются очереди. После первых же дождей «заплакали» красные фасады новых двухэтажных домов — строители не сделали на кровельных карнизах желобов и водосточных труб. В этих новых домах двери и рамы почему-то кривые и косые, печи в трещинах, стены в пятнах (Известия, 1949, 19 октября). Кроме того, большим недостатком устройства городов в Советской России является отсутствие в них прачечных и бань. «В Астрахани нет ни одной прачечной. Постирать белье и другие носильные вещи нигде. Этим не занимаются ни коммунальные ни ведомственные предприятия», — пишут в редакцию «Известий». Таково положение со стиркой не только в Астрахани. Во многих других городах также нет коммунальных прачечных, а там, где они имеются, их зачастую загружают стиркой спецодежды для предприятий, учреждений и организаций. По данным Главного управления банно-прачечного и парикмахерского хозяйства РСФСР, на долю населения приходится только пятая часть стираемого прачечными белья. Такое положение с коммунальными прачечными особенно нетерпимо потому, что при большинстве жилых домов нет помещений, специально приспособленных для стирки и сушки белья. Жильцы вынуждены это делать в квартирах. Исключение в некоторой степени составляет Ленинград, где восстановлено много домовых прачечных» (Известия 1949, 24 мая).

ботную плату, по рыночным ценам той страны, в валюту которой мы желаем произвести перечисление*).

Чтобы получить это сравнение реальной заработной платы рабочего в двух валютах нужно, следовательно, обладать полным знанием количества и (качества) всех продуктов, изделий и материальных услуг, покупаемых рабочими данной страны, и их цен в обеих валютах. Скудность статистических данных, которыми мы располагаем по этим вопросам даже в самых культурных странах позволяет проведение международного сравнения плат только в той части бюджета рабочих, которая расходуется на покупку продовольственных продуктов, притом не всех, а только главных, охватывающих не более 85% их расходного бюджета. О расходах рабочих на одежду, наем жилища, его устройство, отопление и освещение, оплату поездок в городских трамваях, автобусах и по подгородным железным дорогам, а также о гигиенических расходах, наши международные статистические сведения совершенно неудовлетворительны. В тех странах, о продовольствии которых мы располагаем надлежащими статистическими данными, величина реальных заработных плат, то есть количество материальных ценностей, которое рабочие могут приобрести на свою заработную плату, измеряется числом корзинок провизии, которые ею могут быть оплочены.

Вследствие малого числа русских до-революционных и после-революционных бюджетных исследований жизни рабочих, эту переоценку корзинки провизии русского рабочего в шведские кроны и американские

*) Не надобно забывать, что денежная заработная плата в Советской России, столь низкая по сравнению с заработной платой в Соед. Штатах С. А. и в Швеции, составляет только часть, хотя и основную, дохода современного советского рабочего и его семьи. О составе дохода советского рабочего смотри выше, стр. 48 бис.

доллары мы можем произвести только для 1908, 1926 и 1947 гг.*):

	в рублях и копейках	в кронах и эре	в долларах и центах
1908 г. цена корзинки провизии	10,14	22,29	7,11
заработная плата	26,48	80,77	39,6
1926 г. цена корзинки провизии	14,22	32,83	12,32
заработная плата	71,78	201,1	116,16
1947 г. цена корзинки провизии	270,88	27,90	13,07
заработная плата	341,3	398,8	205,2

В корзинке провизии советского рабочего в 1947 г. не учтены мясо, молоко и яйца, которые давали им их подгородные огороды. Хотя количество этих продуктов не может быть значительным, их неучет в корзинке провизии 1947 г. является существенным недостатком наших статистических данных.

Таким образом, стоимость по розничным товарным ценам корзинки провизии русского взрослого рабочего (полного едока) составляет в процентах заработной платы:

	1908	1926	1947
Русского рабочего	38,3	19,8	79,4
Шведского	27,9	16,3	7,0
Американского	18,0	10,6	6,4

*) Статистические данные о Швеции и Соед. Штатах С. А. заимствованы нами из соответствующих лет *Sociala Meddelanden*, *Monthly Labor Review*, *Year-Books of Labor Statistics*, *Monthly Bulletin of Statistics of the League of (United) Nations*, *Bulletin of the U. S. Bureau of Labor Statistics*, No. 495, 1929: Retail Prices 1890 to 1928, pp 34-35, 44-45; No. 635, 1938: Retail prices of Food 1923-1936, pp. 77-91.

Рабочие трех стран, нами сравниваемых, могут купить на получаемую ими заработную плату следующее число корзинок провизии русского рабочего:

	1908	1926	1947
Русский рабочий	2,6	5,0	1,26
Шведский	3,6	6,1	14,3
Соед. Штатов	5,6	9,4	13,7

В период новой экономической политики, когда были изжиты разрушительные следствия войны 1914-1918 гг., гражданской войны и революции, и пятилетние планы развития народного хозяйства СССР не начали еще оказывать свое понижающее влияние на уровень жизни рабочих, их реальная плата выросла вдвое. Но затем тягло принудительного накопления в чрезвычайных размерах, на них возложенное в целях накопления национального капитала, привело понижение их реальной заработной платы до уровня более низкого, чем бывший в до-революционной России. Этот результат русской революции, еще усиленный упадком производительных сил России под влиянием войны 1941-1945 гг., особенно ярко обнаруживается при сравнении динамики реальной заработной платы русского рабочего с динамикой платы, получаемой рабочими Швеции и Соед. Штатов С. А.

Понижение питания рабочих и ухудшение их жилищных условий неизбежно вызывает упадок их трудоспособности и понижение, под влиянием этого упадка, производительных сил Союза ССР.

ГЛАВА IX.

РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

В до-революционное время Россия была страной аграрной, бедной, кормившей своим хлебом Западную Европу и пытавшейся создать свою промышленность на иностранные капиталы. На капиталы иностранцев она строила и свои железные дороги. После революции, приток иностранных капиталов в Советскую Россию прекратился, и продолжать индустриализировать страну, строить фабрики и железные дороги можно было только на свои национальные капиталы. Так как их было мало, и первой задачей было создание тяжелой промышленности, то постройка железных дорог шла в явно недостаточных размерах. Перед последней войной в России было только 4 километра железных дорог на тысячу квадратных километров поверхности и пол-километра на тысячу душ населения. Большая часть сети железных дорог, как и населения, сосредоточена в Европейской России в ее трех земледельческих зонах, — широколиственных лесов, лесостепи и степи. За пределы этих зон железные дороги были проведены или к морским портам, Архангельску, Мурманску, Владивостоку, или к копиям, добывающим каменный уголь и руды, Дзержинску, Воркуте. Общее представление о развитии железнодорожной сети и ее работы дает следующая таблица:*)

*) За 1940-1950 гг. мы заимствовали статистические сведения из следующих источников: Н. Вознесенский, Военная экономика СССР в период отечественной войны, 1947; Holland Hunter, *Soviet Railroads since 1940, Bulletins on Soviet Economic Development*, No. 4, Birmingham 1950; Об итогах выполнения четвертого пятилетнего плана СССР на 1946-1950 годы, Сообщение Государственного планового комитета СССР и Центрального статистического управления СССР, «Правда» 1951, 17 апреля.

	1913	1922/3	1928	1932	1937	1942, план	1940	1945	1950 план исполн.
длина железнодорожной сети, тысяч километров	58,5	69,6	76,9	81,6	84,9	95,9	105,3*)	112,9	123,2 —
перевезено грузов милл. тонн	132,4	58,0	156,2	267,9	517,3	745,0	592,6	395,0	771,0 794**)
работа по перевозке грузов млд. тонно-километров	65,7	23,5	93,4	169,3	354,8	510	415	314	532 601
на 1 километр пути перевезено тыс. тонн	1.123	337	1.215	2.076	4.179	5.318	3.941	2.781	4.318 —
средний пробег груза, километров	498	405	598	632	686	693	700	795	690 757**)
средне суточная погрузка вагонов, тысяч вагонов	27,4	11,7	32,3	51,1	89,8	110,0	97,9	61,8	115 118,4
перевезено пассажиров дальнего следования, мил. человек	125,5	57,0	134,1	303,1	273,0	—	—	110	— —
вся работа по перевозке грузов и пассажиров, миллиардов тонно-и пассажиро-километров	92,2	38,2	119,9	253,4	445,7	630	513	380,2	630 —

*) В старых границах СССР 86,5 тысяч километров.

**) Цифры приблизительные.

В четвертом пятилетнем плане проектируется постройка 7.230 кил. железных дорог и доведение железнодорожной сети до 123.200 километров (в новых границах СССР), т. е. увеличение ее за весь период советской власти до 1950 г., за исключением 70,7 тыс. километров, полученных советской властью от дореволюционной России в 1917 г. и 16,6 тыс. километров на территориях присоединенных к СССР по западной границе в 1939-1940 гг., только на 35,9 тыс. километров, или на 50,8%. Очевидно, такой незначительный рост жеезнодорожной сети в такой большой стране, как СССР, при том стране так быстро развивавшей свою промышленность, является совершенно недостаточным*). Мы имеем здесь дело с явной диспропорцией в развитии промышленности и железных дорог Союза, созданной недостатком в стране капиталов и металла для рельс, отчасти плохо продуман-

*) Малое развитие железнодорожной сети имеет в СССР тем большее значение, что шоссейных дорог в нем очень мало, а проселочные дороги находятся в самом плохом состоянии. В советской печати указывалось, что «беззаботно, по-бюрократически относятся к строительству и ремонту дорог руководители многих местных Советов Тамбовской, Рязанской, Костромской, Ярославской областей РСФСР, Кокчетавской, Павлодарской областей Казахской ССР. Исполком Костромского областного Совета, например, в прошлом году принял три пространных решения о дорожном строительстве, неоднократно обсуждал этот вопрос и в нынешнем году. Однако, строительство и ремонт дорог организованы очень плохо. Годовой план дорожных работ поставлен под угрозу срыва. Такая же картина и в Ярославской области. Здесь по вопросам дорожного строительства было вынесено четыре решения в 1946 году, пять — в 1947, пять — в 1948, два — в 1949 году. Ни одно из них не выполнено. Именно поэтому шоссейная дорога от Ярославля к Вологде строится пять лет, а конца строительству так и не видно.

«На шоссейных и грунтовых дорогах Тамбовской, Рязанской, Кокчетавской и Павлоградской областей — многочисленные ухабы и рытвины, полуразрушенные мосты, а в результате — частые поломки машин и большой пережог горючего» (Известия, 1950, 15 августа).

ными планами развития его народного хозяйства. Одновременно должны быть восстановлены железнодорожные пути и подвижной состав, разрушенные или увезенные германцами. В годы IV-го пятилетнего плана проектировалась постройка 7.585 паровозов, электровозов и тепловозов, и 472.500 товарных вагонов. Так как советские железные дороги оборудованы даже на главных путях легкими рельсами, весом в 36,5 килограмм погонный метр, то в годы IV пятилетки их проектировалось заменить на протяжении 50.000 километров тяжелыми рельсами, в 43,6, 50,0 и больше килограмм погонный метр, повысив их средний вес до 45 килогр. Укладка более тяжелых рельс позволит увеличить скорость движения поездов и повысить нагрузку на ось подвижного состава. Проектировалась также замена щебнем песчаного балласта путей, до сих пор сохранившегося на протяжении 73% железнодорожной сети СССР*). Чтобы перевезти все количество грузов, предъявляемое к перевозке промышленностью, железные дороги должны были чрезвычайно интенсифицировать свою работу. Какой колоссальной величины достигла густота движения грузов на русских железных дорогах, показывает сравнение величины их работы с работой в других странах. Грузовое движение на европейских и американских железных дорогах достигло максимума в 1929 г.; в последующие годы, под влиянием кризиса, оно во многих странах значительно упало. Поэтому мы приведем данные о работе железных дорог по перевозке грузов в тысячах тонн на один километр сети за 1929 и 1949 гг.**):

*) Плановое хозяйство 1945, V, стр. 7.

**) Данные за 1949 г. взяты нами из *Directory of Railway officials and Year Book 1950-1951*, London 1950, pp. 446-447; *Statistical Year Book 1949/50*; *Monthly Bulletin of Statistics*, 1951.

	1929	1949
В Великобритании	884	1082
Франции	980	632
Германии	1.183	—
Соед. Штатах Сев. Америки	1.557	2.102
Азии	458,2	884
Африке	165,5	528*)
Австралии	144,4	225

Работа советских железных дорог в 4 раза интенсивнее работы великобританских, в 2-2½ раза интенсивнее работы дорог Соединенных Штатов С. А. и в 20-25 раз — Австралии. И тем не менее, в последние годы железные дороги стали одним из самых узких мест в народном хозяйстве Союза ССР.

Росту провозоспособности советских железных дорог в значительной мере способствовали два обстоятельства. Во-первых, равнинный характер территории Союза ССР. Благодаря отсутствию гор, железнодорожные линии имеют в большинстве ничтожный подъем 0-5%, т. е. до 5 метров на километр, реже от 5 до 10% и лишь небольшая часть линий имеет подъем 10-25%, — на Урале, Кавказских горах, на восточном конце Сибирской магистрали, на отрогах Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. Отсутствие крутых подъемов сделало возможным введение в настоящее время в России вагонов с грузоподъемностью в 50-60 тонн вместо 10 тонн до революции и на западно и центрально-европейских железных дорогах. Во вторых, размещение крупных промышленных предприятий, дающих железным дорогам большую часть грузов, в небольшом относительно числе больших городов, связанных между собою двухлинейными железнодорож-

*) Без британских и бельгийских колоний.

ными путями, обладающими чрезвычайно высокой провозоспособностью, в 12.000 тонн и более на километр пути.

В приведенной выше таблице о развитии железнодорожной сети и ее работе обращает на себя внимание отсутствие за последнее десятилетие данных о пассажирском движении и слабый его рост за предыдущие два десятилетия после революции. Для развития железнодорожных перевозок пассажиров характерны только перевозки пассажиров дальнего следования; количество пассажиров в пригородном сообщении зависит от отношения между числом рабочих, занятых на городских фабриках, и количеством жилой площади в городе. Для пассажирских перевозок дальнего следования характерно, что за 1913-1939 гг. они увеличились в 2,2 раза, тогда как перевозка грузов увеличилась в 3,9 раз. На советских железных дорогах под пассажирское движение дается совершенно недостаточное количество поездов и вагонов, почему на станциях железных дорог наблюдается хроническое скопление людей без служебной командировки, много дней ожидающих очереди сесть в поезд. Все силы железных дорог направлены не на обслуживание населения, а на перевозку грузов.

В войну 1941-1945 гг. германские армии оккупировали к ноябрю 1941 г. 41% протяжности русских железнодорожных путей, затем в 1942 г. эта оккупация возросла до 55% и сократилась к началу 1943 г. до 40%*).

Погрузка товаров в 1942 г., по сравнению с 1940 г., сократилась в 2,3 раза, и увеличилась в следующем 1943 г. на 7%**).

О работе железных дорог в 1940-1950 гг. по пе-

*) Н. Вознесенский, Военная экономика СССР, 1947, стр. 42, 100, 157.

**) Н. Вознесенский, там же, стр. 102, 143.

ревозке грузов мы располагаем следующими данными (в миллионах тонн, километрах и миллиардах тонно-километров)*):

	перевезено грузов	средний пробег тонны груза	вся работа по перевозке грузов
1940	592,6	700	415
1941	664	693	460
1942	271	823	223
1943	296	851	252
1944	370	830	307
1945	395	795	314
1946	455	743	338
1947	499	709	354
1948	606	741	450
1949	712	737	525
1950, план	771	690	532

Пассажиров дальнего следования перевезено (млн. человек):

1937	—	273	1946	—	250
1945	—	110	1947	—	294

В русском железнодорожном деле есть много необычайного. Напр., в Восточной Сибири, на территории вечной мерзлоты железные дороги прокладываются по слою почвенного льда; чтобы летом он не таял, он покрывается сверху слоем торфа. Во время осады Ленинграда немецкими войсками, когда железнодорожное сообщение с городом было прервано, и свободным оставался только водный путь через озеро Ладогу, цистерны с нефтью шли через озеро вплавь. Цистерна весит 7 тонн, и заключает в себе нефти 16 тонн; погруженная в воду, она вытесняет воды на

*) Holland Hunter, *Soviet Railroads since 1940*, p. 20.

20 тонн. Наливая в цистерну только 5-6 тонн нефти, транспортная администрация получала цистерны весом 12-13 тонн, способные плыть по воде. Пароходы везли через Ладогу целые поезда цистерн, только на половину наполненных нефтью. Подобная перевозка нефти была затем применена и на Каспийском море.

В организации работы железных дорог, как и в работе промышленности, существуют большие дефекты. Во время прений в Верховном Совете указывалось, что в первых числах месяца грузы на железные дороги поступают в незначительном количестве, а в середине и конце месяца погрузка на много превышает плановые нормы. Этот дефект работы железных дорог порождается неудовлетворительной организацией планирования железнодорожных перевозок: месячный план перевозок утверждается Государственной плановой Комиссией в самом конце предыдущего месяца, а наряды поступают на предприятия 2-5 числа и позже.

ГЛАВА X.

РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ И НАЛОГ НА ОБОРОТ.

До революции, при слабом развитии промышленности и городов, в России денежное хозяйство было слабо развито; все крестьянское население собственными семейными силами строило дома, делало грубую мебель, заготавливало дрова, овчины, шерсть и лен, пищевые продукты, ткало полотно и грубые сукна. Торговые лавки были в руках частных торговцев или кооперативных организаций. После октябрьской революции, уничтожившей доходы от помещичьего землевладения и капиталистических предприятий, финансовое положение Советского Государства оказалось чрезвычайно трудным; в период коммунистической политики, 1918-1920 гг., оно не имело никакого правильного бюджета и существовало конфискациями имущества буржуазии, реквизициями продуктов крестьянского хозяйства и печатанием денежных знаков в количестве, приведшем к полному обесценению советского рубля.

Частная торговля продуктами и предметами личного потребления очень скоро была заменена их распределением государственными распределительными органами. В течение 1918 г. центральными и местными властями были изданы сотни постановлений, лишенных всякой системы, ограничивающих частную торговлю и национализующих ее отдельные отрасли; в ряду этих мероприятий наибольшее значение имеет декрет Совета народных комиссаров от 21 ноября

1918 г. об организации снабжения населения предметами личного потребления и домашнего хозяйства, начинающийся словами: «В целях замены частного торгового аппарата...», и приказ Высшего Совета народного хозяйства от 26 ноября 1918 г. о государственной монополии на торговлю некоторыми продуктами и изделиями. В течение всех лет коммунистической политики национализированная розничная торговля очень плохо обслуживала население; в лавках было очень мало товаров и у лавок стояли «хвосты» покупателей.

Причиной этой дезорганизации розничной торговли население считало устранение частных торговцев. Поэтому, восстановление частной торговли было самым настойчивым требованием волновавшихся в 1920 и 1921 гг. рабочих и крестьян, и удовлетворение этого требования явилось одним из первых мероприятий власти после перехода к новой экономической политике. Первыми актами, восстановившими частную торговлю были декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 21 марта 1921 г. о замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом и декрет Совета народных комиссаров от 28 марта того же года о свободном обмене, покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов в губерниях, закончивших разверстку. Основным законодательным актом, регулировавшим частную торговлю, был декрет 19 июля 1921 г. о порядке открытия и производства всякой торговли и правилах надзора за нею, разрешавший всем гражданам 16 и старше лет производить торговлю открытую и в закрытых помещениях сельскохозяйственными продуктами и изделиями кустарного и фабрично-заводского производства, за исключением товаров, производимых из сырья и материалов, предоставленных государством на особых договорных основаниях.

После перехода к политике восстановления, в рас-

поряжении советского правительства оказалось, кроме станка для печатания бумажных денег и остатков золотого запаса, два источника государственных доходов: натуральный налог с крестьян и изделия фабрично-заводской промышленности; национализация крупной промышленности дала возможность превратить продажу фабрично-заводских изделий по высоким ценам в крупный источник государственных доходов. Прямые налоги не могли в то же время много давать советскому государству; их вообще трудно взимать с плательщиков малого достатка, а после революции — почти невозможно, особенно по высоким ставкам обложения. Поэтому, главное внимание власти в эти годы было обращено на восстановление крупной промышленности и продажу ее изделий по высоким ценам; так как себестоимость фабричных изделий, вследствие разложения и упадка крупной промышленности в годы коммунистической политики, была очень высокой, то продажные цены на них, чтобы принести доход государству, должны были быть также очень высокими; между тем, покупательная способность населения под влиянием голода 1921/2 г., падения производительности сельского хозяйства и всеобщего обнищания была настолько низкой, что, когда промышленность начала работать, ей приходилось продавать свои товары по убыточным ценам, ниже себестоимости и продолжать проедать свои капиталы; в октябре и в начале ноября 1923 г. в торговле наблюдался полный застой. И лишь 1924/5 г. явился для советской промышленности «первым годом революционной эпохи, ознаменовавшимся переходом от проедания основных капиталов к их обновлению. Проблема восстановления основного капитала была выдвинута в отчетном году в качестве очередной проблемы и уже в этом году были сделаны крупные шаги в смысле подготовки к ее разрешению»^{*)}). Мы

^{*)} Промышленность СССР в 1925 г., стр. 14.

располагаем следующими сведениями о движении цен на продукты сельского хозяйства и изделия промышленности в годы политики восстановления (в индексах)*):

	продукты сел. хоз.	изделия промышлен.	относител. высота промышленных цен
1913	100	100	100
1922/3	88,5	169,0	191,0
1923/4	134,2	215,7	160,7
1924/5	166,9	192,4	115,3

В эти годы и в первые годы первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, пока частная розничная торговля не была еще окончательно задушена, обороты розничной торговли составляли в мил. червонных рублей:

	госуд. и кооп. торговля**)	частная торговля	% всего	частн. обществ. торговли	обществ. питание	всего
1923/4	2.283,0	3.116,0	5.399,0	57,7	—	5.399,0
1924/5	4.473,4	3.300,0	7.773,4	42,5	375,0	8.148,4
1925/6	6.769,0	4.963,1	11.732,1	42,3	535,6	12.267,7
1926/7	8.654,2	5.063,5	13.717,7	36,9	525,9	14.243,6
1928	11.750,0	3.406,6	15.156,6	22,5	350,0	15.506,6
1929	14.593,7	2.273,4	16.867,1	13,5	550,0	17.417,1
1930	17.582,5	1.043,0	18.625,5	5,6	1.290,0	19.915,5
1931	24.725,2	—	24.725,2	—	2.740,0	27.465,2

*) С. Бобров, Индексы Госплана, Москва, 1931.

**) Старые кооперативные организации были ликвидированы в 1919 г. под лозунгом перехода от буржуазной кооперации к коммунистическому потребительски-производительному объединению всего населения. Недостатками старой кооперации Ленин считал то, что она «(1) дает выгоды (дивиденды на пай и т. п.) группе особых пайщиков; (2) сохраняет свой особый аппарат, не втягивая в него населения вообще, пролетариат и полупролетариев в первую голову; (3) при распределении продуктов не

К 1931 г. частная розничная торговля была окончательно ликвидирована. Для ее уничтожения советская власть прибегала к ухудшению условий отпуска товаров частнику, значительному ограничению, а затем и полному прекращению отпуска частнику товаров ходового ассортимента и ограничению, а затем и к запрещению частных перевозок по железным дорогам и на речных судах*).

Основные данные о развитии советской розничной торговли, ее размерах и ее строении до начала русско-германской войны в 1941 г., нами сведены в следующую таблицу (в мил. рублей по текущим рыночным ценам):

	1924/5	1928	1932	1937	1940
частная торговля	3.300,0	3.406,6	—	—	—
кооперативная	4.848,4	12.100	25.800	31.100	46.600
государственная			14.500	94.800	128.500
в том числе обществ.					
питание	375,0	350	4.852	10.158	22.900
торговля на колхоз-					
ных базарах	—	—	7.500	17.800	41.332
всего	8.148,4	15.507	47.800	143.700	216.432
в индексах	—	100	308	927	1396

После ликвидации в 1931 г. частной розничной торговли начала развиваться коммерческая торговля государственных торговых организаций, давшая в

*) Г. Нейман. Внутренняя торговля Советского Союза, Москва, 1935, стр. 145/6.

дает выгод пролетариям перед середняками, середнякам перед богачами; (4) при извлечении продуктов не очищает излишков сначала у богачей, потом у середняков, не опирается при этом на пролетариев и полупролетариев». Ленин, Сочинения, изд. 3-е, том XXX, стр. 395. В сельских местностях было только сохранено за государственными магазинами название кооперативных лавок.

1931 и 1932 гг. возможность некоторым группам населения получать продукты не по карточкам, а в порядке вольной продажи, и колхозным крестьянам была разрешена продажа продуктов их хозяйства на колхозных базарах. В 1935 г. коммерческая торговля приобрела массовый характер и почти полностью было ликвидировано распределение продуктов по карточкам. За годы двух пятилетних планов обороты розничной торговли увеличились в девять раз. В то же время производство продуктов промышленности и сельского хозяйства и их перевозки по железным дорогам увеличились в значительно меньших размерах. Всего было произведено продуктов в СССР в милл. рублей по ценам 1926/7 г. и перевезено грузов по железным дорогам в миллионах тонн:

	1927/8 г.	1937 г.	рост в %
валовая продукция промышленности	18.312	95.500	—
валовая продукция сельского хозяйства	14.526	20.100	—
итого	32.838	115.600	352,0
перевезено грузов по жел. дор.	150,6	517,3	343,5
обороты розн. торговли (по тек. цен.)	15.507	143.743	927,0

Очевидно, единственным объяснением этого роста оборотов розничной торговли в 9 с чем то раз при увеличении валовой продукции страны и железнодорожных перевозок в $31\frac{1}{2}$ раза может быть лишь падение покупательной способности советского рубля приблизительно в два с половиной раза.

Мы можем даже установить время, когда произошло главным образом это падение. Обороты государственной и кооперативной розничной торговли выросли за год:

В 1930 г.	—	на 14,4
1931	—	37,9
1932	—	46,9
1933	—	23,4

Что же произошло в 1931 г. в области розничной торговли?

В первые годы политики восстановления государственный бюджет почти всей своей тяжестью ложился на крестьян; они вносили натуральные налоги и платили высокие цены за изделия национализированной промышленности. Установление цен на изделия промышленности было во все годы политики восстановления очень сложной и тяжелой задачей для планирующих учреждений; с одной стороны, государство должно было выручить от продажи этих изделий максимум дохода; с другой стороны, при установлении указных отпускных цен на фабричные товары, нужно было считаться с их издержками производства и низким уровнем покупательной способности населения. 2 сентября 1930 г. вся работа по установлению указных отпускных цен была централизована и приведена в систему в форме налога с торгового оборота*). Со времени введения этого налога, торговый аппарат в СССР исполняет две совершенно различных функции: функцию торговую, распределения товаров среди населения, и функцию финансовую — сбора с населения главной, основной массы государственных доходов. Налог этот освобождает правительство СССР от необходимости иметь большую армию финансовых служащих для сбора тех сотен миллиардов рублей налоговых поступлений, которые он дает казне в настоящее время. При составе налогоплательщиков в советском государстве только налог с оборота может дать казне те колоссальные налоговые поступления, которые нужны для покрытия государственных расходов и государственного накопления государствен-

*) Н. Вознесенский, бывший председатель Госуд. плановой Комиссии называет в своей книге налог на торговый оборот «прибылью социалистического хозяйства». (Военная экономика СССР, 1947, стр. 133, 134).

ного капитала. По проекту государственного бюджета на 1937 год, поступления от налога с оборота слагались из следующих статей (в миллионах рублей):

С продуктов и изделий промышленности	48.998,0
по реализации сельскохозяйственных продуктов Комитетом заготовок при Совете народных комиссаров	24.106,0
доход от коммерческой торговли	2.605,0
прочие поступления	1.086,4
Всего	76.795,4

Если до 1930 г. тягло национального накопления несло одно крестьянство, то теперь к его несению были привлечены промышленные рабочие путем обложения высоким налогом покупаемых ими продуктов продовольствия и предметов первой необходимости. Мы видели в главе о заработной плате, какое влияние на уровень жизни рабочих имело их включение в налоговое тягло.

При низком уровне материального достатка всех классов населения Советской России, больших государственных налогах на оборону, административное управление и культурные нужды населения, при необходимости национального накопления в максимальных размерах, чтобы хотя в некоторой мере догнать опередившие ее в развитии народного хозяйства и духовной культуры страны, высокий налог на торговый оборот является финансовой необходимостью.

Налог этот взимался по разным ставкам с товаров как личного, так и производственного потребления, инструментов, машин, рельс, строительных материалов и т. д.; с той только разницей, что с продовольственных продуктов и предметов широкого потребления этот налог взимался по очень высоким ставкам, а со средств производства — по низким, за исключением нефтепродуктов, или не взимался вовсе.

Насколько мы могли установить, лишь с двух товаров, служащих одновременно как для производственного, так и для личного потребления, взимался высокий налог с оборота: со спирта и керосина. С 1 января 1949 г. отменено взимание налога с оборота на все виды топлива (за исключением нефтепродуктов), электроэнергию, руду, металлы, оборудование, строительные материалы, на продукцию химической, лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности*).

Таким образом всей своей тяжестью налог этот ложится на личное потребление населения, главным образом — на потребление предметов первой необходимости.

При обобществлении всей промышленности, железных дорог, речных и морских судов, торговли и большей части сельского хозяйства, обложение средств производства этим налогом не имеет никакого смысла. Действительный, а не номинальный доход казне при монопольной системе хозяйства может дать налог с оборота только предметов личного потребления. Как влияет этот налог на цену продаваемых товаров, можно видеть из следующих примеров:

при налоге в	50%	цена повышается в	полтора	раза;		
—	—	100%	—	—	два	раза;
—	—	150%	—	—	два с пол.	р.;
—	—	200%	—	—	три	раза;
—	—	300%	—	—	четыре	раза.

Такое повышение цен на продукты и предметы личного потребления осуществимо было только при существовании монопольной внешней торговли, делавшей возможным прекращение привоза с мирового

*) Вопросы экономики 1948, VIII, стр. 32.

рынка всех товаров, которые могли бы вынудить власть снизить указные цены на эти товары на внутреннем рынке. Монополия внешней торговли отдает внутренний рынок страны в безраздельное владение политической власти и ее указных цен.

К сожалению, советская статистика не опубликовывает статистических сведений о том, какая часть налога с оборота падала на средства производства и носила, следовательно, при монопольной системе хозяйства чисто номинальный характер, и какая — на предметы личного потребления.

Чтобы определить действительные размеры торгового розничного оборота (в миллионах рыночных рублей), мы должны были бы из суммы валового оборота розничной торговли вычесть ту часть налога на оборот, которая падает на предметы производственного потребления. Но так как советская статистика этой цифры не публикует, то мы вынуждены довольствоваться приблизительным определением искомой величины, вычитая из суммы валового оборота розничной торговли всю сумму налога с оборота. При таком вычислении ошибка не может быть велика; мы считаем, что казна получает с предметов производственного потребления около девяти десятых всех поступлений с налога с оборота*).

Данные о поступлениях по налогу с оборота в 1940-1949 гг., взяты нами из докладов А. Зверева о государственных росписях соответствующих лет и книги К. Плотникова*); напротив, состав и размеры розничной торговли в годы войны были засекречены советской властью и продолжают быть засекреченны-

*) В 1939 г. промышленность легкая, текстильная и сельскохозяйственные заготовки дали 87% поступлений по налогу с оборота. В. Дьяченко, Советская денежная реформа 1947 г. Вопросы экономики, 1948, № 1, стр. 43.

ми по ее окончании. Они определены нами на основании следующих данных*):

1. Н. Вознесенский и М. Лифшиц огласили размеры расходов на общественное питание в 1940 и 1943 гг. и сообщили также, какую часть товарного оборота в государственной и кооперативной торговле эти расходы составляют (в миллиардах рублей и процентах)**):

	1940	1943
Обороты государств. и коопер. торговли	175,1	—
расходы на общественное питание	22,9	28,5
в % от всего торгового оборота	13,08%	25%

Обороты государственной и кооперативной торговли в 1943 г. равнялись, следовательно, 114 млрд. рублей.

2. Н. Вознесенский сообщил нам, что в годы войны товарооборот в государственной и кооперативной торговле увеличился в 1943 г., по сравнению с 1942 г., на 6 миллиардов рублей, а в 1944 г. еще на 29 млрд. рублей; причем розничные государственные цены на нормированные продовольственные и промышленные товары не порвергались повышению, в то время как на колхозных рынках цены в 1943 г. по сравнению с 1940 г. увеличились на растительные продукты в 12,6 раза, и на животные — в 13,2 раза, а в 1945 г., по

*) Доклады министра финансов А. Зверева в Верховном Совете СССР о государственных бюджетах; А. Зверев, Государственные бюджеты Союза ССР 1938-1945 гг., Москва, 1945; Н. Вознесенский, Военная экономика СССР, Москва, 1947; Плановое хозяйство 1949, II, стр. 38-50; К. Плотников, Бюджет социалистического государства, 1948; его-же статья в «Большевике», 1950, № 12; М. Лифшиц, Советская торговля, 1948.

**) Н. Вознесенский, Военная экономика СССР, стр. 125; М. Лифшиц, Советская торговля, стр. 66, 103.

сравнению с 1943 г., понизились в 2,3 раза**). По этим данным, обороты государственной и кооперативной торговли в 1942-1944 гг. равнялись:

	гос. и кооп. торговля	налог на оборот	величина торговли за вычетом налога	% налогового обложения
1940	175,1	105,9	69,2	152,9
1942	108,0	66,4	41,6	159,6
1943	114,0	71,1	42,9	165,7
1944	143,0	94,9	48,1	197,3

В годы войны цены на нормированные продовольственные и промышленные товары в государственных и кооперативных магазинах почти не изменились.

3. Н. Вознесенский в своей книге о народном хозяйстве СССР в первые годы войны 1941-1945 гг. дает следующие сведения о размере и составе общественного продукта и народного дохода Советской России в 1940, 1942 и 1943 гг. (в процентах)**):

	общественный продукт			народный доход		
	1940	1942	1943	1940	1942	1943
производственное						
потребление	43	43	43	—	—	—
личное потребление						
населения	42	38	35	73,7(74)	66,6(67)	61,4
военные материальные						
расходы	4	17	18	7,0(7)	29,8(29)	31,6
национальное накоп-						
ление	11	2	4	19,3(19)	3,5(4)	7,0
всего	100	100	100	100	100	100

***) Н. Вознесенский, Военная экономика СССР, стр. 126, 128, 129.

***) Военная экономика СССР, стр. 12, 65-67, 143.

Вторая половина этой таблицы, процентное распределение народного дохода, вычислены нами; цифры, сообщаемые Н. Вознесенским, приведены нами в скобках. Некоторое расхождение с вычисленными нами цифрами вызвано их округлением до целых процентов (в обеих частях таблицы). Нас интересует сейчас не состав народного дохода, а его размер в миллиардах рыночных рублей. Ключом к расшифровке этой шарады нам послужат приводимые Вознесенским данные о размерах национального накопления в миллиардах рыночных рублей: в 1940 г. — почти 43 млрд., в 1943 г. — 19,5 млрд., и сообщение, что в 1943 г. народный доход был больше предыдущего года на 13%, или 32 млрд. рублей. Кроме того, нам нужно разделить общую цифру личного потребления населения, даваемую Вознесенским, на потребление гражданского населения, обслуживаемого розничной торговлей, и потребление военных служащих, обслуживаемое армейской продовольственной организацией. Для этого разделения мы можем воспользоваться данными государственного бюджета о военных расходах в соответствующие годы: они включают в себе как материальные расходы, так и личное потребление. С помощью этих двух ключей мы получим следующую таблицу размеров и состава народного дохода СССР в 1940-1943 гг. в миллиардах рыночных рублей*):

	1940	1942	1943
Личное потребление: гражданское население	123,0	128,3	134,4
— — — военные служащие	41,2	36,9	36,7
военные материальные расходы	15,6	71,5	88,0
национальное накопление	43,0	9,9	19,5
народный доход	222,8	246,6	278,6

*) В этом учете народного дохода опущено личное потребление населения натурального характера и продажа производителем продуктов и изделий непосредственно потребителю.

Налог с торгового оборота не входит в состав народного дохода, следовательно, цифры, личного потребления гражданского населения в этой таблице дают величину его реального потребления по рыночным ценам производителей. По этой таблице мы можем определить размеры как валовой, так и чистой (без налога на оборот) розничной торговли в 1942 и 1943 гг.:

	валовая	чистая	госуд. и кооп.	базарная
1940	216,4	110,4/123	69,2	41,2/53,8
1942	194,7	128,3	41,6	86,7
1943	205,5	134,4	42,9	91,4

4. Обороты кооперативной торговли составляли в 1947 г. 70,4 миллиарда рублей, 22% всей суммы государственной и кооперативной торговли*); следовательно, весь валовой оборот государственной и кооперативной торговли составлял 320 млрд. рублей. За вычетом налога с оборота, 239,7 млрд. рублей, мы получим для 1947 г. величину чистого торгового оборота в сопоставимых ценах приблизительно в 80,3 млрд. рублей. По трехмесячным сообщениям Центрального статистического управления при Совете министров СССР, публикуемых в «Известиях» и «Правде», государственная розничная торговля росла в 1946-1949 гг. в сопоставимых ценах следующим образом:

	ежегодный прирост в процентах	прирост с 1945 г. в процентах
1946	30	30
1947	17	52
1948	19**)	81
1949	20	117
1950	30	152

*) Вопросы экономики, 1948, тетрадь VI, стр. 99-100.

**) Цифра приближительная.

О торговле на колхозных базарах мы располагаем только сообщением, что после войны торговля на колхозных базарах сократилась до 33% всей розничной торговли*). Следовательно, валовая розничная торговля в 1945-1949 гг. в рыночных рублях приблизительно равнялась (в млрд. рублей):

	госуд. и коопер. торговля	колхозные базары	всего
1945	175,9	87,9	263,8
1946	259,5	129,6	389,1
1947	320,0	160,0	480,0
1948	342,9	171,5	484,4
1949	360,2	180,1	540,3
1950	385,3	—	—

Суммировав эти отрывочные данные, мы получим следующую таблицу. Заключая в себе сводку всех сообщений, опубликованных советской печатью о рыночной торговле и взятых из различных источников, как статистических, так и приблизительных, дающих лишь общее представление об учитываемых экономических величинах, таблица эта не обладает, конечно, статистической точностью, но довольно верно рисует нам развитие интересующих нас экономических величин (в миллиардах рублей, процентах и копейках**):

*) Известия, 1949, 23 апреля.

**) В государственные доходы в 1928-1937 гг. нами включены взносы промышленных и других предприятий по субсидированию социального страхования.

	государственные доходы	налог с торго- вого оборота	в % от государств. доходов	величина розничной торговли государств. и кооператив.	за вычетом на кооперативных базарах	сумма роз- ничной торговли	% торг. на кооп. базарах	налоговое обложение гос. и кооп. торговли	покупательная способность рубля
1928	8.100*)	2.351**)	29,0	15.507***)	13.156	15.507	—	17,9	84,8
1929	10.800*)	3.698**)	34,2	17.417***)	13.719	17.417	—	27,0	78,8
1930	16.700*)	6.735**)	40,3	19.920***)	13.185	19.920	—	51,1	66,2
1931	25.864	11.643	45,0	27.465	15.822	27.465	—	73,6	57,6
1932	38.963	19.514	50,1	40.357	20.843	47.857	15,7	93,6	51,6
1933	49.045	27.060	55,2	49.789	22.729	61.289	18,8	119,1	45,7
1934	60.928	37.675	61,8	61.815	24.140	75.815	18,5	156,1	39,1
1935	78.000	52.167	66,9	81.712	29.545	96.212	15,2	176,6	36,1
1936	97.200	65.762	67,7	106.761	40.999	122.363	12,9	160,4	38,4
1937	109.300	75.911	69,5	125.943	50.032	143.743	12,4	151,7	39,8
1938	127,5	80.411	63,1	138.574	58.163	162.973	15,0	138,2	42,0
1939	155,9	96.900	62,2	163.456	66.556	194.356	15,9	145,6	40,7
1940	180,2	105,9	58,7	175,1	69,2	216,4/228,9	19,0/23,5	152,9	39,5
1941,									
план	191,4	124,8	65,2	197,0	72,2	—	—	172,9	36,6
1942	165,0	66,4	40,2	108,0	41,6	194,7	44,5	159,6	38,5
1943	202,7	71,1	35,1	114,0	42,9	205,4	44,5	165,7	37,6
1944	268,0	94,9	35,4	143,0	48,1	—	—	197,3	33,6
1945	302,0	123,1	40,8	175,9	52,8	263,8	33,3	233,1	30,0
1946	325,4	190,9	58,7	259,5	68,6	389,1	33,3	278,3	26,4
1947	386,2	239,7	62,1	320,0	80,3	480,0	33,3	298,5	25,1
1948	410,5	247,3	60,2	342,9	95,6	484,4	33,3	258,7	27,9
1949	437,0	245,5	56,2	360,2	114,7	540,3	33,3	214,0	31,8
1950	422,8	236,2	55,9	385,3	149,1	—	—	158,1	38,6

*) Цифры приблизительные.

**) Сумма поступлений по налогам, замененным в 1930 г. налогом на торговый оборот.

***) Сумма государственной и частной торговли.

Повторяем, таблица эта, составленная на основании небольшого числа отрывочных данных, дает только общее представление о развитии розничной торговли.

Первые три столбца ее показывают, что налог с оборота является в СССР главным источником государственных доходов. В 1937 г. он дал 69,5% всей их суммы, затем началось снижение его веса в государственном бюджете, достигшее минимума в 1943 г. — 35,1%, сменившееся новым его подъемом до 62,1% в 1947 г., за которым опять последовал систематический упадок его веса. Эти изменения в его относительном значении зависят от совокупного влияния трех факторов: 1) количества товаров, поступающих населению через государственные и кооперативные розничные магазины; 2) роста или падения рыночных цен на них от сокращения или роста величины налога с оборота; 3) роста государственного бюджета. С первого года его введения (1931 г.) налог с торгового оборота достиг необычайных размеров: 73,6% цены товаров по издержкам их производства с прибавкой торговых расходов. В советской печати цифры валового оборота государственной розничной торговли приводятся постоянно, как показательные для размеров снабжения населения предметами личного потребления. Первого максимума высота налогового обложения розничной торговли достигла в 1935 г., после отмены карточек и перехода на коммерческую торговлю с высокими розничными ценами, когда советская власть подняла налог с оборота до высоты 176,6%, так как у нее не было других источников для покрытия бюджетных расходов. Если налог с торговли уже с первых лет его введения был главным источником государственных доходов, то во втором пятилетнем плане развития производительных сил советского народного хозяйства налог этот презошел себестоимость товаров, покупаемых населением. Цены товаров

в розничной торговле в Советской России определяются, следовательно, главным образом не их издержками производства, как это имеет место во всех других странах, а налогом с оборота. Налог этот в таких размерах является несомненно одним из чисто советских экономических институтов. В 1936-1938 гг. наступило некоторое облегчение финансового положения советского правительства, цены на продукты и предметы широкого потребления были несколько понижены. Угроза военного конфликта с 1939 г. и вторжение затем германских войск в Россию привели ко второму повышению цен и высоты взимаемого налога с оборота; после оккупации германцами в 1941 г. всей черноземной, производящей полосы до Волги, кормившей центральную и северную Россию хлебом, сахаром и подсолнечным маслом, в 1942 и 1943 гг. центральная и северная Россия голодали; государственная торговля уменьшилась до 60% своего довоенного размера, чрезвычайно выросли размеры колхозной торговли благодаря чрезвычайному росту цен на продукты продовольствия, привозившиеся крестьянами на колхозные базары в малом количестве. Так как цены на колхозных базарах в 1943 г., по сравнению с ценами 1940 г. увеличились колоссально — в 13 раз, а в 1945 г., по сравнению с 1943 г., уменьшились в 2,3 раза, то население получало всего через розничную торговлю следующее количество товаров (в ценах 1940 г.):

	госуд. и кооп.	базарная	вся торговля	в индексах
1940	69,2	41,2/53,8	123,0	100
1943	42,9	7,0	49,9	40,6
1945	52,8	16,1	68,9	56,0

Городское население в 1942-1944 гг. несомненно голодало. Оно ограничило свои покупки предметами первой необходимости, продуктами продовольствия и предметами одежды.

По окончании войны быстрому восстановлению розничной торговли, народного потребления и государственных доходов от торговли препятствовало разорение всей юго-западной России, бывшей под немецкой оккупацией. В 1944 и 1945 гг., после освобождения южной России от оккупантов, положение с продовольствием населения начало улучшаться, и перспективы будущего были хорошими; но неурожайный 1946 год опять чрезвычайно ухудшил продовольственное положение населения и, для покрытия государственных расходов, привел ко второму высокому росту государственных цен на продукты и предметы массового потребления 16 сентября 1946 г., когда высота налога с оборота достигла почти 300%. Лишь после хорошего урожая 1947 г., в 1948-1950 гг., продовольственное положение быстро начало улучшаться, расти розничная торговля и снижаться ставки налога на оборот. При быстром росте розничной государственной торговли правительство начало систематически понижать процент налогового обложения в государственной и кооперативной торговле; современная фискальная политика в обложении розничной торговли очень ясно обнаруживается в следующей таблице индексов:

	размеры гос. розничной торговли*)	налог с оборота	% налогового обложения	покупат. способн. рубля
1947	100	100	100	100
1948	107,2	103,2	86,7	111,2
1949	112,5	102,4	71,7	126,7
1950	120,3	98,5	53,0	153,8

*) Большое количество товаров личного потребления привозится в Советскую Россию из европейских стран, с нею союзных: Польши, Чехословакии, Венгрии и т. д.; у нас нет статистических сведений о размерах этого привоза. Мы знаем лишь общую сумму привоза товаров из этих стран как для личного, так.

Центральное Статистическое управление при Совете министров СССР сообщило*), что «в результате снижения (в 1948 г.) государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары и последовавшего вместе с этим снижения цен в кооперативной торговле и на колхозном рынке, покупательная способность рубля повысилась в два раза. Вследствие этого, а также в связи с ростом денежной заработной платы, реальная заработная плата рабочих и служащих повысилась в 1948 году по сравнению с 1947 годом более чем в два раза». Это сообщение Центрального Статистического управления неверно. Как показывают приведенные нами выше статистические данные, покупательная способность рубля повысилась в государственной торговле в 1948 г. только приблизительно на 11,2%, цены на колхозных базарах в общем следуют за ценами в государственных магазинах.

Рост в 1948-1950 гг. размеров реальной розничной

*) Известия 1948 г., 20 января.

и для производственного потребления (Economic Survey of Europe in 1948, table 16; 1949, table 53); исчисляя реальную розничную торговлю в долларах по номинальному курсу 18,87 центов за рубль, мы получим следующую таблицу (в миллионах рублей и долларов):

	государ. розничная торговля привоз товаров из 6 стран		
	в рублях	в долларах	в долларах
1947	80.300	15.153	173
1948	95.600	18.040	330
1949	114.700	21.644	506

Очевидно, как бы ни было велико количество привозимых из Польши, Чехословакии и т. д. товаров личного потребления, оно составляет лишь незначительную часть роста покупаемых населением товаров личного потребления; основная масса этих товаров производится в СССР.

торговли, без налога с оборота, предполагает соответствующий рост производства продуктов и предметов личного потребления; отсутствие роста налога с оборота — благополучное состояние финансов советского государства. Под влиянием этих двух фактов, процент налогового обложения розничной торговли упал в 1950 г. до 158,1%, т. е. до уровня 1934 г. С 1948 г. Советская Россия несомненно вступила в полосу повышения уровня жизни народных масс, достигшего в годы войны и в 1947 г. своего самого низкого уровня.

Как мы уже указывали, пятый столбец дает несколько преуменьшенную цифру количества товаров, полученных населением через государственную розницу, так как во втором столбце в сумме поступлений налога с оборота учтены и поступления от обложения этим налогом продажи средств производства. В 1940 г., за который мы имеем цифру рыночного потребления населения по данным Н. Вознесенского, это умаление чистой государственной розницы составляло 18%. Так как пятый столбец дает учет государственной розницы в рыночных ценах, которые росли, а покупательная сила советского рубля падала, то рост государственной розничной торговли за 1928-1940 годы в 6,2 раза не дает верного представления о росте реального личного потребления; по советским данным, рост этот в сопоставимых ценах равен 4,6*). Таким образом, мы имеем четыре учета роста государственной розничной торговли в 1928-1940 гг.:

	1928	1940	рост
валовая государств. розничная			
торговля	15,5	175,1	11,3
” ” без налога с оборота	13,2	69,3	5,25
” с исключением из учета пред-			
метов производ. потреб.	13,2	81,7	6,2
” в сопоставимых ценах	13,2	60,7	4,6

*) Правда, 1947, 21 апр.

В описаниях советской торговли ее издержки принято относить к ее валовым оборотам, а не чистым, за вычетом налога, и восхвалять их низкие размеры. В 1940 г., например, эти расходы составляли 18,2 млрд. рублей; по отношению к валовому обороту государственной розничной торговли эта сумма составит 10,4%, а чистому, без налога с оборота, 20,3%. Верна вторая цифра, а не первая.

Для определения народно-хозяйственного и социального значения этого роста торговли продуктами и предметами широкого потребления нам нужно было бы также учесть рост населения, ею обслуживаемого, и сокращение его натурального потребления, происходившего в больших размерах. Возможно, что, несмотря на рост розничной торговли, потребление населения за все эти годы не росло, а сокращалось. Вопрос об изменении размеров натурального потребления в советской статистике совершенно замолчен.

Взимание налога с оборота допускает разную организацию розничной торговли. При современной ее организации главными ее недостатками является полная независимость от населения всей ее работы. Население СССР включает в себе много наций и племен, пища, одежда и домашняя утварь которых имеет свои национальные особенности; оно занимает огромную территорию с самыми различными климатическими условиями, оказывающими большое влияние на его материальные потребности; культурный уровень населения, а следовательно и его потребности, которые должна обслуживать розничная торговля, также представляют очень большие различия. При таком характере обслуживаемого торговой сетью населения и его запросов к ней, организация снабжения его товарами по усмотрению планирующего центра совершенно неосуществима. Каждая местность, каждая группа населения требует особого ассортимента товаров, различного в разные времена года. Национа-

лизированная розничная торговля не может дать населению этого ассортимента; население получает не те товары, которые ему нужны, а те, которые соблаговолит прислать в обслуживающую его лавку центральное управление розничной торговли; бери, что дают. В лавках товар хранится плохо, портится и грязнится, в них нет чистоты и порядка, нет внимательного отношения к покупателям. Нет конкуренции, соревнования в поисках клиентуры. Это не лавки, а скорее бюрократические распределители, совершенно не считающиеся с потребностями и интересами населения*).

*) Как правильно замечают «Известия», «правильная организация завоза товаров с учетом спроса покупателей имеет решающее значение в выполнении торговыми предприятиями планов товарооборота. Этого, как ни странно, не хочет учитывать Главный универсальный магазин Министерства торговли СССР, где роль руководящего аппарата сведена к механическому распределению товаров по областям.

Такой стиль «руководства» не замедлил сказаться на практике. В этом году Грозненский универсальный магазин оказался затоваренным швейными машинами, велосипедами, мотоциклами и электротоварами, что и привело его к тяжелому финансовому состоянию. Несмотря на то, что на складах и в торговой сети универсама имелось на 696 тысяч рублей велосипедов, главк продолжал отгружать их в Грозный. Когда же в сентябре директор универсама попытался отказаться оплатить счет Харьковского велозавода на присланную новую партию велосипедов, главк обязал универмаг принять ненужный ему товар да еще заставил через арбитраж уплатить около 4.000 рублей судебных издержек. После этого директор Грозненского универсама уже не решился «перечить начальству» и за три квартала нынешнего года принял ненужных ему велосипедов и мотоциклов на 450 тысяч рублей. В начале года магазин имел швейных машин на 325 тысяч рублей. Такой запас главку показался недостаточным, и в Грозный было отгружено швейных машин еще на 660 тысяч. Электротовары, радиотовары, самовары, часы завозились в Грозный без всяких заявок и даже вопреки категорическим отказам универсама.

Таким путем на складах Грозненского универсама оказалось товаров, завезенных в принудительном порядке, на сумму

Ведь заведующий и его помощники в лавке состоят на государственной службе, они смотрят на покупателя, как на обывателя, обязанного их слушаться. Отмена в конце 1947 г. продовольственных карточек и переход к нормальной покупке товара по выбору покупателя привели к тому, что на складе торговой сети образовались, несмотря на товарный голод в стране, большие скопления завали, которую покупатели не хотят брать. Покупатели бракуют предлагаемый им товар. Особенно заметно это недовольство покупателя качеством товара в текстильной и обувной торговле*).

Такая организация розничной торговли вовсе не необходима при ее государственном планировании. Изменение ее в направлении предоставления заведующим лавками широкой инициативы в деле торгового обслуживания населения и создания личной заинтересованности заведующих в успешности этого обслуживания могло бы дать очень хорошие результаты. Для успешного взимания налога с оборота достаточно принадлежность государству распределительных оптовых центров, отпускающих товары розничным лавкам по их требованиям — по оптовой отпускной цене со включением налога, с обязательством продавать их не дороже указной розничной цены. Рознич-

*) Les cahiers d'économie soviétique, No. 12, 1948, pp. 5, 21.

свыше 3 миллионов рублей. Универмаг вынужден был заняться несвойственными ему функциями — искать на стороне оптовых покупателей на эти товары. Такие покупатели нашлись. Швейные машины закупили торговые организации Тулы, Сталинграда, Ульяновска, Тихорецка. Велосипеды и мотоциклы были отгружены в Майкоп, Тихорецк, электротовары — в Ульяновск. Куйбышев и Казань закупили самовары. Всего за девять месяцев этого года Грозненский универмаг отгрузил четырнадцати городам на 2.100 тысяч рублей различных товаров». (Известия, 1949, 25 ноября).

ные же лавки могут принадлежать добровольным кооперативам потребителей или частным лицам. Те из них, которые будут добросовестно и внимательно обслуживать потребителей, преуспеют, которые будут дурно их обслуживать — потеряют покупателей и разорятся. Население же много выиграет от децентрализации розничной торговли при сохранении национализации торговли оптовой .

По окончании войны 1941-1945 гг. и неурожая 1946 г. в организации розничной торговли была произведена реформа в этом направлении. По постановлению Совета министров СССР от 9 ноября 1946 г. о развертывании кооперативной торговли, во всех кооперативных организациях должна быть восстановлена выборность правлений и ревизионных комиссий и их отчетность перед избирателями. Центральному Союзу потребительных обществ было предложено открыть в городах и рабочих поселках магазины, павильоны, палатки, ларьки для торговли хлебом, крупой, мясом, рыбой, жирами, яйцами, молоком и молочными продуктами, картофелем, овощами, фруктами и ягодами, грибами, виноградными и плодоягодными винами, медом и другими продовольственными и промышленными товарами, а также организовать розничную и развозочную продажу; потребительным обществам было дано также право организовывать предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов и производству товаров широкого потребления. Центросоюз обязан закупать в деревне продукты по вольным ценам, складывающимся на рынке, и торговать этими продуктами в городах по ценам, также складывающимся на рынке, но не выше цен, установленных для государственной коммерческой торговли.

ГЛАВА XI.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ.

О размерах внешней торговли Советской России мы имеем точные данные только до 1939 г., начала периода войны 1939-1945 гг. в Европе. Ее обороты в миллионах советских рублей равнялись*):

	1913**)	1920	1927/8	1932	1937	1938	1939, I-VII
вывоз	6596,4	6,1	3424,1	2518,2	1728,6	1331,9	412,0
привоз	6022,5	125,7	4141,3	3083,5	1341,3	1422,9	573,2
торговый баланс	573,9	—119,6	—717,2	—565,3	387,3	—91,0	—161,2

Золотые рубли в этой таблице до 1937 г. переведены по курсу 4,38 советских рублей.

В долларах обороты внешней торговли Союза ССР составляли:

	1913**)	1920	1927/8	1932	1937	1938	1939, I-VII
вывоз	1311,4	1,2	680,7	500,6	326,2	251,3	77,7
привоз	1197,3	25,0	823,3	613,0	253,1	268,5	108,1
торг. баланс	114,1	—23,8	—142,6	—112,4	73,1	—17,2	—30,4

*) С. Бакулин и Д. Мишутин, Внешняя торговля СССР за 20 лет 1918-1937 гг., Москва 1939; в рублях 1936 г.

***) В довоенных границах.

После октябрьской революции торговые отношения России с иностранными государствами совершенно прекратились и начали восстанавливаться только после перехода к новой экономической политике в 1921 г. Но до осени 1924 г. мы имеем статистические данные о размерах внешней торговли только по европейской границе Союза ССР и притом в довоенных ценах 1913 г.: оценка экспортируемых и импортируемых товаров в бумажных рублях того времени с их быстро падающей покупательной способностью не имела никакого смысла. После денежной реформы 1924 г., с осени 1924 г. оценка товаров начала производиться по текущим ценам. В это время червонный рубль имел ценность 100 коп. золотом 51,46 цента. Затем началось падение его ценности, но вывоз и привоз товаров продолжал оцениваться в золотых рублях, так что внешне торговый рубль в течение всего последующего периода до 1936 г. был равен не внутреннему бумажному рублю с падающей покупательной способностью, а золотому рублю, равному 51,46 центам золотого американского доллара. В этой денежной единице производилась оценка советского экспорта и импорта вплоть до 1 апреля 1936 г., когда была произведена девальвация червонного рубля.

В 1928-1934 гг. развитие карточной системы распределения продуктов и предметов личного потребления привела к образованию нескольких систем цен: за один и тот же продукт в одном и том же городе в одно и то же время потребители, принадлежащие к различным группам населения, платили разную цену. Покупательная способность рубля стала изменчивой величиной, зависевшей от того, в чьих руках этот рубль находился, — рабочего, советского служащего, крестьянина или «лишенца». В 1935 г. советская власть осознала вредность этой созданной ею сложной системы указных цен и решила заменить ее

«единой и твердой государственной ценой»^{*)}). К числу цен, подлежащих отмене, принадлежали и цены организации Торгсина, «торговли с иностранцами», определенные в золоте и иностранных валютах, и внешне-торговый рубль, равный 51,46 цента американского золотого доллара, в котором исчислялись обороты внешней торговли Союза ССР. Торгсин производил свои торговые операции по курсу 1 золотой рубль = 13 французским франкам 20 с.; его рубль был полноценным довоенным золотым русским рублем; он имел свой собственный прейскурант на продаваемые им товары, цены которых стояли в общем на уровне довоенных цен; так что иностранцы и те русские, которые получали иностранную валюту по переводами из-за границы, или имели золото в монете и вещах, могли покупать нужные им продукты и товары по дешевым довоенным ценам. Декретом 14 ноября 1935 г. было предписано Торгсин закрыть с 1 февраля 1936г., а Государственному Банку СССР разрешить в течение 1936 г. производить обмен иностранной валюты на червонцы, исходя из расчета по курсу 1 рубль = 3 французским франкам.

Реформа 1936 г. имела задачу снизить легальную цену рубля до его рыночного уровня; она зафиксировала законом произошедшую в народном хозяйстве СССР его девальвацию. Первоначально курс рубля был установлен по отношению к французскому франку; рубль был приравнен 3 франкам, когда курс франка упал, рубль был приравнен 4,25 франкам. Дальнейшее падение франка привело советскую власть к установлению курса рубля по доллару Соед. Штатов С. А.; курс был принят 1 доллар = 5 р. 30 коп. В конце 1936 г. было объявлено, что перевод иностранной валюты в рубли производится согласно бюллетеням котирующей комиссии (позже — Уп-

^{*)} «Правда» 1935 г., 26 сентября.

равления иностранных операций) при правлении Государственного Банка.

Реформа эта породила в статистике внешней торговли СССР ряд осложнений и недоразумений. Размеры экспорта и импорта в 1936 и следующих годах в ценностном исчислении, как выраженные в денежной единице с неустойчивым содержанием золота, совершенно несравнимы с данными 1925-1935 гг. По расчету, произведенному в экономической секции секретариата Лиги Наций, среднегодовая ценность рубля 1936 и следующих лет равнялась, следующему количеству золотых центов и копеек**):

	по экспорту		по импорту	
	центов	копеек	центов	копеек
1936 г.	11,76	22,85	11,75	22,83
1937	11,23	21,82	11,29	21,94
1938	11,14	21,65	11,14	21,65

Таким образом, в советской статистике внешней торговли за 1918-1938 гг. мы должны различать три периода:

1) 1918 — 1.X.1924, когда учет экспорта и импорта велся на старые золотые рубли по ценам 1913 г.;

2) 1.X.1924 — 1.IV.1936, когда учет велся на старые золотые рубли по текущим ценам;

3) после 1.IV.1936, когда учет стал вестись на бумажные советские рубли с изменяющимся курсом, устанавливаемым отделением иностранных операций Государственного Банка СССР.

Введенное в 1936 г. исчисление экспортных и импортных торговых оборотов в бумажных советских рублях с изменяющимся курсом на золото, значительно ухудшило познавательную ценность статистики внешней торговли СССР. Чтобы получить величины,

**) Review of World Trade, 1938, p. 83.

сравнимые с данными 1925-1935 гг., мы должны все цифры этой статистики перечислить в старые золотые рубли.

В неизменных ценах 1913 г. динамика внешней торговли СССР дает следующие цифры (в мил. рублей и индексах*):

	1913**)	1923	1928	1932	1937
в мил. рублей:					
вывоз	1520,1	218,0	572,6	863,0	482,8
привоз	1375,0	143,2	679,3	769,8	361,7
в индексах:					
вывоз	100	14,3	37,7	56,7	31,7
привоз	100	10,4	49,4	55,9	26,3

В годы новой экономической политики и первого пятилетнего плана, внешняя торговля Советской России быстро восстанавливалась, достигнув наибольших размеров в 1931 г. — 64,9% по вывозу и 78,0% по привозу. С последнего года первой пятилетки, 1932, она начала значительно сокращаться, в большей мере по привозу, чем по вывозу, так что с 1933 г. Союз ССР имеет устойчивое положительное сальдо по торговому балансу; за шесть лет экспорт сократился в два раза, импорт в три раза. Этот перелом в росте оборотов в советской торговле вовсе не является чем-то случайным или произвольным, — он был вызван действием очень мощных народно-хозяйственных факторов, помешавших осуществлению планов советской власти.

При советской системе хозяйства с самого начала ее существования право вывоза и привоза товаров принадлежало центральной власти. Государственная монополия внешней торговли была установлена де-

*) С. Бакулин и Д. Мишустин, Статистика внешней торговли СССР, Москва, 1935, стр. 97, 220-224; тех же авторов, Внешняя торговля СССР за 20 лет 1918-1937 гг., Москва 1939, стр. 20.

**) В довоенных границах

кретом 22 апреля 1918 г. следующего содержания: «Вся внешняя торговля национализируется. Торговые сделки по покупке и продаже всякого рода продуктов (добывающей, обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и проч.) с иностранными государствами и отдельными торговыми предприятиями за границей производятся от лица Российской Республики специально на то уполномоченными органами. Помимо этих органов всякие торговые сделки с за границей для ввоза и вывоза воспрещаются*). Основным мотивом, побудившим советскую власть ввести монополию внешней торговли было ее стремление к развитию русской промышленности. Когда, после перехода к новой экономической политике в 1921 г., Бухарин высказался за отмену монополии внешней торговли, Ленин привел следующие соображения в пользу ее сохранения: «Бухарин не видит... что никакая таможенная политика не может быть действительной в эпоху империализма и чудовищной разницы между странами нищими и странами невероятно богатыми. Несколько раз Бухарин ссылается на таможенную охрану, не видя того, что в указанных условиях полностью сломать эту охрану может любая

*) Исключением из этой разрешительной системы торговли была организация торговли с азиатскими странами, граничащими с Сибирью, Туркестаном и Закавказьем, — Монголией, Танн-Тувой, Синцзяном, Афганистаном, Персией и Турцией. Монополия внешней торговли действовала в отношении этих стран до августа 1922 г., когда во время Нижегородской ярмарки был установлен с ними свободный ввоз и вывоз товаров по определенному списку. К свободному ввозу из этих стран было допущено сельскохозяйственное сырье, к свободному вывозу — промышленные изделия. Такие же льготы применялись также на Бакинской, Куяндинской и др. ярмарках. Затем они были распространены на весь товарооборот с этими странами. С Персией и Турцией эта система свободной торговли продолжалась, с некоторыми изменениями, до 1931 г., когда в этих странах была введена монополия внешней торговли. «Внешняя торговля», 1934, № 1 — 2, стр. 12-13.

из богатых промышленных стран. Для этого ей достаточно ввести вывозную премию за ввоз в Россию тех товаров, которые обложены у нас таможенной премией. Денег для этого у любой промышленной страны более чем достаточно, а в результате такой меры любая промышленная страна сломит нашу туземную промышленность наверняка. Поэтому все рассуждения Бухарина о таможенной политике на практике означают не что иное, как полнейшую беззащитность русской промышленности».

Аргументация Ленина предполагала, что монополия внешней торговли нужна советской власти лишь как временная мера, до того момента, когда СССР догонит в своем экономическом развитии передовые капиталистические страны. Другие коммунисты с Л. Красиным во главе считали, напротив, монополию внешней торговли свойственной советскому строю хозяйства формой внешне-торговых отношений. По словам Красина, «советская монополия внешней торговли есть ни что иное, как применение общего советского принципа планового государственного регулирования в области внешне-торговых отношений Советского Союза. Таким образом, между советской государственной монополией внешней торговли и плановым хозяйством Советского Государства имеется теснейшая взаимная связь. Без монополии внешней торговли Советское Государство не имело бы возможности ни приступить к осуществлению государственной плановой работы, ни осуществить ее. ...Ибо только под защитой монополии внешней торговли Советское Государство может беспрепятственно осуществлять государственный хозяйственный план, а плановое государственное хозяйство составляет основу и сущность советской системы*).

Обе эти аргументации носят абстрактный, упро-

*) Л. Б. Красин, Плановое хозяйство и монополия внешней торговли, Москва, 1925, стр. 37-38.

щенный характер и игнорируют как всю сложность процесса развития производительных сил и промышленности в отсталых земледельческих странах, так и многообразие форм влияния политической власти на этот процесс. Против аргументации Ленина говорят большие успехи промышленности с начала XX века и особенно по окончании первой мировой войны в таких земледельческих отсталых странах, как Япония, Китай, Индия, Бразилия, Аргентина, Чили, Египет, Финляндия, Венгрия, Греция и др. Что касается вывозных премий, с помощью которых старые промышленные страны могут убить начинающую развиваться промышленность отсталых земледельческих стран и которыми так пугал Ленин, то опыт последних десятилетий показал, что страны с развитой промышленностью не имеют желания, — или экономической возможности, — применять эти премии в больших размерах. В противоположность указанным выше отсталым земледельческим странам, в одних старых торгово-промышленных странах после 1929 г. наступило сокращение промышленного производства, в других — незначительный его рост, гораздо меньший, чем в странах земледельческих. Против аргументации Красина говорит опыт тех европейских и американских стран, которые применяли систему управляемого народного хозяйства, не вводя монополии внешней торговли. Что же касается конкретных вопросов о значении монополии внешней торговли для народного хозяйства России в 1918 г. — год заложения основ советской системы хозяйства, в 1921 г. — год введения новой экономической политики, в 1927/8 г., когда принимался первый 5-летний план развития народного хозяйства, и в 1937 г., после достигнутых русской промышленностью успехов за годы двух пятилетних планов, — то мы напрасно стали бы искать в советской экономической литературе исследований по этим вопросам.

Это воздержание от теоретического анализа экономических вопросов, связанных с монополией внешней торговли тем более досадно, что при ней процесс образования цен на экспортируемые и импортируемые товары происходит иначе, чем при всех других формах внешней торговли, в том числе и при системе разрешительной с ее контингентированием привоза и вывоза. Пока не существовало национальных синдикатов отдельных отраслей промышленности, и в каждой отрасли, производящей один и тот же товар, существовало много или, по крайней мере, несколько конкурирующих между собою предприятий, экспортная цена, как правило, должна была равняться внутренней цене вместе с накладными расходами по экспорту. Лишь правительство могло нарушить это соотношение между внутренними и экспортными ценами, устанавливая ввозные пошлины, вывозные премии, транспортные льготы и т. д. С появлением синдикатов и трестов строение экспортных цен резко изменилось; продажные цены при них должны покрывать себестоимость товара уже не в каждой отдельной сделке, а во всей совокупности сделок синдиката на национальном и международном рынках. Стало выгодным, удерживая цены на внутреннем рынке на относительно высоком уровне, продавать избытки по дешевой цене на внешнем рынке. Затем было обнаружено, что этим путем можно завоевывать внешние рынки, разоряя своих конкурентов дешевой продажной ценой. Бросовый экспорт (демпинг) превратился в орудие борьбы на международном рынке. Еще далее пошло изменение строения экспортных цен с появлением государственного объединения всех национальных отраслей производства в одно организованное целое в форме государственной монополии производства и торговли. При подобной организации народного хозяйства один и тот же хозяйственный субъект, государство, является и всеобщим экспортером, и всеоб-

щим импортером. Если на предыдущих ступенях хозяйственного развития экспортные и импортные сделки производились разными лицами, связи между сделками не было, каждая давала свою прибыль или убыток, — теперь, при единстве хозяйствующего субъекта, между экспортными и импортными операциями устанавливается самая тесная связь, хозяйственное значение имеет уже не экспортная или импортная сделка отдельно, а соединение обеих сделок в одну экспортно-импортную операцию. Поэтому при монополии внешней торговли стало возможным продавать экспортируемый товар за половину или треть себестоимости, если импортируемый товар можно было купить за четвертую часть его себестоимости в импортирующей стране. При ней экспорт стимулируется не высокими ценами на экспортные товары, а разностью между средними ценами экспортируемых и импортируемых товаров. Отдельная экспортная сделка может дать значительный убыток, но если на вырученную с ее помощью валюту можно осуществить выгодную импортную сделку, прибыль от которой будет выше убытка от экспортной сделки, — вся экспортно-импортная операция будет выгодной, несмотря на убыточность ее экспортной части.

Таким образом, процесс ценообразования во внешней торговле в Союзе ССР носит совершенно иной характер, чем в западно-европейских капиталистических странах с их конкурентной системой хозяйства. Убыточный экспорт по ценам ниже внутренних цен плюс накладные расходы по экспорту может быть очень выгодным для Союза ССР, если он дает валюту на приобретение товара, который при его производстве внутри СССР обошелся бы несоответственно дорого. Как когда-то мелкие конкурирующие между собою фабриканты и экспортеры не могли усвоить, в чем заключается выгода национальных синдикатов и трестов при продаже ими части своей

продукции в других странах по ценам ниже себестоимости, так теперь мы видим такое же недоумение перед калькуляцией экспортных цен, практикуемой в Союзе ССР при действующей в нем организации внешней торговли на принципах монопольного хозяйства.

Конечно, как и всякий экспортер, советская власть заинтересована в получении возможно более высоких цен за экспортируемые ею товары и в возможно более низких ценах на товары, ею импортируемые. Общий уровень цен на мировом рынке, благодаря монополии внешней торговли, для СССР более или менее безразличен. Союз заинтересован главным образом в разности между изменением экспортных и импортных цен, в том, чтобы цены на предметы его экспорта не падали сильнее, чем на импортируемые им товары. Тогда за одно и то же количество экспортируемых товаров он будет получать то же количество товаров импортируемых, какие бы изменения не происходили в ценах.

Благодаря этой особенности в строении внешне-торговых отношений при монополии, страны полу-колониального типа с низкой производительностью труда получают возможность конкурировать на мировом рынке с передовыми капиталистическими странами. Поэтому, монополия внешней торговли является наиболее выгодной формой или системой внешней торговли для бедных колониальных и аграрных стран, Советской России, Персии, Турции, стремящихся форсировать свой импорт. Но в то же время она превращает страну в оранжерею, в которой фабрикаты выделяются при исключительно высоких издержках производства, а национальная промышленность превращается в оранжерейное растение, не имеющее сил бороться с бурями и непогодами мирового рынка. По отзывам самих советских хозяйственников, многие отрасли советской промышленности, огражденные монополией внешней торговли от стимулирующего влия-

ния мирового рынка, совершенно неспособны выдержать конкуренцию западно-европейской и американской промышленности и, в случае отмены этой монополии, должны были бы обанкротиться. Экономическая изоляция всегда ведет в конечном счете к экономическому упадку.

Непосредственным результатом подчинения торговых сношений с границей на все 100% усмотрению политической власти было почти полное прекращение экспорта товаров из Советской России и чрезвычайное сокращение импорта. После заключения большевиками сепаратного мира с Германией в Брест-Литовске и отказа платить долги царского и Временного правительства, союзники постановили подвергнуть Советскую Россию экономической блокаде. Она была снята Верховным Советом Союзников лишь 16 января 1920 г. Но на практике она продолжалась. При отсутствии экспорта, Советская Россия могла оплачивать свой импорт только золотом. Однако, крупнейшие банки Великобритании, Франции и Соед. Штатов С. А. отказались принимать золото советского происхождения, как в монете, так и в слитках. Советское золото могло просачиваться в Европу сначала через Эстонию, затем Швецию; вначале на каждой сделке советские торгпредства теряли 30% учета. В октябре 1920 г. при покупке сукна в Англии представителем Высшего Совета народного хозяйства было переплачено 16-20%, потому что ни одна английская фирма не хотела принимать платежей русским золотом. Эта торговая и золотая блокада были гораздо более мощными средствами экономической борьбы, чем вывозные премии, о которых писал Ленин. Золотая блокада была прекращена лишь после заключения Советской Россией торгового соглашения с Великобританией 16 марта 1921 г., на другой день после речи Ленина 15 марта 1921 г. и принятия постановления об отказе от системы последовательной коммунистической политики

и переходе к системе новой экономической политики. Желание установить нормальные торговые отношения с капиталистическими странами Запада было несомненно одной из главных причин этого первого перелома в экономической политике советской власти.

Из последующих мероприятий в области международных экономических отношений заслуживает внимания установление валютной монополии: в 1926 г. был запрещен вывоз советских денежных знаков за границу, в 1928 г. — привоз их из-за границы. Но наибольший интерес представляет для нас попытка в проекте первого 5-летнего плана развития народного хозяйства СССР планировать его обороты по экспорту и импорту. В этом проекте мы находим следующие плановые соображения относительно внешне-торговых отношений*):

«Весь народно-хозяйственный план... исходит из необходимости значительного расширения связей с мировым хозяйством с тем неперменным условием, чтобы это расширение и в конечном своем итоге и на всех своих важнейших этапах вело к систематическому усилению независимости нашей страны от передовых капиталистических стран. Иными словами, все направление экономического оборота с внешним миром в расчетах пятилетнего плана подчинено задаче подъема производительных сил страны на путях индустриализации и обобществления, как единственно возможной форме отстоять независимость СССР от натиска капиталистических государств. Пятилетний план исходит из задачи удвоения по отправному и роста больше чем в два с половиной раза по оптимальному варианту нашего экспорта... К концу пятилетия хлебный экспорт должен вырасти до 50 или 80 мил. центнеров. Крупный рост должны получить

*) Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР, 1929, т. 1: Сводный обзор, стр. 99-100.

такие статьи нашего экспорта, как нефть, лес, лен и т. п., планы развития которых (и прежде всего капитальные вложения в них) составлены целиком с учетом экспортного их значения. Расширение экспорта сельскохозяйственных продуктов (масло, яйца и т. п.) взято с полным учетом потребностей внутреннего рынка и задачами по так называемому облагораживанию структуры потребления (рост потребления яиц, масла и т. п.), которое должно естественно сопутствовать индустриальному и культурному росту страны... Импортный план пятилетки целиком подчинен задаче обеспечить то индустриальное строительство в широком смысле слова, которое является стальной осью всех строительных задач пятилетки... Оптимальный вариант плана включает в свои расчеты большой прирост долгосрочных иностранных кредитов.

Установленный в первом пятилетнем плане проект развития внешней торговли Союза ССР потерпел полное фиаско (в мил. руб.):

	план*)	исполнение	
	1932/3 г.	1932 г.	1933 г.
экспорт	2047,5	574,9	494,9
импорт	1704,7	704,0	348,2

Наученные этим горьким опытом, советские хозяйственники уже не решались планировать внешнюю торговлю во втором и третьем пятилетних планах.

Чтобы уяснить причины, приведшие к провалу 5-летнего плана развития внешней торговли СССР, мы должны ближе ознакомиться с некоторыми характерными особенностями в количественном развитии внешней торговли СССР по сравнению с торговлей всей остальной Европы, также переживавшей

*) Плановое хозяйство 1929, кн. IV, стр. 87-94.

кризис в эти годы, и с организацией ее финансирования. Начнем с данных о динамике размеров экспорта СССР и Европы (без СССР) в индексах*):

	в текущих ценах		в неизменных ценах	
	Европа	СССР	Европа	СССР
1929	100	100	100	100
1930	85,5	112,2	93,5	135,7
1931	62,3	87,8	83,0	146,1
1932	40,2	62,3	68,5	127,8
1933	36,5	53,6	68,5	118,5
1934	34,6	45,3	69,0	102,9
1935	34,3	39,8	70,0	90,5
1936	36,2	33,6	72,5	68,2
1937	43,9	40,8	83,0	71,5
1938	39,4	31,2	76,5	—

Таблица эта наглядно показывает, какие усилия сделаны были Комиссариатом внешней торговли для осуществления предписанного первым 5-летним планом роста экспорта СССР. В то время, как в остальной Европе уже в первый год кризиса экспорт товаров упал (по объему) на 6,5%, в СССР он вырос на 35,7% и продолжал расти и в следующем 1931 г.; в 1932 г. объем экспорта европейских стран еще значительно сократился, достигнув минимума, на 31,5% меньше экспорта 1929 г.; в СССР экспорт также несколько понизился, но удержался на уровне значительно более высоком, чем уровень 1929 г. (на 27,8%). Монопольная форма внешней торговли, очевидно, оказалась весьма действительным средством для уве-

*) Данные о размерах европейской торговли взяты нами из издания экономической секции секретариата Лиги Наций, *Review of World Trade* за соответствующие годы; о торговле СССР в текущих ценах отсюда же, в ценах 1913 г. из книги С. Бакулина и Д. Мишустина, *Внешняя торговля СССР за 20 лет 1918-1937 гг.*, Москва 1939, стр. 20.

личения объема экспорта. Но она была бессильна повлиять на цены мирового рынка, удержать их падение; в результате, в текущих ценах экспорт СССР был выше уровня 1929 г. только в 1930 г., а затем начал быстро падать. В последующие 1933-1935 гг. уменьшение экспорта и в неизменных и в текущих ценах шло в СССР значительно быстрее, чем в Европе. В результате, если по 1935 г. включительно экспорт СССР по своему объему держался на относительно более высоком уровне, чем экспорт остальной Европы, то с 1936 г. он падает ниже европейского уровня. Монопольная форма внешней торговли могла в течение нескольких лет стимулировать экспорт СССР; но затем народное хозяйство страны перестало реагировать на этот возбудитель, и экспорт ее упал относительно ниже экспорта других европейских стран. Очевидно, чисто экономические факторы оказывают на международные торговые отношения более мощное влияние, чем монопольная форма внешней торговли и мероприятия правительств по ее применению.

Аналогичный характер носит и динамика импорта (в индексах):

	в текущих ценах		в неизменных ценах	
	Европа	СССР	Европа	СССР
1929	100	100	100	100
1930	84,9	122,3	98,5	141,3
1931	63,0	125,5	94,5	161,5
1932	41,9	79,9	82,0	115,8
1933	37,9	39,5	80,5	62,5
1934	36,4	26,4	81,5	47,1
1935	35,5	27,4	80,0	51,9
1936	37,4	35,1	81,5	59,3
1937	46,2	33,4	90,5	54,4
1938	41,5	34,1	87,0	—

Главное отличие динамики импорта СССР заклю-

чается в том, что его объем уже в 1933 г. упал в индексах значительно ниже объема других европейских стран. Монопольная форма внешней торговли оказала свое стимулирующее действие на импорт только в течение трех лет, 1930-1932 гг.

Главной причиной резкого сокращения импорта в 1932 и 1933 гг. было, несомненно, стремление ликвидировать дефицит по торговому балансу. Баланс этот в интересующие нас годы изменялся следующим образом (в мил. рублей золотом):

	вывоз	привоз	торг. баланс
1929	923,7	880,6	+ 43,1
1930	1036,4	1058,8	— 22,4
1931	811,2	1105,0	—293,8
1932	574,9	704,0	—129,1
1933	494,9	348,2	+146,7
1934	418,3	232,4	+185,9
1935	367,4	241,4	+126,0
1936	310,5	308,8	+ 1,7
1937	377,2	294,2	+ 83,0
1938	287,8	300,4	— 12,6

За 1930-1932 гг. дефицит по торговому балансу составил 445,3 мил. рублей; внешне-торговая задолженность Союза ССР к концу 1931 г. достигла 1.400 мил. рублей. Долги нужно было платить, — а для этого нужно было иметь положительный торговый баланс. Все усилия увеличить экспорт при понижении покупательной способности мирового рынка и усилении спроса на жизненные припасы и промышленное сырье внутри страны для быстро растущей промышленности дали, как мы видели выше, лишь незначительные и преходящие результаты. Оставалось решительно ограничить импорт и сократить накладные расходы по внешней торговле.

До революции вся, — или почти вся, — внешняя торговля России находилась в руках иностранцев и велась на иностранные капиталы. Когда после революции советская власть начала восстанавливать торговые отношения с другими странами, она, сохраняя управление торговлей в своих руках, неизбежно должна была обратиться к помощи иностранных капиталов. В деле импорта она стремилась получить большие и продолжительные кредиты у фирм, поставляющих импортируемые товары; в деле экспорта она брала у покупателей и брокеров авансы на заготовку экспортируемых товаров и у банков и брокеров ссуды под товары на складах за границей и в пути. С ростом экспорта и импорта росли и внешне-торговые долги СССР, достигшие максимальной величины в 1931 г.; затем все краткосрочные и среднесрочные кредиты были в несколько лет погашены, и в 1935-1936 гг. почти вся внешняя торговля была переведена на наличный расчет. Начиная с 1935 г., большинство сделок с иностранными фирмами, сдача товаров и все расчеты за импортируемые товары были перенесены в СССР.

Особого внимания заслуживает способ реализации экспортируемых товаров. До 1929-1930 гг. большинство товаров вывозилось из СССР, не будучи еще проданными, для реализации за границей. В последующие годы доля таких товаров в общей сумме экспорта постепенно сокращалась, и с 1935 г. основная масса экспортных товаров вывозится из СССР, будучи уже проданной*). Эти вывезенные из СССР, но не проданные товары поступали за границей на склады и под них брались ссуды в банках и у брокеров. По словам Д. Мишустина, «в области экспортных креди-

*) С. Бакулин и Д. Мишустин, Статистика внешней торговли СССР, Москва-Ленинград 1935, стр. 90.

тов мы пользовались в это время, особенно в годы первой пятилетки, авансами покупателей и брокерскими целевыми кредитами на заготовку экспортных товаров, а также кредитами иностранных банков и брокерскими кредитами под товары, сосредоточенные в советских портах, под товары в пути, направлявшиеся для реализации за границу, и под товары, находившиеся на складах за границей. Брокерскими кредитами называются кредиты, получаемые экспортерами от брокера, в связи с заключением с последними комиссионного договора на реализацию товаров через брокера за границей. Брокерские кредиты получались нами в прошлом по лесу, продовольственным товарам, пушнине, рыбным консервам и пр., главным образом в форме бланковых целевых кредитов на заготовку и под товары, сосредоточенные в портах и на базах в СССР. Большинство экспортных кредитов были краткосрочными, очень дорогими и стеснявшими в некоторых случаях свободу торгового маневрирования наших экспортных организаций. Поэтому, как только улучшилось валютное положение СССР в годы второй пятилетки, советские экспортные организации и банки стали отказываться от использования иностранных экспортных кредитов. С 1934-1935 гг. мы не прибегаем*) более к иностранному кредитованию экспортных операций в целях финансирования».

Первые сведения о внешне-торговых долгах Союза ССР были опубликованы в сводном обзоре его внешней торговли за 10 лет (в мил. червонных рублей)**):

*) Д. Мишутин, Внешняя торговля Советского Союза, Москва 1938, стр. 289-290.

**) Внешняя торговля Союза ССР за 10 лет, Москва, 1928, стр. 219-225.

	по импорту	по экспорту	всего
1923, 1 окт.	—	20,0	20,0
1924 —	62,2	16,9	79,1
1925 —	107,8	32,0	139,8
1926 —	130,4	65,6	196,0

В 1929 г. П. Чехович опубликовал в одном немецком экономическом журнале сведения о размерах среднегодовых заграничных кредитов за 1922-1928 гг.*):

1922/3 —	35 мил. руб.	1925/6 —	265 м. руб.
1923/4 —	100 — —	1926/7 —	390 —
1924/5 —	160 — —	1927/8 —	520 —

65% этих кредитов приходились на фирменные кредиты, 35% на банковские и брокерские. Следующие данные были опубликованы И. М. Шенкманом, бывшим секретарем Института экономических исследований при комиссариате финансов в Москве, в 1932 г.**):

*) P. Czechowicz, Zahlungsbilanz und Zahlungsfähigkeit der UdSSR, Wirtschaftsdienst, 1929, Hefte 30 und 31, S. 1285.

**) The Balance of Payments and the foreign Debt of the USSR, Memorandum No. 4 of the Birmingham Bureau of Research on Russian Economic Conditions, University of Birmingham; Russlands Zahlungsbilanz und Zahlungsverkehr mit Ausland, Weltwirtschaftliches Archiv 1932, oktober, S. 547.

· Достоверность цифр, приводимых Шенкманом, подтверждается данными об уплатах за импортированные товары в 1928-1932 гг., приведенными в брошюре Documentation relating to foreign economic relations of USSR, prepared for the Monetary and Economic conference in London, June 1933, Moscow 1933, page 41. Сопоставляя данные, приведенные в этой брошюре с

	по импорту	по экспорту	всего
1924, 1 окт.	121	35	156
1925 —	159	53	212
1926 —	235	70	305
1927 —	311	80	391
1928 —	365	120	485
1929 —	456	159	615
1930 —	684	181	865
1931 —	1108	187	1295
1932, 1 июля	1175	160	1335

Наконец, в 1934-1936 гг. были опубликованы официальные цифры о размерах внешнеторговой задолженности Союза*):

1929, 1 янв.	—	470 мил. руб.
1932, 1 янв.	—	1400
1934, 1 янв.	—	450
1935, 1 окт.	—	139
1936, 1 окт.	—	86

*) Правда, 1934, 4.1; 1935, 7.XI 1936, 25.XI.

статистическими данными о размерах импорта, мы получим следующую таблицу (в мил. рублей):

	импорт	платежи по импорту	кредиты по импорту
1928, I-IX	749,8	522,0	227,8
1928/9	836,3	742,5	93,8
1929, X-XII и 1930	1306,4	995,6	310,8
1931	1105,0	730,8	374,2
1932	704,0	543,0	161,0

По этим данным, с 1 октября 1928 г. по конец 1931 г. было получено кредитов по импорту на 778,8 мил. рублей. По данным Шенкмана, с 1 октября 1928 г. по октябрь 1931 г. было заключено займов по импорту на 743 мил. рублей.

Для нас ближайшим образом представляют интерес данные о движении внешнеторговой задолженности в 1929 и следующих годах, и тут нас интересуют всего два вопроса:

1) в силу каких причин и в каких формах эта задолженность могла увеличиться в 1929-1931 гг. на 930 мил. червонных рублей?

2) откуда комиссариат внешней торговли взял средства для уплаты в 1932-1933 гг. 950 мил. червонных рублей долгов?

Чтобы уяснить народно-хозяйственный смысл и значение этого роста внешней задолженности СССР почти на миллиард рублей, а затем ее сокращения приблизительно на ту же сумму, мы должны поставить эти величины в связь с размерами экспорта и импорта в эти годы (в мил. рублей):

	экспорт	импорт	торговый баланс	движение задолжен- ности
1929-1931 гг.	2771,3	3044,4	—273,1	+930
1932-1933 гг.	1069,8	1052,2	+17,6	—950

Вследствие каких внешнеторговых операций мог в 1929-1931 гг. заграничный долг СССР увеличиться на 930 мил. рублей? 273 м. рублей пошло на покрытие дефицита по торговому балансу. На что пошли остальные 657 м. рублей? Сокращение заграничного

*) Так как внешнеторговые кредиты СССР были получены главным образом в фунтах стерлингов, долларах и марках, то девальвация фунта и доллара значительно понизила размеры его заграничной задолженности. Судя по некоторым сообщениям иностранной прессы, понижение это составило до 300-350 мил. рублей. Мы не знаем, какая часть этой суммы приходится на 1932-1933 гг. Курс фунта понизился главным образом в конце 1931 г., и продолжал незначительно падать в 1932-1933 гг. и 1934 г.; курс доллара упал значительно в 1933 г. Комиссариат внешней торговли по этому вопросу никаких сообщений не опубликовал.

долга в 1932-1934 гг. на 950 мил. рублей произошло лишь в совершенно ничтожной мере, 17,6 мил. рублей, за счет активного торгового баланса в эти годы. Откуда были взяты остальные 932,4 м. рублей? Единственной причиной роста внешнеторговой задолженности СССР могло быть образование больших остатков непроданных товаров на складах за границей. Образование этих остатков создало у комиссариата внешней торговли потребность в кредитах, — или банковских и брокерских под непроданные экспортные товары, или в фирменных по импортируемым товарам. В годы торговой депрессии и сокращения рынков сбыта гораздо легче было получить и при том на более выгодных условиях кредиты под товары, отправляемые в СССР. По приведенным выше данным Шенкмана, с октября 1929 г. по середину 1932 г. задолженность по импортным операциям увеличилась на 719 мил. рублей, а по экспортным только на один миллион. Также и погашение долгов в следующих 1932-1933 гг. было произведено, главным образом, путем операций с этими остатками непроданных товаров на складах за границей, их распродажи по крайне низким и убыточным «русским» ценам. Эта операция была проведена, по приведенным выше данным о движении внешне-торговой задолженности СССР, в 1933 г.

Вся эта своеобразная кредитная операция могла быть совершена только благодаря государственной монополии внешней торговли. Она сделала возможным вывоз за границу большого количества непроданных товаров, которые помещались на складах в европейских торговых центрах и продавались лишь спустя много месяцев, иногда через год и более. Особенно большие остатки вывезенных, но непроданных товаров образовались в 1930-1932 гг., когда мировой рынок отказывался принимать форсируемый комиссариатом внешней торговли экспорт товаров из СССР. Лишь с 1935 г., после того, как операции

по продаже экспортируемых товаров были перенесены в СССР, большинство товаров отправляется за границу уже проданными.

Таким образом, до 1935 г. экспорт товаров из СССР не был тождествен с их реализацией, то-есть со сдачей их торговыми представительствами иностранным торговым фирмам и получения за них эквивалента в форме валюты. Фактически продажа значительной части экспортируемых товаров происходила значительно позже их вывоза за границу и в те периоды, когда цены на мировом рынке падали, как в 1930-1935 гг., продажа эта производилась по ценам, значительно более низким, чем те цены, которые стояли в момент их вывоза за границу и были учтены органами статистики внешней торговли.

Поэтому, цифры экспорта носят за 1930-1932 гг. и некоторые другие годы фиктивный, преувеличенный характер. Чтобы знать действительные размеры реализованного экспорта, размеры и условия внешне-торговых операций комиссариата внешней торговли за границей и размеры и условия внешнеторговых кредитных операций, нам нужно было бы располагать следующими статистическими данными за каждый год:

- 1) о количестве вывоза за границу государства запроданных товаров по их весу и по ценам реализации франко-граница;

- 2) о количестве вывоза за границу государства не-запроданных товаров по весу и по заявленным ценам;

- 3) о количестве проданных за границей товаров, вывезенных без их запродажи, по весу и по ценам их реализации (франко-граница);

- 4) о количестве оставшихся на складах за границей товаров на конец года по весу и заявленным ценам;

- 5) о количестве прибылей или убытков, получен-

ных комиссариатом внешней торговли в течение года от разницы между заявленными ценами и ценами их реализации;

6) о количестве кредитов, полученных в течение года за границей отдельно по экспорту и импорту, и количество уплат, произведенных по этим кредитам, годовые средние продолжительности этих кредитов и высоты годового процента;

7) о размере задолженности за границей на конец года отдельно по экспорту и импорту;

8) о количестве уплаченных процентов по этим кредитам, не учтенных в цене товаров.

К сожалению, все эти статистические сведения засекречены комиссариатом внешней торговли. Поэтому, наше знание экономики внешней торговли в период 1924-1935 гг. носит неполный и отрывочный характер.

На цены экспортируемых из СССР и импортируемых в Союз товаров влияли также большие и заключаемые на большие сроки фирменные кредиты по импортным товарам, проценты по которым включались в цену товаров, и авансы под экспортные товары, оплата процентов по которым также учитывалась в их цене. В силу этих кредитов цены импортируемых в СССР товаров всегда были выше мировых, а экспортных товаров — ниже мировых. В западно-европейских торговых центрах установился даже специальный термин «русские цены» для обозначения цен на экспортируемые из Советской России и импортируемые в нее товары; цены эти всегда значительно расходились с обычными рыночными ценами. Главной причиной большого расхождения русских цен с нормальными являлась дороговизна учета векселей русских внешне-торговых операций, доходившая у частных лиц и на черной бирже до 30-40% годовых*). При форсировании советского экспорта, как в 1930-

*) Внешняя торговля, 1935, № 11, стр. 8-10, и № 18, стр. 9.

1933 гг., советские товары продавались по ценам не только ниже мировых, но, повидимому, и по ценам ниже себестоимости; экспорт советских товаров носил в эти годы характер демпинга*). В этом отношении очень показательное сопоставление движения индексов цен во внешней торговле СССР и прочих европейских стран**):

	ВЫВОЗ			ПРИВОЗ		
	Европа (без СССР)	СССР	в % от евр. цен	Европа (без СССР)	СССР	евр. цен в % от
1929	100	100	100	100	100	100
1930	92,5	82,7	89,4	87	86,6	99,5
1931	76,0	60,1	79,1	68	77,7	114,3
1932	59,5	48,7	81,8	52,5	69,0	131,4
1933	54,0	45,2	83,7	47,5	63,2	133,0
1934	50,5	44,0	87,1	44,5	56,1	126,1
1935	49	44,0	89,8	44,0	52,8	120,0
1936	50	49,3	98,6	46,0	59,2	128,7
1937	53	57,1	107,7	50,5	61,4	121,6
1938	51	—	—	47,5	—	—

*) Индексы цен по европейской внешней торговле взяты нами из издания статистической секции секретариата Лиги Наций *Review of World Trade* за соответствующие годы; индексы цен по советской торговле вычислены нами по приведенным выше индексам объема этой торговли в текущих и неизменных ценах.

**) А. Байков в своей книге «*Soviet Foreign Trade*», 1946, стр. 88, говорит о «кампании против мнимых советских демпинга и принудительного труда», называя их пугалами или привидениями (bogies). Приведенные выше данные бесспорно устанавливают, что одно время в экспортной советской торговле имел место демпинг («русские цены»); также бесспорно широкое распространение принудительного труда в Советской России, к стыду всех русских и прежде всего — советского правительства. Показания большого числа самых разнообразных заключенных, пробывших в этих лагерях от 5 до 11 лет, неопровержимо доказывают, что лагеря принудительных работ не «привидения», а самая жестокая действительность.

Цены 1929 г., принятые за исходные в этой таблице, также являются «русскими» ценами, т. е. для экспортных товаров более низкими, чем мировые, для импортных, напротив, более высокими. Таблица эта, поэтому, показывает не всю величину отклонения между мировыми и «русскими» внешнеторговыми ценами, а лишь величину отклонения цен 1930-1938 гг. от той меры расхождения этих цен, которая существовала в 1929 г. Она показывает, что под влиянием усиленного экспорта из СССР, «русские» цены на экспортные товары сразу сильно упали в 1930 г. и достигли самого низкого относительного уровня в 1931 г., когда экспорт в неизменных ценах достиг наибольших размеров, затем, по мере сокращения величины экспорта, цены все более приближались к европейским и в 1937 г., после полного прекращения вывоза незапроданных товаров, даже превысили свой относительный уровень 1929 г. Русские импортные цены, напротив, под влиянием кризиса пошли вверх и достигли наивысшего относительного уровня в 1933 г., в год, когда импорт товаров в Россию уже сильно упал и происходила усиленная распродажа непроданных остатков экспортированных товаров и усиленная ликвидация старой задолженности; затем очень высокий относительный уровень цен был в 1936 г. Мы не можем объяснить этих изменений в высоте русских импортных цен, так как комиссариат внешней торговли систематически засекречивает все относящиеся сюда данные о своих кредитных и торговых операциях.

Размер торговых оборотов Союза ССР с границей зависит прежде всего от его экспортных возможностей. До революции Россия была источником сырья — продовольственного и промышленного — для западно-европейских торгово-промышленных стран. После революции, когда были изжиты ее разрушительные последствия и началось ускоренное развитие промышленности и городов, экспортная способность

России стала быстро падать. При распределении экспорта по товарным группам,*), мы получим следующее изменение его структуры (в процентах):

	1913**)	1924/5	1927/8	1932	1937
живые животные	2,3	0,7	0,4	0,04	0,0
сырье и полуфабрикаты	34,9	64,1	59,0	53,5	58,6
жизненные припасы	57,2	31,9	29,8	22,5	22,9
готовые изделия	5,6	3,2	10,8	24,0	18,5

Как видим, экспорт жизненных припасов сильно сократился, экспорт промышленных изделий значительно увеличился***). Увеличился также экспорт сырья и полуфабрикатов. По отдельным товарам, количество экспорта изменялось следующим образом (в тысячах тонн):

*) Согласно Брюссельской конвенции 1913 г.

**) В довоенных границах.

***) Росту их экспорта мешает недостаток промышленных товаров в стране и их низкое качество. Для преодоления этой последней помехи Высший Совет Народного Хозяйства издал 11. XI.1929 г. распоряжение об обращении изделий лучших промышленных предприятий полностью или преимущественно на экспорт; предприятия эти были снабжены лучшим оборудованием, квалифицированными рабочими, достаточным числом знающих инженеров и т. д. Уже в начале 1930 г. Высший Совет Народного Хозяйства запретил продавать на внутреннем рынке товары, предназначенные для экспорта. На XVII съезде коммунистической партии народный комиссар внутренней торговли Микоян рассказал следующий анекдот, показывающий, как велика разница в качестве продукции для внешнего и внутреннего рынков. Он узнал как то, что за границей «советские конфеты являются одними из самых лучших и продаются на мировом рынке вне всякой конкуренции... Как это может быть, что наши фабрики могут делать и делают прекрасные конфеты для экспорта, а для себя делают часто дрянь?» Микоян тогда обратился за советом к Сталину. — «Тов. Сталин, — продолжает свой рассказ Микоян, — стратег настоящий. Когда в 1933 г., прежде чем добились выпуска для внутреннего рынка конфет высокого качества, мне понадобилось дать для специализированной сети хороший товар, по совету т. Сталина я не сказал директорам заводов, что»

	1913*)	1922/3	1927/8	1932	1937	1938
лесоматериалы	7.597	925	2.987	5.689	5.103	3.345
хлеб в зерне и мука **)	9.466	729	318	1.760	1.336	2.191
прод. пище-вкусов.						
промышл.	2.057	153	461	662	190	229
лен и кудель	305	45	43	83	35	22
шкуры и кожи невы-						
деланные	52	3	2	15	4	3
каменный уголь	98	—	525	1.842	1.394	594
нефть и нефте-про-						
дукты	947	84	2.783	6.106	1.929	1.388
марганцевая руда	1.194	42	499	416	1.001	446
черные металлы и						
изделия из них	59	75	51	29	239	74
всего товаров	24.113	2.161	8.874	17.968	12.969	9.682

*) В довоенных границах.

**) В голодные 1921-1922 гг., когда от голода умерло 5 мил. человек и советская власть разрешила образование Общественного Комитета помощи голодающим, вскоре впрочем закрытого, вывоз зерновых хлебов был не только прекращен, но даже уступил место привозу значительного количества хлебопродуктов; питание голодающего населения взяла на себя американская организация АРА, ввезшая в Россию в 1921 г. 250 тыс. тонн хлебопродуктов, и в 1922 г. 787 тыс. тонн. В голодные 1932-1934 гг., когда от голода погибло более 8 мил. человек, никакой общественной помощи голодающим не было организовано, помощь Соед. Штатов С. А. не была привлечена и советское правительство продолжало вывоз из Советской России хлебопродуктов. Зерна и муки было вывезено:

1932 г.	1760 тыс. тонн
1933	1717,5 „
1934	827,8 „

С. Бакулин и Д. Мишустин, Внешняя торговля СССР за 20 лет 1918-1937 гг., Москва 1939, стр. 34-35.

это для наших магазинов, а сказал, что для экспорта. Мы дали заводам увеличенную программу производства экспортных товаров... И пошли в наши магазины конфеты прекрасного качества». Известия 1934, 2 февраля. Война 1941-1945 гг., несомненно, должна была значительно ухудшить качество продуктов, производимых для внутреннего рынка.

Все эти годы из числа главных предметов русского вывоза только каменный уголь, нефть и нефтепродукты, черный металл и изделия из него вывозились в большем количестве, чем до войны; особенно упал вывоз продуктов сельского хозяйства. В 1936-1938 гг. начал намечаться упадок вывоза и продуктов горной промышленности. Рост обрабатывающей промышленности и городов за пятилетние планы развития народного хозяйства Союза ССР предъявляет такие требования к сельскохозяйственному и минеральному сырью, что недалек уже тот день, когда вывоз этого сырья уступит место его привозу. Лишь усиленная постройка железных дорог, ввод в сельскохозяйственную эксплуатацию новых территорий и развитие горной промышленности может обеспечить сырьем быстро растущую промышленность Союза.

Импорт Союза ССР также претерпел существенные изменения. Его структура по товарным группам эволюционировала следующим образом (в процентах):

	1913*)	1924/5	1927/8	1932	1937
живые животные	1,3	0,9	1,1	2,6	3,4
жизненные припасы	17,3	27,4	11,5	7,5	6,4
сырье и полуфабрикаты	48,6	42,6	53,7	16,5	49,9
готовые изделия	32,8	29,0	33,7	73,4	40,3

За эти 25 лет привоз жизненных припасов сильно сократился, привоз готовых изделий значительно вырос, но к концу мирного периода начал заметно сокращаться; изменения в привозе сырья и полуфабрикатов носят неопределенный характер. Еще более показательна группировка привозных товаров по их назначению, на средства производства и предметы

*) В довоенных границах.

личного потребления. Основная задача экономической политики советской власти формулирована в проекте первого пятилетнего плана народно-хозяйственного строительства СССР в следующих словах: «Наша страна совершает беспрецедентный опыт громадного капитального строительства за счет текущих накоплений, за счет жестокого режима экономии и отказа в удовлетворении потребностей сегодняшнего дня во имя великих исторических задач*»). Следуя этой общей директиве, комиссариат внешней торговли систематически сокращал импорт предметов личного потребления и увеличивал импорт средств производства. Импорт этих двух основных групп товаров изменялся следующим образом (в процентах и милл. золотых рублей)**):

	1913***)	1924/5	1927/8	1932	1937
В процентах:					
предм. личного потребления	30,0	30,8	12,5	8,1	9,1
средства производства	70,0	68,5	86,4	89,3	90,9
В миллионах золотых рублей:					
предм. личного потребления	412,5	222,8	118,2	57,0	26,8
средства производства	962,5	495,5	816,9	628,7	267,4

Из периода гражданской войны и коммунистической политики 1918-1920 гг. Россия вышла совершенно обнищавшей. Поэтому в первые годы по восстановлению торговых сношений с Европой % привоза продуктов и предметов личного потребления был очень высок, хотя и невелик по своим размерам:

*) Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР, 1929, том I, стр. 71.

**) Внешняя торговля СССР за 20 лет 1918-1937 гг., стр. 16.

***)) В довоенных границах.

	в % %	мл. рублей*)
1920 г.	60,3	17,3
1921, I-IX	66,8	105,6
1921/2	54,4	147,5

После 1924/5 г. началось систематическое сокращение потребительского импорта, с целью увеличения импорта производительного. Своих минимальных размеров потребительский импорт достиг в 1931 и 1933 гг. в период максимального увлечения проблемой индустриализации страны:

	в % %	в мл. рублей
1931	4,6	50,8
1932	8,1	57,0
1933	5,2	18,1

В последующие годы, под влиянием голода 1932-1933 и первой половины 1934 г., советская власть в некоторой мере смягчила свою общую линию торговой политики и несколько усилила потребительский импорт в следующих размерах:

	в % %	в мл. рублей
1934	15,4	35,8
1935	12,9	31,1
1936	10,5	32,4
1937	9,1	26,8
1938	12,1	36,3

Столь чрезвычайное уменьшение размеров привоза предметов личного потребления с 412,5 мл. рублей в 1913 г. до 26,8 м. рублей в 1937 г., — более чем в 15 раз, — возможно было только при диктатуре и аппарате монополии внешней торговли. По отдельным товарам, количество импорта изменилось следующим образом (в тыс. тонн):

*) По ценам 1913 г.

	1913*)	1922/3	1927/8	1932	1937	1938
рыба (кроме консервов)	357	52	41	71	15	13
хлопок	197	30	145	24	22	17
шерсть	56	32	35	26	29	—
шкуры и кожи невыдел.	65	2	46	20	16	17
черные металлы и изделия	239	21	276	1.040	245	146
цветные металлы и изделия	113	10	122	78	135	142
машины и оборудование	322	14	127	293	72	73
электрооборудование	14	3	28	48	16	20
тракторы	—	1	11	—	—	—
всего товаров	15.343	908	2.014	2.322	1.286	1.127

Особенно велик был объем импорта в 1931 г.: черных металлов и изделий из них 1.703.000 тонн, цветных металлов и изделий из них 122.000 тонн, машин и оборудования 326.000 т., тракторов 82.000 т. В годы второй и третьей пятилеток импорт машин, оборудования и изделий из металлов был сильно сокращен. В то же время систематически усиливался вывоз тех товаров, которые раньше привозились в Россию. Особенно большие успехи в этом направлении были достигнуты по следующим товарам (в тыс. тонн):

	1913*)	1922/3	1927/8	1932	1937	1938
Хлопок: импорт	197	30	145	24	22	17
экспорт	—	—	—	18	45	8
Химич. и фармацевт. продукты:						
импорт	242	11	30	11	9	10
экспорт	51	14	25	88	27	21
Кам. уголь, антрацит и кокс:						
импорт	7758	452	61	53	12	—
экспорт	98	—	503	1795	1312	427
Черные металлы и изделия из них:						
импорт	194	21	276	1040	245	146
экспорт	97	75	51	29	239	74

*) В довоенных границах.

Торговля СССР с пограничными азиатскими странами, Турцией, Ираном, Афганистаном, Синдзяном, Тувой и Монголией носила совершенно особый характер**). Страны эти доставляли в СССР жизненные припасы и сырые материалы, главным образом животного происхождения (скот, кожи и шкуры невыделанные, шерсть, хлопок, рис, сухие фрукты) и получали от СССР керосин и бензин, железо, металлические изделия, инструменты и машины, хлопчатобумажные ткани, нитки, фармацевтические продукты, спички, резиновые галоши, бумагу и картон, стекло, сахар, даже зерновые хлеба и муку (Монголия и Тува). Товарооборот с этими шестью странами составлял в мил. рублей (по текущим ценам) в процентах от всего торгового оборота СССР:

	Импорт		Экспорт		Торговый баланс
	в мил. руб.	в %	в мил. руб.	в %	
1913	76,8*)	5,6*)	102,1*)	6,7*)	25,3*)
1924/5	65,4	9,0	42,5	7,4	—22,9
1925/6	69,7	9,2	65,7	9,3	—4,0
1926/7	74,6	10,4	75,8	9,4	1,2
1927/8	110,0	11,6	114,2	14,4	4,2
1928, X-XII	29,3	14,4	33,4	15,4	4,1
1929	118,8	13,5	122,3	13,2	3,5
1930	102,1	9,6	120,3	11,6	18,2
1931	105,0	9,5	110,5	13,6	5,5
1932	101,3	14,4	106,9	18,6	5,6
1933	56,5	16,2	77,8	15,7	21,3
1934	48,5	20,9	76,9	18,4	28,4
1935	42,6	17,6	48,4	13,2	5,8
1936	44,3	14,4	43,9	14,1	—0,4
1937	42,4	14,4	54,5	14,4	12,1
1938	38,2	12,4	46,5	16,1	8,3

**) V. Conolly, *Soviet Economic policy in the East*, London 1933.

*) Без товарооборота с Синдзяном и Тувой.

Как показывает таблица, в текущих ценах максимум и по импорту и по экспорту приходится на 1927-1932 гг; в эти годы вся внешняя торговля СССР достигла наивысшего развития. Затем торговля с этими странами значительно сократилась, но в меньшей степени, чем торговля с Западной Европой и Северной Америкой. Поэтому, доля этих стран во всем товарообороте Союза увеличилась и достигла наибольшей величины по экспорту в 1932-1934 гг., по импорту в 1933-1935 гг. Торговый баланс с этими странами носил активный характер. К сожалению, советская статистика не дает нам учета торговых оборотов с ними в неизменных ценах и, следовательно, мы не имеем данных для суждения о том, как эволюционировал физический объем этого оборота, рос или сокращался.

Этот краткий обзор развития внешней торговли Союза ССР до начала периода войны 1939-1945 гг. показывает, что упадок ее был следствием уменьшения экспортной способности Союза. Рост населения и городов, при замедленном развитии производительности сельского хозяйства, в чрезвычайной мере сократил экспорт жизненных припасов и сырых материалов сельскохозяйственного происхождения. В то же время обрабатывающая промышленность, страдающая от низкой квалификации инженерно-технических работников и рабочих, не могла дать большого количества изделий хорошего качества на экспорт. Поэтому главное место в экспорте в конце 1930-х гг. занимали такие товары, как лесоматериалы, нефть и нефтяные продукты, каменный уголь, марганцевая руда. А так как СССР свой импорт мог оплачивать только экспортом товаров, то одновременно с сокращением экспорта уменьшался и привоз машин и готовых изделий из Западной Европы и Северной Америки. Если бы структура народного хозяйства Союза ССР продолжала эволюционировать в том же направлении, в каком она развивалась в эти годы, его сырьевая база могла

в недалеком будущем оказаться недостаточной для питания его обрабатывающей промышленности, и Союз вынужден был бы искать недостающие его промышленности сырые материалы за границей. Тогда особое значение должно было бы приобрести развитие торговых сношений с азиатскими странами.

Упадок внешней торговли Союза, начавшийся уже в последний год первой пятилетки, проектировавшей увеличение его экспорта в $2\frac{1}{2}$ раза и импорта почти в 2 раза, показал всем беспристрастным наблюдателям, что государственная монополия внешней торговли не дает политической власти возможности планировать внешнеторговые отношения страны по своему усмотрению и произволя. Советские экономисты, напротив, еще в середине 1930-х гг. были твердо убеждены, что монополярная форма внешней торговли дает советскому правительству полную власть над торговыми сношениями Союза ССР с другими странами. Так, например, профессор Д. Мишустин утверждал, что в СССР «внешняя торговля является органической составной частью наших народно-хозяйственных планов и ее движение определяется не конъюнктурой мирового хозяйства, а этими планами социалистического строительства. Увеличение или уменьшение объема нашей внешней торговли является поэтому не результатом необузданной экономической стихии, как это происходит в капиталистических странах, а следствием сознательного хозяйственного планирования. Капиталистическая конъюнктура, в особенности хаотическая игра цен, может вносить те или иные отдельные «поправки» в наши планы, но в основном наша внешняя торговля подчинена твердому плановому руководству пролетарской диктатуры, как и все наше народное хозяйство»^{*)}).

^{*)} В сборнике «Внешняя торговля СССР к XVII съезду Всеросс. Коммунистической партии», 1934, стр. 70.

Однако, внимательное наблюдение динамики внешней торговли приводит нас к совершенно иному выводу. Монополия внешней торговли несомненно является в руках правительства более мощным орудием, чем система таможенных тарифов. В области импорта это влияние политической власти ограничивается только контрабандой; как показал опыт СССР, органы внешне-торговой монополии могут свести привоз предметов личного потребления к совершенно ничтожной величине. В области экспорта, однако, решающее значение принадлежит экономическому фактору, экспортной способности страны и покупательной способности мирового рынка, и когда та или другая идет на убыль, торговая монополия может удерживать или даже увеличить размеры экспорта лишь в течение небольшого числа лет и при том лишь предлагая товары по ценам ниже рыночных, а затем определяющее влияние переходит к экспортной способности страны и состоянию международного рынка. А так как размеры импорта зависят от величины экспорта, то в конечном счете и его величина зависит не от усмотрения и произвола политической власти, а от чисто экономических факторов; лишь состав импорта находится при монополии в полном распоряжении ее центрального управления.

Отсюда никоим образом не следует, что Союз ССР может, сохраняя существующую структуру своего народного хозяйства, на одном из следующих этапов своего развития отказаться от монополии внешней торговли и вернуться к системе таможенных тарифов. До тех пор, пока существует национализация всей промышленности, почти всей товарной продукции сельского хозяйства, всех крупных путей и средств сообщения и почти всей внутренней торговли, будет существовать и монополия внешней торговли, независимо от того, приносит она стране пользу или вред и убыток. Она представляет собою необходимое

структурное дополнение ко всем другим государственным монополиям в системе народного хозяйства СССР; ее существования требуют структурные связи и зависимости между различными отраслями единого народного хозяйства. Лишь развитие частного хозяйства внутри страны может привести к ее замене тарифной системой торговой политики, автономной или конвенционной.

Заключив в 1939 г. политическое и торговое соглашение с Германией, советская власть прекратила печатание статистических данных о своей внешней торговле. Для получения хотя бы некоторого общего представления о развитии после этого соглашения советского привоза и вывоза товаров, мы вынуждены пользоваться почти исключительно сообщениями из иностранных источников. Кроме того, мы вынуждены были также сделать три явно неверных допущения относительно количества и ценности экспортируемых и импортируемых СССР товаров:

1) что все товары, отправленные из стран происхождения или отгрузки, были получены Союзом ССР;

2) что привезены они были в СССР в том же году, в котором были отгружены, и 3) что ценность экспортируемых из СССР товаров равняется их ценности *cif**) в странах оседания или назначения, и что ценность импортируемых в СССР товаров равняется их ценности *fob**) в странах их происхождения или отгрузки; принимая это допущение мы преувеличиваем ценность экспортируемых товаров и преуменьшаем ценность импортируемых товаров на стоимость их перевозки со всеми ее накладными расходами, то есть приблизительно на 10-20%.

*) Цена *cif* — первые буквы слов *cost* (издержки производства), *insurance* (страхование), *freight* (перевозка); цена *fob* — *free on board* (с доставкой на морской корабль).

Затем, мы совершенно игнорировали в наших учетах размеров внешней торговли СССР те изменения в его территории, населении и народном хозяйстве, которые произошли вследствие присоединения к нему новых территорий в 1939-1940 и 1945 гг. За последнее десятилетие мы должны во внешней торговле различать следующие три периода:

- 1) годы политического и торгового соглашения с Германией, 1939-1941 гг;
- 2) годы войны с Германией и ее союзниками, 1941-1945 гг.; и
- 3) послевоенные годы 1945-1950 гг.

После заключения 28 сентября 1939 г. политического соглашения между СССР и Германией, народный комиссар иностранных дел Молотов и министр иностранных дел фон Риббентроп обменялись письмами, в которых были установлены основы будущих торговых отношений между СССР и Германией. В письме Молотова к фон Риббентропу сказано, что «правительство СССР на основании и в духе достигнутого нами общего политического соглашения исполнено воли всемерно развить экономические отношения и товарооборот между СССР и Германией. С этой целью обеими сторонами будет составлена экономическая программа, согласно которой Советский Союз будет доставлять Германии сырье, которое Германия в свою очередь будет компенсировать промышленными поставками, производимыми в течение продолжительного времени. При этом обе стороны построят эту экономическую программу таким образом, чтобы германо-советский товарооборот по своим размерам снова достиг высшего объема, достигнутого в прошлом. Оба правительства дадут немедленно необходимые распоряжения о проведении вышеуказанных мер и позаботятся о том, чтобы переговоры как можно скорее начались и были доведены до конца».

В своем ответе на письмо Молотова фон Риббентроп заявил, что германское правительство согласно дать все необходимые распоряжения в духе письма Молотова.

8 октября на приеме народным комиссаром иностранных дел Молотовым представителей германской экономической делегации было установлено согласие в том, что экономическое соглашение между Молотовым и фон Риббентропом «будет осуществляться обеими сторонами ускоренным порядком и в широком масштабе. При этом, в частности, состоялось соглашение о том, что СССР незамедлительно приступит к снабжению Германии сырьем, а Германия — к выполнению поставок для СССР».

Торговля между Союзом ССР и Германией достигла максимальной величины в 1931 г., когда размеры ее составили (в миллионах долларов):

По экспорту из СССР в Германию	106,9	млн.	долларов
По импорту в СССР из Германии	339,4	—	—
Всего	446,2	—	—

Предполагая равновеликость экспорта и импорта, экспорт товаров из Союза ССР в Германию должен был, по договору 1939 г., превысить 223,1 млн. долларов. В октябре 1939 г. было заключено соглашение, по которому СССР обязался поставить Германии в течение двух месяцев миллион тонн кормового зерна (ячменя); в конце 1939 г. — о поставке в Германию 900 тыс. тонн нефти. 11 февраля 1940 г. новое торговое соглашение обязало СССР в значительных размерах увеличить экспорт своих товаров в Германию. В германской печати была дана следующая оценка этого соглашения: «Новое соглашение идет значительно дальше наших прежних соглашений. Оно обеспечивает доставку в Германию сырых материалов в наиболее важных отраслях военной экономики. Обеспе-

ченная договором доставка зерновых хлебов и бобов решительно гарантирует продовольствие германского народа. В виду военного характера соглашения, приняты меры для возможно более быстрой доставки сырых материалов. Поезда, везущие нефть и зерно, также как и другие сырые материалы, начали переходить границу ранее заключения этого соглашения. Советские сырые материалы привозились в Германию в течение многих прошлых месяцев по частным торговым сделкам, заключенным своевременно. Для Германии этот договор означает широкое раскрытие дверей на Восток, так что мы можем спокойно наблюдать дальнейшие усилия Великобритании еще более увеличить блокаду»^{*)}). Следующее соглашение было заключено 10 января 1941 г.; по оценке германских газет, «это соглашение обязывает Советскую Россию доставлять в Германию продукты и сырые материалы, имеющие огромное значение для ее продовольственной и военной экономики; оно прежде всего устанавливает снабжение Германии зерновыми хлебами, семенами масличных растений, древесными материалами, хлопком, нефтяными продуктами, рудами и многими другими продуктами... Главное значение этого нового соглашения заключается в устанавливаемых им размерах торговли»^{**)}). По этому соглашению, по сведениям швейцарских газет, Советская Россия обязалась дать Германии 2.500.000 тонн зерновых хлебов и 1.500.000 тонн мазута. 9 апреля 1941 г., наконец, было заключено последнее соглашение Советского Союза с Германией о расширении поставок хлопка и нефтяных продуктов.

В этот период из СССР вывозились в количестве, с избытком покрывавшим нужды Германии, только лесоматериалы, ячмень и марганцевая руда. Через Черное море и Дунай (до его замерзания) СССР доста-

^{*)} Der Vierjahresplan, 1940, No. 6, SS. 218-219.

^{**)} Der deutsche Volkswirt, 1941, No. 16, SS. 622-623.

вил в Германию большое количество марганца и некоторое количество хлеба и нефти; через Балтийское море (Штеттин) в Германию было отправлено некоторое количество ячменя, хлеба и свиней. Главная же масса советских поставок в Германию шла сухим путем, по железным дорогам. В мае 1940 г. лондонский «Экономист» констатировал, что «до сих пор только незначительное количество зерновых хлебов было доставлено в Германию и, повидимому, весь объем русских поставок Германской Империи не велик по своим размерам. Результаты полугодовой торговли с Россией никоим образом не могут быть признаны ободряющими для Германии»^{*)}). После начала Русско-Германской войны «Экономист» подвел следующий суммарный итог русским поставкам в Германию: «Либеральная оценка количества русских поставок в Германию в 1939 и 1940 гг. приводит к выводу, что Германия получила из России от 1,5 до 2 миллионов тонн зерна, 500.000 тонн маслянистых растительных семян, 100.000 тонн хлопка, 900.000 тонн нефти. Были произведены также значительные поставки мехов и шкур, марганцевой руды и других минералов»^{**)}).

Германия возлагала также большие надежды на транзит по Сибирской дороге продуктов из Японии, Манчжурии, Дальнего Востока и Америки. В апреле 1941 г. Берлин и Москва сообщили, что ими заключено соглашение о транзите по Сибирской железной дороге с Дальнего Востока в Германию в количестве 2.000 тонн в день^{***)}). Товары шли в Германию через Россию также с Кавказа, Ближнего Востока, Персии и Турции^{****)}). Но эта транзитная торговля также не

^{*)} The Economist, 1940, May 4.

^{**)} The Economist, 1941, June 28.

^{***)} The Economist, 1941, May 3.

^{****)} The Economist, 1941, June 28.

оправдала ожиданий Германии. Было сообщено, что Берлин и Москва заключили соглашение об организации перевозок с Дальнего Востока в Германию через Сибирь в размере 2.000 тонн в день, однако действительный размер этих перевозок значительно ниже. Россия или неспособна или не хочет дать достаточного количества товарных вагонов. Задержки товаров огромны; было установлено, что вагоны с товарами приходят из Владивостока или со станции Манчжурия через 3-6 месяцев после их отправки*).

Таким образом, вся совокупность сообщений, которыми мы располагаем, не оставляет, повидимому, сомнений в том, что ни размер поставок, ни количество транзитных перевозок по своему составу и размерам совершенно не отвечали соглашениям, заключенным Германией с Союзом ССР. Рост обрабатывающей промышленности, городского населения и необходимость вооружения многомиллионной армии в чрезвычайной мере сократили способность СССР экспортировать жизненные припасы и сырые материалы.

Теперь мы располагаем официальными цифрами о размерах внешней торговли СССР в 1940 г. Н. Вознесенский, бывший председатель Государственной плановой комиссии, опубликовал следующие данные о вывозе и привозе товаров в СССР, в миллионах советских рубле и долларов**):

	млн. рублей	млн. долларов
вывоз товаров	1.412	266,4
привоз товаров	1.446	272,8

Экспорт товаров в Соед. Штаты, Канаду и Великобританию равнялся 26,1 млн. долларов, импорт из этих стран — 94,2 млн. долларов. Если мы предположим, что вывоз и привоз товаров в азиатские страны

*) The Economist, 1941, May 3.

**) Н. Вознесенский, Военная экономика СССР, 1947, стр. 73.

составил приблизительно 50 мил. долларов, тогда для торговли СССР с Германией в 1940 г. мы получим следующую таблицу (в долларах):

		д о г о в о р	
	1938	1939	1940
Экспорт из СССР в Германию	53	223,1	190,3
Импорт из Германии в СССР	48	223,1	128,6

Как видим, экспорт товаров из Советской России в Германию в 1940 г. был значительно больше экспорта в 1938 г. и приближался к договору 1939 г.

В годы войны преобладающее значение принадлежало безвозвратным и временным ссудам, которые давали Советской России Соед. Штаты С. А. Размер привоза по этим ссудам достигал следующих размеров (в мил. долларов):

	все продукты	военное снаряжение	товары мирного назначения
1941	0,5	29,5	—
1942	1363,3	723,7	639,6
1943	2965,9	1291,1	1674,8
1944	3429,1	1060,4	2368,7
1945, I-VI	1372,0	732,9	639,1
1948, III	275,9	33,2	242,7

В 1941 г. военное снаряжение приобреталось за наличный расчет, так как ссудная операция не была еще распространена на СССР. Всего Советская Россия получила по этой ссудной операции на 9,4 миллиардов долларов товаров, из них 41,15% военного снаряжения. С расходами на перевозку и администрацию ссуда Соед. Штатов достигла 11,3 миллиардов долларов. За четыре года с 1 октября 1941 г. по 30 сентября 1945 г. Советская Россия получила из Соед. Штатов С. А.:

аэропланов	14.795
танков	7.056
миноносцев (torpedo boats)	197
подводных лодок (submarine chasers)	105
грузовых автомобилей	375.883
взрывчатых веществ	345.735 тонн
нефтяных продуктов	2.670.000 тонн
стали	2.800.000 тонн
съестных припасов	4.778.000 тонн
и много пушек, обуви, тканей и т. д.	

В годы войны 1941-1945 гг. Советская Россия вела торговлю почти исключительно с англо-саксонскими странами, — Соед. Штатами С. А., Канадой и Великобританией. По статистике этих стран экспорт из СССР по ценам *cif* и импорт по ценам *fob* имели следующие размеры (в мил. долларов):

	1941	1942	1943	1944	1945
Экспорт из СССР:					
в Соед Штаты С. А.	30,1	24,7	29,9	49,7	58,7
в Канаду	0,1	0	0	0	1,7
в Великобританию	4,4	12,9	7,3	8,9	15,7
всего	34,6	37,6	37,2	58,6	75,7
Импорт в СССР:					
из Соед. Штатов С. А.:					
по ссуде	0,5	1363,3	2965,9	3429,1	1686,9*)
за наличный расчет	104,5	57,9	10,3	4,3	129,1
бесплатный (посылки)	0,4	6,8	18,6	25,5	
итого	105,4	1428,0	2994,8	3458,9	1816,0
из Канады	5,3	36,6	57,7	103,3	58,8
из Великобритании	94,3	39,9	39,5	96,3	65,7
всего	205,0	1504,5	3092,0	3658,5	1940,5

Внешняя торговля Советской России в годы войны носила чисто политический характер. Ничтожный вывоз товаров из СССР таким образом не мог быть

*) За первые 9 месяцев.

ее основой; этой основой была многомиллионная ссуда Соед. Штатов С. А.

Советская Россия не печатала сведений о своей внешней торговле в военные и после-военные годы, за исключением лишь следующего сообщения Н. Вознесенского (в мил. рублей)*):

	импорт	экспорт
1940	1.446	1412
1942	2.756	399
1943	8.460	373

«Таким образом, говорит Вознесенский, внешний торговый баланс СССР в период военной экономики резко изменился: импорт товаров увеличился почти в пять раз, а экспорт товаров сократился более чем в три раза. Увеличение импорта товаров (преимущественно сырья и материалов) произошло за счет поставок союзников СССР в войне против Германии и Японии». Сопоставляя эти цифры Вознесенского с приводимыми выше цифрами торговли с Советским Союзом Соед. Штатов С. А., Канады и Великобритании, мы сразу констатируем, что цифры Вознесенского об импорте товаров в Союз ССР вдвое менее цифр другого источника, в соответствии действительности которых нет сомнений. На причину этого разногласия есть намек в словах Вознесенского, когда он говорит, что цифры импорта товаров, им сообщаемые, относятся по преимуществу к ввозу сырья и материалов. Действительно, сравнивая его цифры с привозом товаров мирного назначения из англо-саксонских стран, мы получаем следующую таблицу размеров импорта (в мил. долларов):

	по Вознесенскому	по статистике англо-саксонских стран
1942	520	639,6
1943	1.596,2	1.674,8

*) Военная экономика СССР, 1947, стр. 73-74.

Так как цифры Вознесенского включают все расходы по перевозке, а цифры англо-саксонских статистиков этих расходов не включают, то они должны были бы быть выше вторых; но, очевидно, военные потери при морской перевозке были очень значительны.

Цифры Вознесенского по импорту в СССР, как учитывающие только товары мирного назначения, несопоставимы с другими данными об импорте СССР, учитывающими привоз товаров как мирного, так и военного назначения.

За годы войны и послевоенные годы мы располагаем лишь приведенными ниже статистическими сведениями; причем за 1940-1943 гг. по советским источникам, и за 1946-1949 гг. по иностранным, в которых импорт в Россию учтен по ценам *fob* экспортирующих стран, а экспорт — по их ценам *cif* (в миллионах долларов):

	1938*)	1940**)	1942**)	1943**)	1946***)	1947*)	1948*)	1949*)	1950*)
Экспорт из СССР:									
в 6 восточных европ. стран	7	—	—	—	215	192	409	662	813
в Зап. Европу (без Великобритании)	165	—	—	—	78	93	230	232	171
Соед. Королевство	119	—	—	—		27	105	47	86
Соед. Штаты С. А.	27	—	—	—	101	77	78	42	40
прочие страны	47	—	—	—	6	5	55	41	31
всего	365	266	75	70	400	394	877	1.024	1141

*) *Economic Survey of Europe in 1948*, table XVI; *Economic Bulletin for Europe*, 1950, No. 2, table XXI. 1951, No. 2, table XXII.

**) Н. Вознесенский, *Военная экономика СССР*, 1947, стр. 73.

***) A. Gerschenkron, *Russia's Trade in the Postwar Years*, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, May 1949, p. 87.

	1938	1940	1942	1943	1946	1947	1948	1949	1950
Импорт в СССР:									
из 6 восточных									
европ. стран	14	—	—	—	225	173	389	553	636
из зап. Европы (без									
Великобритании	126	—	—	—	94	95	191	229	257
Соед. Королевство	55	—	—	—		50	21	32	32
Соед. Штатов С.А.	74	—	—	—	422	149	27	6	1
прочих стран	59	—	—	—	52	30	176	123	123
всего	328	273	—	—	793	497	804	943	1049

За последние 10 лет, военные и послевоенные, у Советского Союза снизилась торговля со всеми его корреспондентами, за исключением торговли с 6 странами Восточной Европы, состоящими в политическом подчинении СССР. С ними торговля увеличилась чрезвычайно; вся внешняя торговля Советского Союза выросла в 3 раза. Его торговый баланс изменился следующим образом (приблизительно, в миллионах долларов):

	ВВОЗ	ВЫВОЗ	торговый баланс
1938	365	328	+37
1940	266	273	— 7
1942	75	—	—
1943	70	—	—
1946	400	793	—393
1947	394	497	—103
1948	877	804	+ 73
1949	1024	943	— 81
1950	1141	1049	— 92

Особенно значительно упала торговля с англо-саксонскими странами, в особенности с Соед. Штатами С. А. особенно после запрещения ими продажи Со-

ветскому Союзу стратегических товаров, число которых в настоящее время достигло 1100; и менее всего с Великобританией, которая нуждается в русском лесе.

За 1951 г. мы имеем только суммарное указание председателя торговой палаты СССР М. В. Нестерова на Международном экономическом совещании 3-12 апреля 1952 г. в Москве 471 представителей из 49 стран, руководителей торговых и промышленных предприятий, ученых экономистов, представителей профессиональных союзов и коопераций. По свидетельству Нестерова, внешнеторговый оборот Советского Союза достиг в 1951 г. свыше 18 миллиардов рублей, 4,5 млрд. долларов, вдвое более, чем в 1950 г. (2.190 мил. долларов). Наибольшее значение, по его мнению, для СССР имеет торговля с странами Западной Европы, Америки, Юго-Восточной Азии, Среднего Востока, Африки и Австралии. С этими странами максимальный товарооборот, 1.250 мил. долларов, был достигнут в 1948 г.; Нестеров считает, что в течение ближайших 2-3 лет этот товарооборот можно увеличить до 2,5 — 3,75 млрд. долларов. СССР нуждается в большом количестве привозных товаров, и мог бы служить хорошим рынком для Западной Европы, Америки и других указанных выше стран; его экспорт мог бы состоять из зерновых хлебов, лесоматериалов, льна, целлюлозно-бумажных товаров, пушнины; железных, марганцевых и хромовых руд, минеральных удобрений, угля, антрацита, нефтепродуктов, асбеста, цемента; промышленного оборудования, сельскохозяйственных машин, тракторов, транспортных средств.

ГЛАВА XII.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

После октябрьского переворота 1917 г. сметы государственных доходов и расходов продолжали составляться в 1918, 1919 и 1920 гг. одним из старых чиновников министерства финансов, но так как они заключали в себе сведения лишь о денежных доходах и расходах (в бумажных рублях) государственной власти, жила же власть в этот период коммунистической политики печатанием бумажных денежных знаков и материальными поступлениями по продовольственному налогу и рубке леса по трудовой повинности, то сметы эти никакого значения не имели и интереса не представляют.

С переходом в 1921 г. к новой экономической политике отношение советской власти к государственному бюджету изменилось, и было решено составить настоящую смету государственных доходов и расходов на первые девять месяцев 1922 г. (январь-сентябрь). Смета эта, как и смета на 1922/23 г., была составлена в товарных рублях, но после денежной реформы 1922-24 гг. сметы составлялись уже в червонных рублях. Составлены эти первые советские сметы были совершенно неудовлетворительно; А. И. Рыков на одном из собраний перед партийной коммунистической конференцией в январе 1924 г. охарактеризовал их в следующих словах: «В свое время на съезде Со-

ветов, по предложению Ильича (Ленина), утвердили и распустили по всему земному шару под названием «бюджет», что-то такое, что ни на какой бюджет ни в какой степени оказалось не похоже. Никогда он себя не чувствовал так нелепо, как после того, как какую-то глупость в качестве бюджета подписал и предложил принять Всероссийскому Съезду Советов*). Тем не менее, государственные бюджеты этих лет дают ясное представление о структуре доходов Советского Союза в 1922-1924 гг. (за 9 месяцев 1922 г. в миллионах товарных рублей, за 1922/23 и 1923/4 гг. в миллионах червонных рублей):

	1922, 9 мес.	1922/23	1923/24
Налоги и пошлины	264,6	342,2	669,7
железные дороги	58,7	336,4	678,3
почта и телеграф	19,6	22,6	48,7
государ. имущества и предприятия	0,8	23,2	113,5
возмещение госуд. расходов, прочие доходы	6,5	18,1	94,6
реализация государ. фондов	—	—	226,2
займы	—	108,5	221,9
эмиссия бумажных денег	265,1	364,2	126,3
Всего гос. доходов	615,3	1.215,2	2.179,2

Большой доход от железных дорог и народной связи существовал только на бумаге; до 1932 г. в государственные росписи включалась вся сумма доходов и расходов по этим отраслям народного хозяйства, а не их сальдо, причем в 1922-1924 гг. расходы по ним или превышали приносимые ими доходы, или

*) Экономическая Жизнь 1924, № 78.

почти равнялись им. В последующие годы с ростом народного дохода Союза ССР рос и его государственный бюджет; с 1938 г. в росписи начали включаться также расходы профессиональных союзов на социальное страхование, средства на которое получаются путем обложения промышленных предприятий в размере 3,7-10,7% выплачиваемой ими заработной платы. В 1937-1950 гг. государственные бюджеты Союза ССР имели следующую величину (в миллиардах советских рублей)*):

(См. таблицу на стр. 241)

*) Доклады А. Зверева в Верховном Совете СССР о государственных бюджетах СССР; А. Зверев, Государственные бюджеты Союза ССР 1938-1945 гг., Москва 1946; статья Зверева в «Плановом Хозяйстве», 1949, тетрадь II, стр. 38-50; Н. Вознесенский, Военная экономика СССР, Москва 1947, стр. 132-133; К. Плотников, Бюджет социалистического государства, Москва 1948; его-же, Бюджет социалистического государства. Большевик, 1950, № 12, стр. 29, 32. Расходы профессиональных союзов на социальное страхование в 1931 г. включены нами в государственный бюджет.

Указом президиума Верховного Совета 29 декабря 1941 г. был введен специальный налог на всех трудоспособных граждан, мужчин 18-60 лет и женщин 18-55 лет, в размере 8,6-10,0% их заработка; отменен этот налог с 1 января 1946 г. В конце 1941 г. был введен также налог на холостяков, одиноких и мало-семейных мужчин 20-50 лет и женщин 20-45 лет в размере 5% их заработка; в 1944 г. норма обложения этим налогом была повышена до 6%. Оба эти налога учтены в налогах и сборах с населения в 1941-1945 гг. (см. таблицу). Кроме того, в 1941 г. были учреждены лотереи для собирания денег на нужды войны и фонды обороны и красной армии для сбора добровольных пожертвований. Всего по этим налогам и в фонды было собрано миллионов рублей:

	лотерей	военный налог	налог на холостяков и одиноких	в фонд обороны и красной армии	всего
1941	0,4	—	0,1	1,8	2,3
1942	2,9	14,0	1,1	5,3	23,3
1943	3,5	17,1	1,3	5,3	27,2
1944	5,0	20,7	2,2	3,3	31,2
1945	—	20,3	3,4	0,5	24,2
всего	11,8	72,1	8,1	16,1	108,1

О динамике количества в обращении в 1914-1924 гг. денег, выпущенных центральной властью, мы располагаем следующими данными (в мил. рублей на 1 января)*):

*) Наше денежное обращение, под редакцией Л. Н. Юровского, 1926, стр. 71/2, 153, 190-192, 248.

	денежная масса в об- ращении	бюджетный индекс стат. труда	ценность денежн. массы в довоенных рублях	в индексах 1914=100	темп роста денежн. массы
1914	2.402,8	1,00	2.402,8	100	—
1915	3.226,5	1,10	2.933,2	122	1,34
1916	5.668,1	1,43	4.092,2	170	1,76
1917	9.263,5	2,94	3.150,9	131	1,63
1918	27.650,2	20,76	1.331,9	55	2,98
1919	61.326,2	164	373,9	16	2,22
1920	225.015,2	2.420	93,0	3,9	3,67
1921	1.168.596,9	16.800	69,6	2,9	5,19
1922	17.539.232,1	288.000	60,9	2,5	15,0
1923	1.994.464.453,8	21.242.000	93,9	3,9	113,7
1924	225.637.374.014,4	5.457.000.000	41,3	1,7	113,1
1924.1.III	809.625.216.667,3	61.920.000.000	13,1	—	—

Но деньги выпускало в эти годы не только центральное правительство, но и местные власти, не только областные, но и управления отдельных городов, население которых испытывало недостаток в разменных знаках. Эти местные деньги начали появляться с конца 1917 г., тотчас же после октябрьского переворота; окончательно ликвидированы они были в 1925 г. До сих пор не составлена полная опись их; по опубликованным данным*), всего имели хождение в Центральной России 21 местного знака, в Северной России — 74, в Северо-Западном и Западном крае 104, в Украине 342, в Крыму и на Юго-Востоке 171, на Северном Кавказе 325, на Закавказье 217, в Средней Азии 235, на Урале и Приуралье 145, в Сибири и на Дальнем Востоке, включая Китайско-Восточную ж. д., 547, всего 2181 знак самого разнообразного происхождения и очень различной длительности существо-

*) «Каталог бон и дензнаков России, РСФСР, СССР, окраин и образований», под редакцией Ф. Чучина, 2-ое изд. Москва 1927..

вания. Л. Юровский, у которого мы заимствуем эти сведения, замечает об этой своеобразной форме денежного обращения: «Распад денежной системы был, повидимому, беспрецедентным в истории, и во всяком случае небывалым в истории бумажно-денежного обращения... Особенность русского распада заключалась не только в количестве различных денежных знаков, выпущенных на местах, а также в том, что создались обособленные денежные системы, что многие из эмиссий, сохраняя прежнее название денежной единицы, создали свои собственные рубли, имевшие свой собственный курс и являвшиеся по отношению к рублям, выпускавшимся в Москве, как политически, так и экономически иностранными деньгами. По мере восстановления государственного единства совершался и процесс унификации денежной системы, происходивший в различных формах в зависимости от политических и хозяйственных условий»^{*)}).

Количество местных денег в обращении никто не подсчитывал. Поэтому, мы вынуждены ограничиться приведенной выше таблицей, вполне сознавая всю ее неполноту. Она показывает, что в 1918 г. бюджетный индекс цен рос в два с третью раза быстрее роста денежной массы (в номинальном исчислении), в 1919 г. — уже в 3½ раза, в 1920 г. — в четыре раза. Мы не ошибемся, если припишем этот быстрый темп роста обесценения денежной массы не только влиянию деградации народного хозяйства, но и действию сокращения территории, обслуживаемой выпускаемыми центральной властью денежными знаками. В пользу этого объяснения говорит также резкое снижение темпа обесценения денежной массы с четырех раз в 1920 г. до трех раз, в 1921 г., в котором, под влиянием неурожая и голода, денежность народного

^{*)} Юровский, Денежная политика советской власти (1917-1927), Москва 1928, стр. 159-160.

хозяйства продолжала падать, а национальный рынок — сокращаться; это снижение темпа обесценения было произведено, по нашему мнению, расширением территории, обслуживаемой деньгами центральной власти.

Указом 27 июля 1914 г. Государственный Банк был освобожден от обязательства размена кредитных билетов на золото, и его право эмиссии непокрытых золотом билетов было увеличено до полутора миллиардов рублей в целях удовлетворения потребностей военного времени. После прекращения размена золото быстро ушло из обращения; к весне 1915 г. исчезло из обращения высокопробное серебро (рубли, полтинники), к осени того же года — мелкая серебряная монета, а затем и медная. Таким образом к 1 января 1916 г. вся металлическая монета ушла из обращения.

На 1 января 1914 и 1915 гг. денежное обращение имело след. состав (в мил. рублей):

	1.1.1914	1.1.1915
Кредитных билетов	1664,7	2946,6
Золота	494,2	—
Банкового серебра	122,7	141,2
Разменного серебра	103,1	119,8
Медной монеты	18,1	18,9
Всего	2402,8	3226,5

Характерно, что металлическая монета исчезла из обращения гораздо раньше, чем падение покупательной способности денег доходило до уровня ее металлической ценности. Так, рубль банкового серебра заключал в себе металла на 67 коп. по довоенным ценам, и на 57,1 к. по ценам 1915 г.; рубль разменного серебра — на 33, 5 и 28,6 копеек; медная монета —

на 20 к. по довоенным ценам, на 55 к. по ценам 1915 г.*). Между тем, покупательная способность кредитного рубля стояла весной 1915 г. на уровне 83-84 копеек, осенью того же года — 74 к., в январе 1916 г. — 70 к. Очевидно, население прятало металлическую монету в предвидении дальнейшего падения покупательной способности кредитного рубля.

Усиленная эмиссия бумажных денег началась с первого месяца войны, и вскоре же началось падение покупательной способности бумажного рубля, до декабря 1915 г. более медленное, чем рост эмиссии. Первые выпуски бумажных денег мало отразились на курсе рубля. Часть из них пошла на замещение металлических денег, изъятых из обращения; другая — на замещение кредитных сделок, начавших сокращаться с самого начала войны. Продажа товаров на наличные все более и более вытесняла продажу в кредит, получившую такое широкое распространение в довоенное время. Кроме того, колоссальные мобилизации, изымавшие миллионы крестьян из области натурального хозяйства и перенесшие их в область денежного, также повысили спрос на деньги. В первые пять месяцев войны, в 1914 г., число мобилизованных достигло 5,1 мил. человек; в 1915 г. было мобилизовано 5,2 мил. человек. Чтобы их прокормить, одеть и т. д. нужно было соответствующим образом увеличить товарный оборот в стране. Наконец, значительные суммы денег осели в годы войны в деревне**). Под влиянием всех этих моментов емкость денежного рынка росла до декабря 1915 г. Затем началось его падение, сначала медленное, затем все ускорявшееся. И царское, и Временное правительство широко пользовались де-

*) Наше денежное обращение, стр. 3; Прокопович, Война и народное хозяйство, 2-ое изд. 1918 г., стр. 66/7.

**) Л. Юровский, Денежная политика советской власти 1917-1927), стр. 28/9.

нежной эмиссией для покрытия расходов на войну. В годы войны всего было выпущено бумажных денег и выручено за них материальных ценностей в довоенных рублях (в миллионах рублей):

	эмиттировано	ценность эмиссии в довоенных рублях
1914 г., 6 мес.	1.316,2	1.303,2
1915	2.721,5	2.093,5
1916	3.595,4	1.718,1
1917, 9 мес.	10.313,9	1.986,8
Всего	17.947,0	7.101,6

Таким образом, эмиссия кредитных билетов дала на нужды войны более 7 миллиардов руб. золотом, покрывших около 40% военных расходов*).

После октябрьского переворота, выхода России из войны и заключения мира с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, эмиссия стала в 1918-1921 гг. единственным почти источником денежных поступлений государственного казначейства.

Эмиссия советских денежных знаков дала в 1917-1924 гг. (в мил. рублей):

	эмиттиро- вано	ценность эмиссии в довоен. рублях
1917, ноябрь и декабрь	8.072,8	575,4
1918	33.676,0	536,2
1919	163.689,0	224,6
1920	943.581,7	122,0
1921	16.370.635,2	149,0
1922	1.976.925.221,7	296,5
1923	223.642.909.560,7	327,8
1924, янв. и февраль	583.987.842.652,8	33,8
Всего	809.625.197.089,9	2.265,3

*) Прокопович, Война и народное хозяйство, стр. 122

Своего минимума доход от эмиссии достиг в июне 1921 г., когда она дала только 3,15 мил. довоенных рублей. Всего за эти годы советской властью было выпущено советских денежных знаков по номиналу на 17,5 триллионов рублей. В результате этой инфляции советский рубль испытал чрезвычайное падение. Миллион рублей бумажных стоил довоенных рублей 1 января каждого года:

1914 г. 1 янв.	1.000.000
1915 .. „ „	909.091
1916 „ „ „	699.301
1917 „ „ „	340.136
1918 „ „ „	48.170
1919 „ „ „	6.098
1920 „ „ „	413
1921 „ „ „	59,5
1922 „ „ „	3,5
1923 „ „ „	0,05
1924 „ „ „	0,00018
1924, 10 марта	0,00002

К 1 января 1923 г. миллион рублей бумажных, следовательно, докатился до 5 копеек золотом, к январю 1924 г. — до двух сотых копейки. Ликвидация советских денежных знаков в 1924 г., дальнейший выпуск которых был прекращен 15.II.1924, была произведена по курсу один рубль золотом за 50.000.000.000 бумажных рублей, по одной пятисотой копейки за миллион советских рублей.

Если бы это падение покупательной способности бумажных рублей вызывалось только их чрезмерными выпусками, тогда оно должно было бы быть более или менее пропорциональным увеличению массы денег в обращении, причем ее ценность в довоенных рублях должна была бы оставаться в общем и целом

стационарной. На самом деле, как мы видели, величина денежной массы на 1 декабря 1915 г. определялась в 4167,9 мил. довоенных рублей, а на 1 июля 1924 г. в 29,1 мил., 0,7% ее в конце 1915 г. Это изменение ценности объема денежной массы не может быть объяснено причинами, относящимися к области денежного обращения. Его причины лежат в области народного хозяйства. Мы имеем здесь дело со следствиями гражданской войны и насильственного введения коммунистической системы хозяйства, с каждым годом все более и более разрушавших производительные силы страны и высшие формы хозяйственных отношений, кредитные и денежные. Промышленность падала, железные дороги переставали работать, города пустели; хозяйство страны быстро регрессировало в сторону натурального типа хозяйствования. Это деградирующее народное хозяйство предъявляло все меньший спрос на денежные знаки*).

Значительную роль в этом упадке советского народного хозяйства играла инфляционная политика советской власти. Колоссальный темп эмиссий чрезвычайно затруднял ведение денежных форм хозяй-

*) Количество эмиттируемых денежных знаков зависит от воли и разума правительства или директоров эмиссионного банка; но ценность денежной массы в обращении от их воли не зависит. Она определяется моментами народнохозяйственного порядка и, следовательно, может служить показателем уровня развития народного хозяйства. Эти соображения были развиты мною в статьях, помещенных в берлинской газете «Дни». Г. Сокольников дал след. оценку этой мысли: «Заграницей Прокопович посвятил ряд статей исследованию этого процесса о росте золотой стоимости нашего денежного обращения, причем избрал этот момент в качестве термометра, показывающего состояние всего хозяйственного процесса в целом. И это довольно правильно. Цифра золотой стоимости всей массы нашего денежного обращения, действительно, показывает рост или сокращение в самом общем масштабе процессов производства и обмена». Сокольников, Финансовая политика революции, том II, Москва 1926, стр. 17.

ства. Уже в первые месяцы войны деньги утратили функцию орудия накопления материальных ценностей. В середине 1916 г., а тем паче в 1917 г., они утратили функцию платежного средства по кредитным и другим хозяйственным обязательствам. Кредитное обязательство всегда пишется на определенную сумму в данной валюте, независимо от изменений в ее курсе. Если падение покупательной способности рубля в течение года происходит в 2 раза, 100 рублей, данных в долг на год, через год будут иметь ценность в 50 рублей. Чтобы кредитор не потерпел убытка на основной сумме долга и получил 5% прибыли, должник должен уплатить ему через год 210 рублей. При падении индекса цен в 7 раз в течение года, эта сумма повышается до 735 рублей за 10 рублей. Очевидно, такие кредитные сделки совершенно невозможны.

Поэтому с 1918 г., когда годовой темп падения покупательной способности советского рубля достиг 7, денежные кредитные сделки исчезли из хозяйственной жизни и начали возрождаться лишь после перехода к новой экономической политике в 1921 г. Государственный Банк, учрежденный в это время и открывший свои действия 16 ноября этого года, желая восстановить кредитные операции, прибег к целому ряду паллиативных приемов, которые должны были «страховать» его капиталы от курсовых потерь. Прежде всего он начал взимать по ссудам, кроме обычного банковского процента, еще особый «страховой процент» для покрытия потерь от обесценения советского рубля в размере 8-12% в месяц. В феврале 1922 г. процент этот был поднят до 12-18% в месяц. Другой компромисс заключался в участии банка в разнице цен товаров: заемщик обязывался уплатить банку при погашении ссуды сверх номинального налога с процентами еще от 50% до 75% (по другим данным от 40-60%) разницы в товарной ценности ссуды во время

ее выдачи и ее уплаты. Третьим приемом была выдача ссуд в золотых рублях (старого чекана). Ссуда выдавалась советскими денежными знаками, но перечислялась на золотые рубли по курсу дня выдачи; а по наступлении срока заемщик вносил в банк столько советских рублей, сколько стоили по курсу дня платежа числившиеся за ним золотые рубли. Первоначально широкому распространению последнего способа мешали большие колебания в ценностных отношениях между золотым рублем и товарным. Но с октября 1922 г. курс этого золотого рубля стал устойчивым и незначительно лишь расходящимся с товарным рублем. Когда 20.III.1922 было утверждено положение о векселях и начался их учет, Госбанк взимал сначала по этому учету 23% в месяц, а летом снизил процент до 15%. Другие банки в начале своей работы взимали: банк потребительской кооперации 30% в месяц, Юго-Восточный Банк (в Ростове на Дону) от 1½-2% в день. Рыночный (не-банковский) процент даже летом 1922 г. не спускался ниже 30% в месяц, в Москве обычный уровень был ¾-1% в день, а в период сильных колебаний рубля повышался до 2-3% в день*).

Только появление банкнот с устойчивым курсом коренным образом изменило условия кредитования. Отпала нужда в «страховых процентах», и деньги вернули себе способность быть и орудием кредита, и орудием накопления.

В годы коммунистической политики разложение денег не ограничилось потерей ими указанных двух функций. Деньги утратили также способность быть орудием рыночного обмена и обращения товаров и

*) На новых путях. Итоги новой экономической политики 1921-1922 гг. Вып. II, Финансы, Москва 1923, стр. 192/4; Каценеленбаум, Денежное обращение России 1914-1924, Москва-Ленинград, 1924, стр. 144/7.

орудием народно-хозяйственного учета и плановых расчетов. Когда покупательная способность советского рубля начала катастрофически падать, в 7,17 и 74 раза в течение года, население бросилось бежать от него, и стало выносить на продажу произведенные им продукты и изделия лишь тогда, когда представлялся случай купить нужные ему товары. Владение товаром, в противоположность довоенному строю хозяйства, стало в эти годы более ценным, чем владение деньгами; поэтому, натуральные формы хозяйства начали быстро развиваться за счет денежных, все народное хозяйство начало быстро деградировать. Население вынуждено было обратиться на поиски новых орудий обращения, обладающих большей устойчивостью, чем советский рубль. Его место начали занимать:

- 1) золото довоенного русского чекана,
- 2) иностранные денежные знаки с устойчивым курсом, прежде всего фунты стерлингов и доллары, и
- 3) продукты, занимающие главные места в личном потреблении населения, — прежде всего рожь, затем соль, ситец, керосин.

Что касается золота русского чекана, то его осталось в стране, по прекращении размена в 1941 г., по одному счету на 494 мил. рублей, по другому на 200 м. рублей; во всяком случае, его количество на руках населения в несколько раз превышало ценность всей денежной массы в обращении. Много золота было у крестьян. Как только советский рубль стал утрачивать способность исполнять функцию орудия обращения, золото тотчас же вышло из крестьянских кубышек и городских прятков. По свидетельству Л. Н. Юровского, «в архивах народного комиссариата финансов имеется достаточное количество материалов, указывающих на процесс восстановления значения зо-

лотой монеты в хозяйственном обороте. Золотая монета стала ходить на окраинах, особенно в Закавказье, в портовых городах, в губерниях правобережной Украины и в других местностях западной пограничной полосы, она приобрела снова значение денежной единицы на Дальнем Востоке, и государственному денежному обращению стала угрожать опасность, надвигавшаяся со всех сторон. Процесс этот происходил не только на окраинах. Престиж золотой монеты стал восстанавливаться и в центре. Притом отнюдь не одни частные лица и предприятия стали искать прибежища в золоте. Золотая монета появилась в кассах государственных предприятий. Государственные хозяйственные органы требовали расплаты за товары звонкой монетой. Известен случай, когда одно из крупных государственных промышленных предприятий расплачивалось в Москве золотой монетой с рабочими*).

Юровский думает, что «если бы государство не дало торговому обороту твердой валюты в 1922 году, хозяйственная жизнь пошла бы своими путями и нашла бы свой собственный выход из положения. В поисках устойчивого основания для своих расчетов она обратилась бы к той или другой иностранной валюте или, что в наших условиях было наиболее вероятно, воспользовалась бы деньгами, которые были вытеснены и затем выброшены из обращения во время войны и революции, но все же оставались в стране и могли обслуживать если не весь торговый оборот, то во всяком случае весьма существенную его часть: мы имеем в виду золотую монету старого образца**).

Иностранная валюта, — фунты и доллары, а так-

*) Л. Юровский, Денежная политика советской власти, стр. 214.

**) Там же, стр. 213.

же деньги пограничных государств*), — в эти годы также начали внедряться во внутренний торговый оборот. Как говорит Д. Лоевецкий, «в условиях падающей национальной валюты твердая иностранная валюта перестает быть только орудием платежа по заграничным обязательствам и становится также средством сбережения, способом сохранения оборотных средств от обесценения, а в некоторых случаях — и орудием платежа внутри страны... При наличии известных условий твердая иностранная валюта начинает служить и орудием платежа, не признанным законом, но фактически исполняющим эту роль. Иностранная валюта начинает, таким образом, угрожать не только курсу национальной валюты, но и самому существованию ее, так как последняя вытесняется из внутреннего оборота, становится лишней в определенной сфере**).

Но ни золото старого чекана, ни иностранная валюта не удовлетворили потребности местных рынков в устойчивом орудии обращения. Поэтому, наиболее ходкие на них товары выдвинулись в качестве натурально-ценностных единиц, суррогатов государственных денег. При наступившем катастрофическом обесценении советского рубля «утрачивалось всякое доверие к бумажным деньгам, и оборот стремился вовсе освободиться от них. Последнее наблюдалось особенно часто в деревне, которая прибегала к мене товаров без участия денег, отказывая в продаже своих продуктов за деньги. Местами же те или другие предметы широкого спроса выступали в роли орудий обмена; в этой роли большое значение приобрели

*) Перед денежной реформой 1922/4 гг. на территории Союза ССР обращались денежные знаки польские, турецкие, афганские, китайские, японские.

**) Д. Лоевецкий, Валютная политика СССР, Москва 1926, стр. 10/11.

мука и зерно, соль, мануфактура и др. товары»^{*)}). В эти годы обычно не только в разных районах, но даже и в одном и том же районе существовало по несколько эквивалентов. Эти товарные эквиваленты постоянно вели друг с другом борьбу за положение денежного, т. е. всеобщего и единого эквивалента. Так, в Москве в 1920 г. наиболее сильными претендентами на роль денег были соль и печеный хлеб. По свидетельству Вайсберга, «мы имеем все данные считать соль для Москвы 1920 г. масштабом цен, орудием обращения и средством накопления... Соль и по равномерности вздорожания, и по своим физическим свойствам выполняет все функции денег в натуральном товарообороте. Цена соли, вдобавок, устанавливалась и на такой абсолютной высоте, что в конце 1920 года с ней могли конкурировать только очень немногие товары. Она затмила собой и хлеб, и мясо, и картофель, и ржаную муку, и пшено. Соль сделалась редким и дорогим товаром, словом, почти «золотом своего времени»... Для 1928-1920 гг. наиболее сильными конкурентами на роль исполнителей некоторых функций денег являлись: печеный хлеб и соль. Не лишне вспомнить, что как раз на первый из этих продуктов предъявлял сильный спрос город, а на второй — деревня... По своим физическим свойствам, да и по степени равномерности в цене соль имела больше шансов, чем печеный хлеб, выполнять все функции денег»^{**)}).

В ряду этих орудий рыночного обращения первое место принадлежало ржаному рублю. В описании

^{*)} Наше денежное обращение, 1926, стр. 17. Ср. также «Денежное обращение и кредит в России и за границей», том I, 1914-1921 гг., Петроград-Москва 1922, стр. 439; Сокольников, Финансовая политика революции, том I, Москва 1925, стр. 111, 118, 226, 263; Вайсберг, Деньги и цены, Москва 1925, стр. 112/4.

^{**)} Вайсберг, Деньги и цены, стр. 119.

крестьянских бюджетов Украины за 1922/3 г. мы находим по этому поводу следующее замечание: «Нельзя сказать, чтобы ржаной рубль мог считаться устойчивым показателем, но фактически наше крестьянское сельское хозяйство, сильно натурализовавшееся в последние годы, все свои расчеты вело в ржаном рубле. И сейчас еще целые районы Украины все сделки заключают по ржаному рублю»*)).

Такую же роль ржаной рубль играл в РСФСР. В описании бюджетов 1922/3 г. Л. Литошенко принял за счетную единицу ржаной рубль: «В качестве ценностного измерителя нами избрана ржаная единица. Для крестьянского хозяйства это попрежнему наиболее употребительное и устойчивое мерило ценности**). Ржаной рубль был принят также в работе И. Степанова о крестьянских бюджетах Московской губ.***); ржаная единица — в двух таблицах отчета Народного Комиссариата продовольствия за 4 года работы****). Кое-где ржаной рубль проник также в промышленность. Так, Л. Юровский рассказывает, что в середине 1922 г. в топливной промышленности все издержки производства исчислялись в ржаных единицах, которые затем переводились в советские рубли по рыночной цене ржи. Такой же счет на ржаные единицы практиковался при заготовке лесоматериалов*****).

*) Очерки крестьянских бюджетов Украины, Харьков-Киев 1923, стр. 6.

**) Л. Литошенко, Крестьянский бюджет в 1922-23 году, Москва, 1923, стр. 5.

***) И. Степанов, 25 бюджетов крестьянских хозяйств Московской губ. (1922-23 г.) Москва 1925.

****) Четыре года продовольственной работы, Москва 1922, стр. 158-161.

*****) L. Jurowsky, Die Währungsprobleme Sowjetrusslands, Berlin 1925, S. 61.

Все эти натурально-ценностные единицы, — рожь, соль, ситец, керосин, подсолнечное масло, — носили местный характер, каждый местный рынок вырабатывал свою систему расценок и ее изменения во времени также происходили под влиянием местной рыночной конъюнктуры. Железные дороги в это время не перевозили частных грузов, груз этот, чтобы попасть на железную дорогу, должен был превратиться в багаж пассажира и помещаться в пассажирских вагонах. Создалась особая профессия лиц, перевозивших частные грузы по железным дорогам («мешечники»). Но они не могли поддерживать ту полноту связи между различными городами и территориями РСФСР и Украины, которая основывалась раньше на нормальных перевозках частных грузов в товарных вагонах. В результате, национальный рынок разложился на большое количество местных рынков, слабо между собою связанных. Формирование новых натуральных ценностных единиц происходило на этих рынках совершенно стихийно, и не только не пользовалось поддержкой советской власти, но даже встречало сопротивление с ее стороны, так как оно ослабляло потребность в советских денежных знаках и понижало доход ее от эмиссии. Кроме того, все эти натуральные денежные единицы имели большой объем и вес, хранение их было делом затруднительным, перемещение и перевозка — тоже, ценностные отношения подвергались значительным колебаниям. Они были гораздо менее совершенными натуральными формами денег, чем золото. Их формирование было прервано созданием червонца и червонного рубля, новых государственных бумажных денег с устойчивым курсом.

Если население нуждалось в эти годы в устойчивом орудии обращения, то органам хозяйственного управления и учета нужно было устойчивое в про-

станстве и во времени мерило ценности. В эти годы предложено было введение следующих ценностных мерил:

- 1) трудового мерила ценности,
- 2) стоимости пищевого пайка в 2700 калорий, и
- 3) товарного или довоенного рубля.

Для коммунистов истинным мерилом ценности являются не деньги, а труд. Можно было ожидать, что, овладев политической и экономической властью, они тотчас же введут новую единицу ценности. Эти ожидания не оправдались. Введение этого мерила ценности даже только в области национализированной промышленности хотя и было поставлено на очередь уже осенью 1919 г., но все откладывалось, и лишь в начале 1921 г. сделана была попытка ввести ее. Как рассказывается в сборнике, изданном народным комиссариатом финансов к III конгрессу Коммунистического Интернационала*), «утрата бумажным рублем значения устойчивого мерила ценности, препятствующая организации валютного учета государственного хозяйства, побудила Советское правительство предпринять опыт создания новой валютной единицы, специально для целей учета, что и было сделано постановлением Малого Совета народных комиссаров от 26 января 1921 г., возложившим эту задачу на Народный Комиссариат финансов. Выработанные Народным комиссариатом финансов на основании сего проекты декрета и положения**), заменяют денежную единицу, как счетную единицу в государственном хозяйстве, новой валютной (ценностной) единицей — трудовой. За единицу трудового учета принимается один нормальный

*) Социальная революция и финансы, Москва 1921, стр. 50/51.

**) Они опубликованы в издании Института экономических исследований при Комиссариате финансов «Денежное обращение и кредит в России и за границей», т. I, 1914-1921 гг., стр. 414-422.

рода работы («Тред»). Целью такого основанного на трудовой единице учета является обеспечение регулирующих хозяйственных органов наиболее точной и вполне сравнимой отчетностью, по которой можно было бы судить о рациональности хозяйственной организации и производительности труда во всех государственных учреждениях и предприятиях... Осуществление этой реформы не только сделает возможным действительный учет, но и заложит фундамент, на котором единственно возможно планомерное построение социалистического хозяйства».

Был даже назначен срок, — 15 апреля 1921 г., — когда все предварительные работы должны были быть закончены и этот переход на новый трудовой масштаб ценности должен был состояться. Оказалось, однако, что даже диктатура коммунистической партии бессильна сделать трудовую ценность фактом экономической жизни. Невязка между этой идеей и экономической действительностью оказалась настолько велика, что советская власть не решилась даже произвести эксперимент замены денежной единицы ценности трудовой.

Мысль о счете на пищевые пайки возникла в статистических учреждениях, занимавшихся изучением заработной платы рабочих крупной промышленности. В тяжелые 1919-1921 гг. рабочие тратили почти весь свой месячный заработок на покупку пищевых продуктов. Поэтому в эти годы пищевой индекс мог, без большой ошибки, заменять бюджетный и даже, с натяжкой, индекс розничных цен*).

Товарный рубль впервые появился в постановлении Совета народных комиссаров от 5 ноября 1921 г.

*) Материалы по статистике труда, вып. XIII, Москва, статья А. Г. Рашина.

о финансовом плане на 1922 год. Оно требовало, чтобы бюджет был «установлен в довоенных рублях». Затем было постановлено исчислить ставки всех налогов и сборов как государственных, так и местных в довоенных рублях (18.I.1922), исчислять тем же способом оплату за проезд пассажиров и перевозку грузов по железным дорогам (13.I и 25.II 1922) и т. д. Вскоре, однако, выяснилось, что подобное пользование индексами цен в хозяйственных сделках приводит к непреодолимым затруднениям. Во-первых, индексы цен никогда не дают нам знания движения цен на отдельные товары; они дают лишь народнохозяйственные средние величины движения на всю совокупность товаров в обращении. Во вторых, они всегда носят ретроспективный характер, констатируют уровень цен в прошлом. Торговый оборот, напротив, нуждается в таком орудии обращения, которое находилось бы в распоряжении каждого продавца и покупателя в момент заключения ими рыночной сделки. Поэтому, уже 30 марта 1922 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров постановили «отменить исчисление в довоенных рублях всех государственных и местных доходов и расходов; все тарифные расписания, поясные таксы и ставки государственных и местных налогов, пошлин, сборов, железнодорожные и водные тарифы, таксы за пользование почтой, телеграфом и др. услуги, оказываемые государственными органами, коммунальные услуги и пр. — устанавливать впредь в советских денежных знаках». Этим постановлением была ликвидирована попытка превратить товарные, довоенные или индексные рубли в орудие обращения. Ими можно было пользоваться только для народнохозяйственного учета и планирования. Это было понято Государственной плановой комиссией, и ее президиум 2 ноября 1922 г. признал, что правильный и

прочный хозяйственный расчет может быть построен только на основе товарного рубля, и постановил приступить к составлению общетоварного индекса цен. Контрольные цифры по народному хозяйству, издававшиеся Госпланом с 1925 г. по 1929/30 г., все построены на товарных или индексных рублях.

Как показывают собранные нами данные о состоянии денежного обращения в 1920-1922 гг., советская денежная система находилась в это время в состоянии полного разложения. Советский рубль был совершенно неспособен исполнять функции орудия накопления и орудия платежа, и чрезвычайно плохо исполнял функции орудия обращения.

Коммунистическая партия не имела готовой программы по вопросам денежного обращения. Ленин в конце сентября 1917 г., — за месяц до октябрьского переворота, — почему-то выдвинул на первое место задачу «возвращения в казну многих миллиардов бумажных денег, скрывааемых богачами». Он хотел, чтобы рабочие и крестьяне установили действительный и универсальный контроль за богатыми, «который вернул бы казне выпускаемые ею бумажные деньги от тех, кто их имеет, от тех, кто их прячет», которые без этого контроля «запасы бумажек не сдадут «под отчет» демократического государства»^{*)}. Что это наивное требование было не демагогией, а серьезным программным выступлением, показывает речь Ленина на первом Съезде представителей финансовых отделов в мае 1918 г. В своем докладе Ленин сказал относительно денежного обращения следующее: «Деньги, бумажки, — все то, что называется теперь деньгами, — эти свидетельства на общественное благосостояние действуют разлагающим образом и опасны тем, что буржуазия, храня запасы этих бумажек, остается при

^{*)} Собрание сочинений, том XIV, часть II, стр. 131 и 205.

экономической власти. Чтобы ослабить это явление, мы должны предпринять строжайший учет имеющихся бумажек для полной замены всех старых денег новыми. Несомненно, что на пути проведения этой меры нам придется столкнуться с чрезвычайными экономическими и политическими трудностями... Мера эта, несомненно, встретит сильнейшее противодействие не только со стороны буржуазии, но и со стороны деревенских кулаков, разбогатевших на войне и зарывших в землю бутылки, наполненные тысячами бумажных денег... Мы встретимся грудь с грудью с классовым врагом. Борьба будет тяжелая, но благодарная борьба. Среди нас нет сомнений, что нам надо взять на себя все тяготы этой борьбы, ибо она необходима и неизбежна... Это будет последний решительный бой с буржуазией»*)).

На этом съезде выступал также Главный комиссар Народного Банка Спунде, который отметил в своей речи, что в капиталистическом строе денежное обращение построено на металлической основе, благодаря чему деньги были источником привилегий и преимуществ. Задача же советской власти перейти к бумажно-денежному обращению. Все драгоценные металлы при таком обращении становятся обыкновенными товарами, которые послужат фондом для расчетов с заграницей**).

Если Ленин жаждал отобрать у буржуазии бумажные деньги, то Спунде привлекали только золото и иностранная валюта. Его речь определенно вела к установлению государственной монополии на золото и серебро в монетах, слитках и даже изделиях и на иностранную валюту. По декрету от 14 декабря 1917 г. о ревизии сейфов, золото в слитках и изделиях под-

*) Денежное обращение и кредит в России и заграницей, том I, 1914-1921 гг., стр. 448/9.

**) Там же, стр. 447/8.

лежало конфискации. 18.VII.1918 был издан декрет о борьбе со спекуляцией, ст. 8 которого устанавливает, что «виновный в неразрешенном законом сборе, покупке или хранении платины, или серебра, или золота в сыром виде, в слитках или в монете, подвергается наказанию лишением свободы на срок не ниже 10 лет, соединенным с принудительными работами и конфискацией всего имущества». Закон, следовательно, запрещал хранение драгоценных металлов в монете и слитках, обязывал сдавать их государству и запрещал их покупку, под страхом крайне тяжкого наказания. Декрет о реквизициях и конфискациях от 25.VII.1920 прибавил к монете и слиткам также изделия, оставляя во владении граждан золотых изделий до 18 зол. на одно лицо, серебряных — до 3 фунтов. Декретом 6.IX.1921 была установлена монополия Народного комиссариата финансов на покупку золота и платины, переданная затем Государственному Банку.

Положение с иностранной валютой было определено постановлением Нар. Ком. Финансов от 3.X.1918, установившим контроль над всеми сделками, влекущими за собой денежные переводы за границу; все лица и учреждения обязывались этим постановлением сдать в двухнедельный срок со дня его опубликования всю имеющуюся в их распоряжении валюту Особой канцелярии по кредитной части; равным образом подлежала сдаче вся иностранная валюта, которая может в будущем поступать в распоряжение частных лиц, фирм или правительственных учреждений. От сдачи освобождались только те количества иностранной валюты, которые были предназначены на определенные надобности по соглашению с Нар. Ком. Финансов. Декрет 17.X.1921 предусматривал обязательную сдачу иностранной валюты, декрет 6.IX.1921 устанавливал монополию Нар. Ком. Финансов (переданную затем Госуд. Банку), на ее покупку.

Дальнейшее развитие денежная политика советской власти получила после назначения на пост народного комиссара финансов Н. Крестинского осенью 1918 г. Содержание новых мероприятий определялось § 15 экономической части программы коммунистической партии, принятой в 1919 г., в котором сказано: «В первое время перехода от капитализма к коммунизму, пока еще не организовано полностью коммунистическое производство и распределение продуктов, уничтожение денег представляется невозможным. При таком положении буржуазные элементы населения продолжают использовать остающиеся в частной собственности денежные знаки в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся. Опираясь на национализацию банков, российская коммунистическая партия стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготовляющих уничтожение денег». Комиссариат финансов в одном из своих изданий*) следующим образом формулировал свою программу в области денежного обращения в 1918 — начале 1921 гг.; «приспособить свою деятельность и свои учреждения к диктовавшейся гражданской войной необходимости свободного использования системы эмиссионного хозяйства с предвидением постепенного обесценения и в конечном результате полного исчезновения денег». По свидетельству Л. Юровского, в годы коммунистической политики «намерение выбросить всякие деньги из хозяйственного оборота составляло официально провозглашенное содержание денежной политики государственной власти»; в эти годы происходило отмирание денежного хозяйства, которое «и составляло прямую задачу экономической политики. Советская власть строила хозяйственную систему, в которой

*) Социальная революция и финансы, 1921, стр. 42.

деньги в старом смысле слова не были нужны, и после некоторых колебаний она стала прямо ориентироваться на отмену денег»^{*)}). В ее действиях сквозит даже уверенность в том, что неограниченная эмиссия денежных знаков, разрушая денежную систему и товарно-денежное хозяйство, является созидательным началом в отношении хозяйства коммунистического.

И, во всяком случае, неограниченный рост бумажно-денежной эмиссии и цен, по мнению хозяйственников, никакой опасности для народного хозяйства Союза ССР не представлял. В сборнике «Социальная революция и финансы» мы находим по этому вопросу следующие замечания: «Если социалистическое хозяйство будет долго сожительствовать с мелко-буржуазным хозяйством, если вольный рынок будет долго держаться, то, если не на все время существования вольного рынка, так на значительный период его существования, социалистическое государство будет иметь возможность получать часть продуктов мелко-буржуазного производства путем выпуска бумажек, присоединяя каждый год по нулю или больше к номинальным стоимостям своих бумажных денег. То, что сегодня стоит рубль, на следующий год будет стоить десять, потом сто, потом тысячу и т. д. Если печатный станок работает хорошо, то в присоединении нулей правительство ничем не ограничено. Можно писать на бумажке 10 рублей — 10 миллионов и платить эти 10 миллионов за фунт луку или шнурки для ботинок на вольном рынке... Ничего страшного нет в этом для социалистического государства, имеющего ясное представление о всем хозяйстве страны в его целом и неспособного поддаваться панике от роста цен»^{**)}).

^{*)} Юровский, Денежная политика советской власти, стр. 300 и 76.

^{**)} Социальная революция и финансы, стр. 6-7.

Именно для людей, понимающих народно-хозяйственную связь явлений, уплата 10 миллионов рублей за фунт луку свидетельствует о полном разложении денежной системы, о полной утрате деньгами способности быть орудием накопления и платежей, и почти полной — быть орудием обращения. Если за фунт лука приходится платить 10 миллионов рублей, то подобный уровень цен свидетельствует, что денежная система находится в состоянии разложения, что в народном хозяйстве идет уже формирование новых денежных единиц не-государственного характера с более или менее устойчивым курсом. Значит, страна уже пережила все ужасы безбрежной инфляции и отсутствие здорового денежного обращения подорвало ее производительные силы.

В деле этой ликвидации системы эмиссионного хозяйства руководящая роль принадлежала новой экономической политике, которая в 1921/2 г. пришла на смену системы коммунистической народнохозяйственной политики. Исходным пунктом ее была замена продовольственной разверстки, оставлявшей крестьянину только паек для пропитания семьи, продовольственным налогом, при котором все продукты крестьянского хозяйства, за уплатою налога, оставались собственностью крестьянина. Вводя продовольственный налог, Ленин преследовал цель создания у крестьян стимула к повышению производительности хозяйств. Он думал первоначально, что для циркуляции крестьянских излишков достаточно будет разрешить натуральный продуктообмен на местном рынке. Организация этого продуктообмена между промышленностью и сельским хозяйством, городом и деревней была поручена Центр. Союзу потребительных обществ (Центросоюзу), давно переставшему быть кооперативной организацией. Для установления ценностных отношений между продуктами были созданы Эквива-

лентные Комиссии в центре и на местах; они собирали сведения о довоенных и современных рыночных ценах и другие материалы, и вырабатывали проекты таблиц эквивалентных отношений между основными видами сельскохозяйственных продуктов. Народный комиссариат продовольствия утверждал их. Примером подобных таблиц может служить следующая, для Ростова на Дону:

1 аршин ситца		20 фунтов пшеницы	
1 пуд весового мыла	13 п.	20 „	„ *)
100 штук папирос		27 „	„
1 пачка спичек		13½ „	„
Ведро крашенное	1 п.	20 „	„
Коса	3 пуда		„
Серп английский		31½ „	„

Ста весовым единицам пшеницы считались эквивалентными 135 единиц овса, 200 ед. кукурузы, 135 ед. картофеля, 135 ед. проса, 50 ед. говядины, 40 ед. свинины и т. д. В других местах основной ценностной единицей была не пшеница, а другие продукты.

Проведение продуктообмена оказалось, как показал опыт, неосуществимым. По свидетельству Л. Н. Юровского, «затруднения заключались, как и следовало ожидать, во-первых в том, что бесконечно трудно было установить великое множество ценностных отношений, несмотря на то, что в то время вопрос о качестве товаров считался второстепенным, и во-вторых в том, что для сделки нужна была встреча покупателя и продавца, способных удовлетворить друг

*) Русский пуд равен 16,38 килограмм, фунт — 0,41 кг., золотник — 4, 266 граммов, аршин — 0,71 метра

друга*»). Продуктообмен наглядно показал всем и каждому, каким крупнейшим народнохозяйственным достижением является денежная форма торговли. В результате, Совет Народных Комиссаров постановлением от 26.X.1921 отменил обязательный непосредственный продуктообмен и обязательные эквиваленты. Эта форма обмена, которой Ленин и коммунистическая партия придавала такое большое принципиальное значение, в полгода исчерпала себя**).

Постановление Совета Народных Комиссаров легализовало вольный рынок и деньги. Если раньше государственные хозяйственные организации допускались на рынок только для покупки продуктов сельского хозяйства, кустарного и ремесленного производства (декреты СНК от 16.VIII и 4.X.1921), то теперь им было разрешено также выступать на рынке в качестве продавцов своей продукции (декрет СНК от 27.X.1921). Конституирование и легализация вольного рынка привели и к легализации денег. Если в период коммунистической политики материальные блага должны были переходить от производителей к потребителям по ордерам, в порядке государственного распределения, и деньги считались отжившим институтом, то теперь эти блага вновь превратились в товары, движение которых обуславливается не выдачей ордера на них, а наличием у населения платежеспособного спроса и денег.

Но деньги были необходимы не только для процесса циркуляции и распределения произведенных материальных благ, они нужны были также для процесса их производства. Новая экономическая политика

*) Л. Юровский, Денежная политика советской власти, стр. 131.

**) Юровский, там же, стр. 135.

требовала, чтобы производство велось на началах хозяйственного расчета, — точного калькулирования и покрытия издержек производства. Для правильного коммерческого ведения промышленных предприятий необходим был ценностной учет, — не в форме таблиц эквивалентных отношений, создавшихся при натуральном продуктообмене, а в денежной форме. Уже четвертый Всероссийский съезд Советов народного хозяйства в мае 1921 г. признал, что «правильность учета, как народного хозяйства в целом, так и отдельных его элементов, не достигается одним лишь количественным учетом, а может быть достигнута только при наличии твердой единицы измерения, т. е. путем валютного учета*, и постановил поэтому «считать необходимым принятие со стороны соответствующих хозяйственных органов срочных мер по установлению твердой единицы ценностного измерения».

IX съезд Советов, состоявшийся в декабре 1921 г., признал по докладу народного комиссара финансов Крестинского, что устойчивая денежная валюта «абсолютно необходима, как для торгового оборота в мелком хозяйстве, так и для проведения хозяйственных расчетов в государственных предприятиях», и возложил на народный комиссариат финансов задачу «осуществить с наибольшим напряжением сил и наибольшей быстротой сокращение и впоследствии прекращение эмиссии и восстановление правильного денежного обращения на основе золотой валюты».

Постановление это Крестинский комментировал следующим образом: «Съезд констатировал, что не только развитие обмена между пролетарским государством и мелкими городскими и деревенскими производителями, но и правильная коммерческая постановка крупной государственной промышленности невозможны без стабилизации курса наших бумажных де-

нег на основе восстановления золотого обеспечения и впоследствии золотого обращения»*)).

Новая политика в области денежного обращения заключала в себе следующие основные мероприятия:

1) Установление налоговой системы покрытия государственных расходов и уничтожение бюджетных дефицитов, покрываемых эмиссией бумажных денег.

2) Введение устойчивого бумажного денежного обращения, опирающегося на золото, с тенденцией к переходу к золотому обращению.

3) Уничтожение государственной монополии на золото в слитках.

4) Установление котировки новых устойчивых денег на иностранных биржах и свободы хранения и обращения иностранных валют внутри страны.

Устранение бюджетных дефицитов, покрываемых эмиссией бумажных денег, оказалось делом очень трудным. Эмиссия быстро обесценивающихся советских рублей давала большие поступления, и отказаться от такой значительной статьи государственных доходов сразу нельзя было; это обстоятельство сильно задерживало проведение денежной реформы. Червонцы появились в обращении только в декабре 1922 г., декреты о выпуске казначейских рублей и разменной монеты были изданы в феврале 1924 г.; государственная монополия на золото была отменена 4.IV.1922.

*) Н. Крестинский, Финансы и бюджет, 1922, стр. 31. Впоследствии у хозяйственников-коммунистов установилось еще более положительное отношение к деньгам. Они признали в 1930-х гг., что торговля и деньги «в условиях пролетарской диктатуры коренным, принципиальным образом меняют свое назначение, превращаясь в мощное орудие пролетарской диктатуры и имея огромное значение в деле построения социализма, в борьбе с капитализмом». Этапы экономической политики СССР, под редакцией Вайсберга, Квининга, Савельева. Институт экономики Коммунистической Академии. Партийное издательство, 1934, стр. 290.

Таким образом, между временем действия эмиссионной системы денежной политики и моментом осуществления денежной реформы образовался переходный период продолжительностью более года. Первые годы советского управления денежной единицей служил советский рубль, покупательная способность которого быстро падала, и усердно насаждался натуральный продуктообмен. Затем, с ноября 1921 г. по декабрь 1922 г. денежной единицей служил советский рубль и в то же время в обращении появилось много золотой монеты, особенно после отмены государственной монополии на золото в апреле 1922 г. В начале декабря 1922 г. в обращении появились первые бумажные червонцы; к сентябрю 1923 г. червонец настолько овладел экономической жизнью, что все сделки и обязательства заключались в червонной валюте, а не в советских рублях. Но купюра червонца, 10 руб., была слишком высокой для торгового оборота; поэтому при нем находил себе место и советский рубль, в качестве мелкого денежного знака. Введение рублевых червонных купюр и разменной монеты в феврале 1924 г. завершило реформу денежного обращения.

Лишь осенью 1923 г. червонная валюта настолько вошла в хозяйственную жизнь, что могла стать основой для калькуляции издержек производства и цен и сделать хозяйственный расчет реальным фактором народно-хозяйственной жизни. До тех пор отсутствие устойчивой валюты сильно мешало проведению в жизнь начал новой экономической политики.

Начало денежной реформы положил декрет 11 октября 1922 г., сделавший Государственный Банк эмиссионным банком, выпускавшим банковые билеты для своих коммерческих операций. Ему разрешено было также эмиттировать билеты для выдачи краткосрочных ссуд Государственному Казначейству при условии

их обеспечения драгоценными металлами не менее, чем на 50%. Банковые билеты для коммерческих операций обеспечивались не менее чем на 25% драгоценными металлами и устойчивой иностранной валютой по курсу ее на золото, а в остальной части — легко реализуемыми товарами, краткосрочными векселями и иными краткосрочными обязательствами. Червонец приравнивался 1 зол. 78,24 долям или 7,7423 граммам чистого золота, т. е. 10 рублям в прежней российской золотой монете (чекана 1899 г.). Начало размена банковых билетов на золото должно было быть установлено в дальнейшем особым правительственным актом. Декрет никого не обязывал принимать банковые билеты в платеж по денежным обязательствам; он установил лишь, что они принимаются по их нарицательной цене в уплату государственных сборов и платежей в тех случаях, когда по закону платежи взимаются в золоте, и, кроме того, Государственный Банк обязывался (Наказ Госбанку, гл. III) беспрепятственно обменивать банковые билеты на советские денежные знаки, остававшиеся законным платежным средством. Госбанку было предоставлено право требовать возврата ссуд, выданных банковыми билетами, и погашения обязательств, выраженных в банковых билетах, банковыми же билетами.

После издания этого декрета и выпуска первых червонцев, денежное обращение Советской России представляло собой систему двух валют, устойчивой и падающей, причем падающая валюта сохранила за собой права законного платежного средства, обязательного к приему, новая же устойчивая валюта этих прав не получила. Ценностное соотношение между этими двумя валютами не было фиксировано в законе и оставалось свободным. Основной причиной, вследствие которой были сохранены советские денежные знаки, была невозможность отказа в то время от

эмиссии бумажных денег, покрывавшей значительный бюджетный дефицит. После внедрения червонца в хозяйственную жизнь он стал если не де юре, то де факто общепризнанным платежным средством, так что расплата червонцами по всякого рода денежным обязательствам перестала встречать какие либо возражения со стороны получателей банкнот. Билеты Государственного Банка фактически стали исполнять все функции денег*).

В это время покупательная способность советского рубля падала в течение месяца в %% к предыдущему месяцу:

1923, январь	— июнь	134%
июль	— декабрь	191
1924, январь	— февраль	340

Такие темпы обесценения советской легальной валюты должны были вызвать массовое бегство населения от нее к червонцу. Пользование советскими рублями, таявшими в руках держателя, было крайне невыгодным, убыточным. Из этих потерь держателей советских рублей складывался эмиссионный доход казны.

Первые месяцы своего существования червонец был валютой для крупных государственных промышленных предприятий и железных дорог. Их нужно было освободить от несения убытков при взаимных расчетах, поскольку они производились в падающей валюте советских рублей, и от участия в оплате эмиссионных доходов казны. Доходы национализированных промышленных предприятий казна могла взять себе другим, гораздо более прямым путем. Эмиссию же должны были оплачивать исключительно частные

*) Наше денежное обращение, Москва 1926, стр. 26.

промышленные и торговые предприятия. Если до появления червонца крупная национализированная промышленность участвовала в несении тягот по оплате эмиссионных доходов казны, то выпуск червонца снял эту тяжесть в ее плеч и переложил ее полностью на плечи частного сектора народного хозяйства, — ремесленников и торговцев, крестьян, рабочих и советских служащих. Чтобы сохранить эмиссионный доход казны неприкосновенным, народный комиссариат финансов в начале 1923 г. сопротивлялся выходу червонца за границы круга национализированных предприятий. Лишь в апреле 1923 г. червонец получил широкое распространение среди городского населения и перестал быть привилегированной валютой государственных торгово-промышленных предприятий. Червонец стал городской валютой, тогда как деревня продолжала пользоваться советским рублем; оплата эмиссионного дохода государственного казначейства была переложена на плечи крестьян. В это время, по свидетельству Л. Н. Юровского, «создались совершенно ненормальные отношения между городом и деревней. Более зажиточный слой крестьянства имел уже червонцы, но для крестьянской массы червонец был слишком дорог и недоступен. Он оставался еще редкостью в деревне. Оказалось, что червонец стал преимущественно городской валютой, а деревня осталась преимущественно при советском денежном знаке. Но крестьянство прониклось уже сознанием, что получить советский денежный знак за товар — весьма невыгодная операция. Ему пришлось делать то, что давно уже делал город. Оно продавало свои продукты лишь в той мере, в какой выручка могла быть немедленно обращена на покупку необходимых ему предметов. На базаре крестьянин сперва приценивался к гвоздям, ситцу и т. п., и потом продавал ровно столько продуктов, сколько необходимо было для покупки

фунта гвоздей или 5 аршин ткани. Он мог бы продать 10 пудов льна, но он привозил на базар только 1 пуд, из которого он 20 фунтов вез еще обратно в деревню. Подвоз сельскохозяйственных продуктов стал сокращаться. Цены сельскохозяйственных продуктов возрастали *).

Это повышение цен было попыткой крестьян переложить часть оплаты эмиссии советских рублей на плечи национализированной промышленности и горожан.

Лишь в октябре 1923 г. червонец широко проник в деревню. С этого времени ликвидация советского знака была предreshена в ближайшее время. Червонец, не имевший прав законного платежного средства, стал фактически национальной валютой. Советский рубль, бывший легальной валютой, быстро вытеснялся им из народнохозяйственного оборота.

Вполне овладеть товарным рынком червонцу мешала его высокая купюра = 10 руб. Из-за нее в сфере розничной торговли царствовал советский рубль. Нужно было создать устойчивый денежный знак мелких купюр. Задача эта была разрешена декретом о выпуске государственных казначейских билетов достоинством в 5 руб., 3 руб. и 1 руб. от 5 февраля 1924 г., и разменной серебряной и медной (бронзовой) монеты от 22 февраля 1924 г. Казначейские билеты не обеспечивались ни золотом, ни иностранной валютой; до 1 июля 1924 г. они выпускались частью для покрытия бюджетного дефицита. Единственное ограничение их выпуска заключалось в том, что он не должен был превышать 50% выпущенных Государ-

*) Л. Юровский, Денежная политика советской власти, стр. 255/6.

ственным Банком червонцев*). Это ограничение должно было явиться предохранительным средством от опасности инфляции.

От советских рублей казначейские билеты унаследовали функции законного платежного средства. Выписаны были она на золото, и должны были приниматься всеми учреждениями, предприятиями и лицами в качестве законного платежного средства по своей нарицательной стоимости в тех случаях, когда размеры платежа были исчислены в золоте или по официальному курсу золотого рубля, когда платеж исчислен был в советских денежных знаках. Но в декрете 5.II.1924 не было указано, какое количество золота заключает в себе казначейский билет в 1 рубль золотом. Не указано было также, в каком отношении стоит казначейский рубль к червонцу.

Это отношение было зафиксировано в порядке административных мероприятий. 7.II.1924 Государственный Банк объявил о приеме казначейских билетов в платежи из расчета: 1 червонец равен 10 рублям казначейскими билетами. Народный комиссариат финансов предписал своим кассам принимать казначейские билеты из этого же расчета. Таким образом, золотое содержание казначейского билета в 1 рубль установлено лишь де факто, практикой Государственного Банка и комиссариата финансов. В любой момент эта практика могла быть изменена: советская власть в своих декретах не фиксировала золотого содержания казначейских билетов.

Денежной единицей, установленной декретом 5.II.1924, был рубль золотом государственных казначейских билетов. С появлением этой новой денежной единицы утратили значение легальных платежных средств и советский рубль, и товарный, довоенный

*) 1.VIII.1928 эта предельная норма повышена до 75%, в 1930 г. до 100%.

или индексный рубль. Совет Труда и Оборона 29 февраля 1924 г. принял постановление о запрещении после 1 марта 1924 г. заключать договоры и выдавать обязательства в товарных рублях.

По свидетельству народного комиссара финансов Г. Сокольникова, руководившего денежной реформой, «в начале Государственный Банк выпустил червонец на уровне фунта стерлингов»^{*)}). Когда Витте проводил денежную реформу 1897 г., он прежде установил мерами девизной политики курс бумажного рубля на намеченной высоте, затем укрепил его де факто и уже затем легализировал его изданием соответствующего закона. В 1922-1924 гг. подобная фиксация покупательной силы советского рубля была невозможна. В конце 1922 г. рубль золотом имел покупательную способность 21 миллиона советских рублей, 1 марта 1924 г. — уже 62 миллиарда советских рублей. При таком падении покупательной силы советской валюты никакими мерами девизной политики нельзя было установить устойчивый курс советского рубля, как подготовительную меру к денежной реформе; советскому рублю нужно было дать совершенно обесцениться, умереть, и строить новую червонную валюту на пустом месте. Так и поступил Г. Сокольников.

Новая денежная политика, установив положительное отношение к деньгам и денежному обращению, должна была отменить государственную монополию на золото. Как рассказывает Д. Лоевский, «переход к новой экономической политике вызвал стихийно к жизни валютный рынок, и раньше, чем были найдены соответствующие формы регулирования его, приходилось терпеть существовавший почти

^{*)} Сокольников, Финансовая политика революции, т. II, стр. 79.

не регулированный валютный рынок, операции которого не находили себе никаких легальных форм в пределах наших старых законов. У нас, таким образом, в течение известного периода времени существовал порядок почти полной фактической свободы валютных операций»^{*)}). Рынок этот достиг довольно значительных размеров. Первым декретом, его регулировавшим, был декрет от 4.IV.1922, отменивший обязательную сдачу государству имеющихся у населения золота, серебра, платины и металлов платиновой группы в изделиях, слитках и монете, а равно драгоценных камней и иностранной валюты; допустивший свободное распоряжение указанными выше металлами в изделиях и слитках и драгоценных камнями, но сохранивший за Государственным Банком монопольное право на покупку и продажу золотой, серебряной и платиновой монеты и иностранной валюты. Учрежденные 20.X.1922 фондовые биржи и фондовые отделы при товарных биржах получили право торговать благородными металлами в слитках и иностранной валютой. Декрет 23.II.1923 несколько конкретизировал постановления предыдущих декретов. Таким образом, и после перехода к новой денежной политике государство сохранило монополию на покупку и продажу золотой монеты старого чекана. В действительности монополия эта не соблюдалась, и на частном рынке операции по покупке и продаже золотых монет совершались совершенно свободно. Ограниченные размерами частного рынка, операции эти не представляли опасности для государственной валюты.

Как мы видели выше, по отношению к иностранной валюте декрет 4.IV. 1922 отменил обязательство

^{*)} Д. Лоевский, Валютная политика и валютное законодательство, 1923, стр. 28.

ее сдачи государству, но сохранил за Государственным Банком монопольное право на ее покупку и продажу. Согласно декрету от 15.II.1923, государственные и кооперативные предприятия и учреждения обязаны были держать всю свою иностранную валюту в Государственном Банке или других кредитных учреждениях; при продаже ее, они обязаны были предложить ее Государственному Банку, которому принадлежало право ее преимущественной покупки; им было запрещено производство и прием платежей в иностранной валюте. Обязанность держать эту валюту в Государственном Банке распространялась и на частных лиц, получивших ее за экспортированные товары. 20.VII того же года ограничения по обращению иностранной валюты внутри страны были еще более усилены. Государственные, коммунальные и кооперативные предприятия и учреждения были обязаны, для покупки и продажи валюты, получать разрешение Особого Валютного Совещания при Народном Комиссариате финансов. Обязательство это распространялось также на частные предприятия, обязанные публичной отчетностью. Та валюта, которая поступала в распоряжение частных лиц в результате операций на внутреннем рынке, не подлежала никакому учету и распоряжение ею было совершенно свободно.

В это же время был разрешен вывоз за границу и привоз из заграницы валютных ценностей. В апреле 1922 г. был разрешен вывоз на каждое выезжающее за границу лицо, без особого на то разрешения, не свыше 50 руб. золотых по курсу Государственного Банка. В апреле 1923 г. эта цифра была повышена до 200 р. золотом для главы семьи и 100 р. — для членов его семьи, записанных в его паспорт; кроме того, за границу было разрешено переводить деньги до 200 рублей не чаще одного раза в два месяца. В сентябре 1924 г., учитывая рост общего уровня жизни,

законодатель повысил норму свободного вывоза денег на одно лицо до 300 р., на членов семьи до 150 р., и норму переводов до 200 руб. в месяц. Всякий вывоз или перевод сверх указанных норм возможен был только с разрешения Особого Валютного Совещания. Декрет 9.VIII.1922 разрешал свободный привоз из заграницы золотой и серебряной монеты, иностранной валюты и российских бумажных денежных знаков всех имеющих хождение в РСФСР образцов.

Наконец, Государственному Банку удалось достигнуть принятия червонца и котировки на некоторых иностранных биржах. В 1924 г. он котировался в Риге, Ревеле и Харбине; в 1925 г. к этим трем биржам прибавились еще биржи Рима, Константинополя и Ковно. Кроме того, на червонец устанавливались курсы на рынках Тегерана, Мешхеда и Кульджи*). Это было большим успехом Государственного Банка и комиссариата иностранных дел; но дальше на запад, на рынки Лондона, Парижа, Берлина и Нью-Йорка червонцу проникнуть не удалось.

Эти связи, завязывавшиеся между денежной системой Союза и денежными рынками других стран, были внезапно оборваны Госбанком в 1926 г., и червонец перестал котироваться на европейских биржах.

Произошло это следующим образом. Государственный Банк производил на внутреннем рынке операции с иностранной валютой и до, и после реформы 1924 г., все время увеличивая свои запасы валюты. Но в апреле 1925 г. в этих операциях наступил перелом; на внутреннем рынке оказался избыток червонцев, и их понесли в Государственный Банк, покупая на них иностранную валюту. Банку следовало прекратить эмиттирование банкнот и даже снизить их ко-

*) Наше денежное обращение, стр. 237/8.

личество в обращении. Вместо этого эмиссия червонцев с июня была усилена, достигнув максимума в августе (100 м. руб.) и октябре (96 м. руб.). Государственный Банк до конца 1925 г. и в первые два месяца 1926 г. продолжал нести большие потери золота и иностранной валюты. Запасам золота и иностранной валюты в Государственном Банке начала угрожать серьезная опасность, и Банк вынужден был отказаться от поддержания курса червонца на внутреннем рынке. Уже в 1925 г. частная торговля золотом и валютой в административном порядке была сведена до минимальных размеров, так что частный валютный рынок с весны 1925 г. почти перестал существовать*). Эта мера не остановила утечки золота и иностранной валюты из Государственного Банка; поэтому, в марте 1926 г. Банк вынужден был прекратить продажу частным лицам золота и валюты. С этих пор Банк продавал иностранную валюту только для платежей по импортным операциям и лицам, выезжающим за границу. Банк начал возвращаться к монополии на золото и валюту.

После падения покупательной силы червонца на внутреннем рынке, стало невозможным содействовать его дальнейшему проникновению за границу. Такая политика привела бы Государственный Банк к большим потерям иностранной валюты. Поэтому 9.VII.1926 был запрещен вывоз за границу банкнот, казначейских рублей и металлической разменной монеты, а равно выписанных в валюте Союза чеков и других платежных документов, за исключением тех количеств, которые нужны для расчетов по внешней торговле. 21.III.1928 был запрещен также ввоз советских денежных

*) Юровский, Денежная политика советской власти, стр. 365.

знаков из заграницы, за исключением азиатской границы Союза.

Таков был результат первой, к тому же незначительной инфляции, пережитой червонной валютой. Она потеряла принадлежавшую ей в течение некоторого времени способность размена на золото. С этих пор червонная валюта утратила паритет покупательной силы с золотом; курс ее на легальном уровне поддерживался лишь благодаря монопольной системе хозяйства Союза ССР.

Как правильно заметил Л. Н. Юровский, «если государство владеет валютным рынком, то оно владеет и курсом своей валюты. Следовательно, оно может поддерживать такой курс валюты, который не совпадает с ее паритетом покупательной силы. Своеобразие советской денежной системы, взятой в условиях существующей хозяйственной обстановки, заключается в том, что курс советской валюты может быть установлен независимо от ее покупательной силы»^{*)}. По словам проф. М. Боголепова цена в СССР по своему строению — принципиально отлична от цены рынка, на котором господствует стихийный закон спроса и предложения. Советская цена в пределах обобщественного сектора устанавливается государственной властью и сама по себе представляет выраженный цифрой план, определенную директиву. Этот план и директива заключаются в том; что цена перераспределяет народный доход в интересах социалистического строительства»^{**)}.

С динамикой количества в обращении червонных банкнот, казначейских билетов и разменной металли-

^{*)} Юровский, там же, стр. 313.

^{**)} М. Боголепов, Финансы на перевале второй пятилетки, Плановое хозяйство, 1935, кн. IV, стр. 98.

ческой монеты нас знакомит следующая таблица (в миллионах рублей)†);

	банкноты (червонцы)	казначейские билеты	металли- ческие монеты	всего
1923, 1 янв.	3,6	—	—	3,6*)
1924 „ „	237,2	—	—	246,8*)
1925 „ „	410,8	257,0	74,9	742,7
1926 „ „	726,6	387,7	149,6	1.269,3
1927 „ „	796,7	397,6	160,0	1.354,3
1928 „ „	1.002,9	479,8	185,1	1.667,8
1929 „ „	1.090,7	730,4	206,8	2.027,8
1930 „ „	1.501,0	1.028,2	243,8	2.773,0
1931 „ „	2.080,4	1.946,3	275,3	4.302,0
1932 „ „	2.784,4	2.577,5	311,4	5.673,3
— 1 июля	2.925,0	2.922,0	332,0	6.179,0
1933, 1 янв.	—	—	—	8.413
— 1 июля	3.356,2	3.102,6	366,2	6.825,0
1934, 1 янв.	3.432,5	3.069,0	368,5	6.870,5
1935 „ „	3.838,4	3.499,0	396,3	7.733,7
— 1 апреля	3.978,0	3.500,9	400,4	7.879,3
1936, 1 апреля	5.935,0	3.501,0	400,4	9.836,4
1937, 1 янв.	8.020,0	2.800,0	435,6	11.255,6

†) Данные эти взяты нами из «Статистических Ежегодников народного комиссариата финансов» за 1923-1927 гг.; *Monthly Review issued by Moscow Narodny Bank, London 1932-1935*; Государственный Банк СССР к VII Всесоюзному съезду Советов, Москва 1935, стр. 16; A. Arnold, Banks, Credit and Money in Soviet Russia, New York 1937, pp. 408-415; S. Gashkel, Le mécanisme des finances Soviétique, Paris 1946, p. 104.

*) Весь 1923 г. и первые месяцы 1924 г. наряду с червонной валютой в обращении участвовали и советские рубли.

Целью денежной реформы 1924 г было установление валюты, основанной на золотом стандарте. В 1924 и 1925 гг. комиссариат финансов вполне последовательно работал над осуществлением этой цели; ему удалось даже достигнуть котировки червонного рубля на некоторых второстепенных европейских биржах. В 1926 г. ему пришлось отказаться от этой основной цели денежной реформы; чрезмерные выпуски банкнот и казначейских знаков породили инфляцию, усилившуюся затем в 1928 г., во время продовольственного кризиса, и в 1930 г. под влиянием упадка сельского хозяйства, вызванного его принудительной коллективизацией.

О падении покупательной силы червонного рубля в эти годы свидетельствует рост индекса оптовых цен в ценах 1913 г. и текущих ценах соответствующих лет:

	в ценах 1913 г.	в текущих ценах
1913	100	—
1924/5	128,8	100
1925/6	149,9	116,4
1926/7	152,3	118,2
1927/8	156,9	121,8
1928/9	161,4	125,8
1930	189,4	147,0
1931	197,5	153,3

После 1931 г. публикация индекса оптовых цен была прекращена, и о последующем направлении и силе изменения цен мы можем судить только по отношению между количеством денег в обращении и размерами оборотов розничной торговли (в миллионах советских рублей):

	денег в обра- щении	розничная торговля	число оборо- тов денежных знаков
1928	1.847,8	15.507	8,4
1929	2.400,4	17.417	7,3
1930	3.537,5	19.920	5,6
1931	4.987,7	27.465	5,5
1932	6.938,8	47.857	6,9
1933	7.641,5	61.289	7,9
1934	7.301,9	75.815	10,4
1935	7.879,3*)	96.212	10,9
1936	9.836,4*)	122.368	12,4

До 1932 г. денежное обращение росло быстрее торгового оборота, который под влиянием произведенного принудительной коллективизацией упадка крестьянского хозяйства, рос в 1928-1931 гг. замедленным темпом; значительный выпуск бумажных денег в эти годы привел к росту инфляции и уменьшению числа торговых оборотов денежных знаков до 5,5 в год. В последующие 1933-1936 гг. выпуск денежных знаков в обращении был ограничен, число торговых оборотов каждого денежного знака увеличилось до 12,4 и, тем не менее, обесценение советского рубля на мировом рынке было настолько значительным, что советская власть сочла нужным провести вторую денежную реформу и установить курс червонного рубля в 22,5 копейки золотом.

Этот упадок в 1926-1935 гг. покупательной способности червонного рубля не мешал советским хозяйственникам утверждать, что советская валюта является самой устойчивой в мире. Так, напр., покойный Куйбышев говорил в начале 1935 г., что «валюта советского Союза, на которую мы построили Днепрострой, Магнитогорск, тракторные и автомобильные

*) На 1 апреля.

заводы, завод шарикоподшипников, азотнотуковые заводы и целый ряд других крупнейших предприятий, является самой устойчивой валютой в мире*).

В цитированной выше брошюре, изданной Госуд. Банком к VII съезду Советов, мы находим заявление, что «наш советский рубль является самой твердой и устойчивой денежной единицей по сравнению с шатающимися валютами капиталистических стран» и что «резко возросла покупательная способность нашего рубля»**).

Народный комиссар финансов Гринько утверждал, что в годы первой пятилетки, в самую трудную пору форсированной индустриализации страны, «советский рубль полностью сохранил свою силу, выполняя свои функции в производстве и обращении товаров и оказался самой устойчивой валютой среди всеобщего валютного хаоса капиталистического мира. Не случайно СССР оказался самой кредитоспособной страной во всем мире... Рубль крепнет, покупательная сила его растет у всех на глазах... В товарообороте, осуществляемом по плановым государственным ценам, в советской торговле без капиталистов и спекулянтов находится та надежнейшая основа советского денежного обращения, которая делает советский рубль самой обеспеченной и твердой валютой»***).

Декрет 14 ноября 1935 г. дал Государственному Банку разрешение в течение 1936 г. производить обмен иностранной валюты на червонцы как по переводам, так и наличной валюты, предъявляемой в его кассы, по установленному в декрете курсу 1 червонный рубль = 3 франкам = 22,5 коп. золотом.

*) Известия 12.I.1935.

**) Государственный Банк СССР к VII съезду Советов, 1935, стр. 16, 18.

***) Гринько, Ликвидация карточек и укрепление рубля, Правда 6/7 окт. 1935 г.

Постановлением Совета Народных Комиссаров от 29 февраля 1936 г. народным комиссариатам внешней торговли и финансов предложено с 1 апреля 1936 г. применять курс 1 рубль = 3 франкам во всех расчетах экспортных и импортных организаций и по всем другим валютным операциям. Государственному Банку тем же постановлением предложено производить покупку и продажу иностранной валюты по этому курсу при всех валютных операциях.

Народно-хозяйственные условия для реформы денежного обращения в 1935-1936 г. были гораздо более благоприятны, чем они были в 1922-1924 гг.

Тогда денежную реформу не было времени подготовить надлежащим образом. Кредитный рубль умирал, его необходимо было срочно заменить новой валютой.

Необходимо было срочно создать новую валюту. Народнохозяйственные условия для ее создания были в высшей степени неблагоприятны, — государственный бюджет сводился с дефицитом, который мог быть покрыт только выпуском бумажных денег; баланс внешней торговли был дефицитным; золото добывалось в ничтожных количествах. Тем не менее, новая устойчивая валюта, бумажный червонец, была создана.

В 1936 г. советская власть могла ограничиться девальвацией червонного рубля. В середине 1930-х гг. государственный бюджет регулярно заключался с превышением государственных доходов над расходами, и государственному казначейству не было нужды прибегать к излишнему выпуску бумажных денежных знаков для покрытия дефицитов.

По балансу на 1 октября 1935 г., запас золота и иностранной валюты в Госуд. Банке достиг следующих размеров (в мил. руб.):

Золото и платина в монете и слитках	970,8
Иностранные банкноты	31,3
Тратты в иностр. валюте	3,4
Всего	1005,5

Государственный бюджет без дефицитов, активный баланс по внешней торговле, большая и быстро растущая добыча золота, большой запас золота и иностранной валюты в Госуд. Банке, — все эти моменты способствовали успешному проведению сначала стабилизации курса червонного рубля, а затем его девальвации, и установлению свободного размена на золото.

Скудность публикуемых в советских статистических ежегодниках, экономических журналах и газетах данных о денежном обращении лишает нас возможности судить о том, насколько соответствует действительности установленное в декретах от 14 ноября 1935 г. и 29 февр. 1936 г. обесценение червонной валюты на 77½%, — после всех рекламных заявлений о том, что советская валюта является «самой устойчивой в мире*». Мы не знаем на каких основаниях центральные хозяйственные органы Союза ССР остановились на курсе рубль = 3 французским франкам, а не на 2,4 или 6 франках; насколько мы знаем, объяснительная записка к этой денежной реформе никогда опубликована не была. Вероятно, хозяйственные органы Союза имели достаточные основания для фиксации покупательной способности рубля на уровне 3 французских франков. Подобно другим денежным реформам, реформа 1935-1936 гг. только зафиксировала в законе происшедшее в жизни понижение покупательной способности национальной денежной единицы. Как велико было это понижение? Чтобы установить его величину, мы должны обратиться к

золотому содержанию французского франка. Франк заключал в себе следующее количество золота:

с 1929 г. —————	0,05895	грамма
2 окт. 1936 г. —————	0,0441	—
21 июля 1937 г. —————	0,0387	—
12 ноября 1938 г. —————	0,02475	—

Довоенный золотой рубль заключал в себе 0,77423 грамма чистого золота. Советский рубль апреля 1936 г., равноценный 3 франкам, заключал в себе 0,17685 гр. золота или 22,84 довоенных золотых копейки. В «Статистике внешней торговли Союза ССР» за 1936 г. даны исчисления экспорта и импорта товаров как в старых внешнеторговых рублях, равных 51,46 центу, так и в новых рублях, равных 3 франц. франкам. В них новый рубль равен 22,83 коп. золотом.

После девальвации французского франка в начале октября 1936 г. в газете «За Индустриализацию» появилась следующая заметка: «Народный комиссар финансов СССР и Государственный Банк СССР в соответствии с решением Совета Народных комиссаров СРСР от 27 октября текущего года извещает, что в связи с девальвацией французского франка обмен иностранной валюты на червонцы, расчеты экспортных и импортных организаций и все другие валютные операции впредь будут производиться из расчета 1 руб. = 4,25 французского франка*»). Затем в ноябрьском номере периодического издания «Статистика внешней торговли СССР» 1936 г. мы находим следующее указание: «Ценностное выражение товара дано во всех таблицах в рублях. Перевод иностранной валюты в рубли производится согласно бюлле-

*) «За индустриализацию», 1936 г. 29 октября.

тениям котировальной комиссии при правлении Государственного Банка». Впоследствии в этой заметке (с октября 1938 г.) слова «согласно бюллетеню котировальной комиссии» были заменены словами: «согласно официального бюллетеня упр. иностранных операций (УИНО) при правлении Госуд. Банка». С 1 по 18 июля 1937 г. официальной котировки рубля не было; с 19 июля 1937 г. курс советского рубля начал определяться по доллару С. Ш. С. А., причем 1 американский доллар был приравнен 5 р. 30 к.*). В издании экономической секции секретариата Лиги Наций мы находим заметку, что новый советский рубль был сначала эквивалентен 1:4,38 золотого рубля или 5,03 доллара, а затем 1:5,3 доллара**), приблизительно 1:4,62 золотого рубля. Наконец, в советском журнале по вопросам внешней торговли была приведена таблица размеров экспорта и импорта Советской России по сентябрь 1937 г. включительно, и в этой таблице было примечание: оценка в рублях произведена по курсу, установленному 1 апреля 1936 г.***).

Таким образом, денежная реформа 1936 г. не дала нам устойчивой в золоте величины нового советского рубля. Он заключал в себе следующее количество чистого золота:

1.IV-27.X.1936	—	0.17685 гр.
28.X.1936-30.VI.1937	—	0.187425 гр.
1-18.VII.1937	—	офиц. котировки не было;
с 19.VII.1937	—	0.16767 гр.

*) *Annuaire Statistique de la Société des Nations*, 1938/9, р. 222; также «Внешняя Торговля Советского Союза» под ред. Мишустина, 1938, стр. 265.

**) *Review of World Trade*, 1938, p. 81.

***) *Внешняя торговля 1937 г. IX-X*, стр. 37.

Новый рубль равнялся последовательно 22,84 (или 22,83); 22,94 и 21,66 золотых копеек. Курс рубля в статистике внешней торговли устанавливался Управлением иностранных операций при правлении Государственного Банка. Следовательно, рубль этот не имел неизменного фиксированного законом золотого содержания. Иначе говоря, денежная реформа 1936 г. во внешней торговле и ее статистике заменила внешне-торговый рубль 1924-1936 гг., равный 51,46 американским золотым центам, бумажным внутри-торговым советским рублем с изменчивым курсом на золото около нормального курса 1 доллар = 5 р. 30 к.

Третья денежная реформа 1947 г., 14 декабря, имела своей задачей восстановление полноценности советского рубля, покупательная способность которого сильно упала в годы войны 1941-1945 гг. и по ее окончании, и изъятия из обращения большого количества денежных знаков, выпущенных в эти годы. Для достижения этой цели были приняты следующие меры:

1. Вся денежная наличность, находящаяся у населения, кроме металлических денег, подлежит обмену на новые рубли по курсу 1 новый рубль равен 10 старым рублям.

2. Все государственные займы, за исключением займа 1947 года, подвергаются конверсии по курсу 1 рубль в новых облигациях равен 3 рублям в облигациях прежних займов.

3. Денежные вклады в сберегательных кассах обмениваются на новые рубли на следующих условиях: вклады до 3.000 рублей обмениваются рубль за рубль; вклады от 3.000 до 10.000 рублей по курсу 2 новых денег за 2 рубля старых.

4. При проведении денежной реформы заработная плата рабочим и служащим, доходы крестьян от государственных заготовок и другие трудовые доходы всех слоев населения, стипендии, пенсии и пособия, а также ставки налоговых платежей и размеры долговых и договорных обязательств не затрагиваются реформой и будут выплачиваться в новых деньгах в прежних размерах.

Представляет интерес попытаться составить общее представление о росте денежного обращения в СССР в годы войны и после войны. Для этой задачи мы можем воспользоваться следующими данными. Для довоенных 1938 и 1940 гг. мы можем принять, основываясь на данных о росте розничной торговли продуктами и предметами широкого потребления, что число оборотов денежных знаков в эти годы было нормальным и равнялось приблизительно 12,4 в год. Затем, Н. Вознесенский сообщил нам, что за три года войны денежное обращение выросло в 2,4 раза*).

Наконец, в 1948 г. валовой оборот розничной торговли был равен 484,4 миллиардам рублей, а число оборотов денежных знаков в розничной торговле мы можем принять нормальным, т. е. 12,4 в год; по тексту закона 14 декабря 1947 г., количество денежных знаков в 1948 г. было в десять раз меньше их количества в дореформенный 1947 г. На основании этих данных мы можем построить следующую приблизительную схему изменения количества советских рублей в обращении в 1940-1949 гг. (в миллиардах рублей):

*) Н. Вознесенский, Военная Экономика СССР, Москва 1947, стр. 139.

	рознич. торговля	денеж. обращение	число обо- ротов ден. знаков
1937	143,7	11,3	12,8
1940	216,4	17,45	12,6
1944	234,6	41,9	5,6
1947	480,0	390,6	0,81
1948	484,4	39,1	12,4
1949	540,3	43,6	12,4

В 1937-1949 гг. мы должны различать три периода в росте денежного обращения: довоенные годы 1938-1940, годы войны 1941-1944 и послевоенные годы 1945-1949. Высокий урожай 1937 г. дал значительный рост розничной торговли и снижение цен; принимая цены 1937 г. в государственной торговле за 100,0 мы получим индексы цен 1938 г. — 94,6 1939 г. — 97,6, 1940 г. — 100,5. В эти годы, следовательно, инфляции не было. В годы войны инфляция росла главным образом не вследствие усиленного выпуска денежных знаков, а, напротив, вследствие крайнего уменьшения количества продуктов личного потребления, поступавших на рынок. По окончании войны количество товаров в розничной торговле стало увеличиваться, но, под влиянием неурожайного 1946 г. лишь в недостаточных размерах; голодные цены на колхозных базарах быстро снижались, но в государственной торговле росли.

Банк международных расчетов*) дает совершенно иную схему роста денежного обращения в 1938-1947 гг. (в миллиардах рублей):

*) Bank for International Settlement, report for 1947-1948, page 140.

1937	11,3	1943	175
1938	40	1944	260
1939	65	1945	340
1940	85	1946	385
1941	100	1947	420
1942	115	1948	42

Мы совершенно недоумеваем, откуда взяты данные, на которых построена эта схема. Мы знаем, что к 1 января 1937 г. денежное обращение в СССР равнялось 11,3 млрд. рублей, а число оборотов денежных знаков достигло 12,8. Денежное обращение в 1938 г. не могло вырасти до 40 млрд. р., а число оборотов денег упасть до 3,5 в год: не могли также в 1940 г. денежное обращение вырасти до 85 млрд р., а число денежных оборотов упасть до 2,5. Такие коэффициенты числа оборотов денег свидетельствовали бы о высокой денежной инфляции, никаких признаков которой в розничной торговле за эти годы мы не находим. Индекс розничных цен в государственной торговле колебался между 94,6 и 100,5. Следовательно, инфляции не было. По сообщению Вознесенского, в 1940-1944 гг. денежное обращение увеличилось в 2,4 раза, Банк Международных Расчетов принимает его увеличение в 3,1 раза; в послевоенные 1944-1947 гг. — увеличение в 1,6 раза, вдвое менее. По нашему же расчету, инфляция росла, главным образом, в послевоенные годы; денежное обращение в 1940-1944 гг. согласно Вознесенскому, увеличилось в 2,4 раза, а в 1944-1947 гг. — в 9,3 раза, в четыре раза более. Мы считаем схему Банка Международных Расчетов совершенно произвольной.

Наконец, четвертая денежная реформа 28 февраля 1950 г. состояла в том, что советский рубль освобожден от связи с долларом Соед. Штатов С. А., установлен в граммах золота и повышен в своей ценности,

с 0,16767 граммов до 0,222168 гр., на 32,5%. Эта величина в граммах золота нового советского рубля не имеет никакого отношения к русскому довоенному золотому рублю; она взята из валюты Соед. Штатов С. А. и представляет собой золотой эквивалент 25 центов.

Таковы те изменения, которые произошли в 1913-1950 гг. в величине советского рубля и денежного обращения Советского Союза. Мы можем принять, что денежные реформы 1924, 1936, 1947 и 1950 гг. приводили каждый раз курс советского рубля к его реальной торговой величине.

Очевидно, при сравнении с динамикой народного дохода и валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в других странах мы должны пользоваться исчислением народного дохода СССР в золоте, а не в рублях 1926/7 г., цена которых в золоте под влиянием прогресса в технике производства, и производимого им сокращения издержек производства, значительно упала. После денежной реформы 1950 г. советская власть должна будет перейти к исчислению народного дохода в золоте.

ГЛАВА XIII.

НАРОДНЫЙ ДОХОД И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Народным доходом в экономической литературе называются две совершенно различные величины: во-первых, продукция всех отраслей народного хозяйства на территории данного государства, совокупность всех материальных благ и услуг, произведенных на территории страны физическим и умственным трудом ее населения в течении года, во-вторых, сумма доходов всех граждан страны в течение года, независимо от характера их источника, — народного хозяйства, нематериальных профессий или государственного бюджета и заработков на территории других государств, за вычетом заработка иностранных граждан на национальной территории. Обе эти величины могут быть измерены только в их ценностном выражении.

Первая величина, продукция народного хозяйства, равняется валовому доходу, полученному в течение года живущими на территории страны людьми от всех материальных отраслей их деятельности, — собирания и производства продуктов, полезных для человека, придания им нужной формы, их хранения, очистки, сортировки и упаковки, ведения отчетных книг, их перевозки, разверстки, торговли и отпуска

потребителям*), а также от отраслей материального производства, направленных на обслуживание самого человека, его перемещений (перемещение рабочих и служащих, пассажирский транспорт) и его сношений с другими людьми (почта, телеграф, телефон), за вычетом всех материальных издержек в этих отраслях народного хозяйства.

Пути и средствами сообщения люди пользуются не в форме единовременного потребления, связанного с уничтожением материального блага, как мы потребляем пищу, а в форме постепенного, тянущегося десятилетия снашивания, — так же, как они пользуются одеждой, мебелью, домами; с тем только различием, что предметами одежды, мебелью и жилищем человек пользуется на праве собственности или аренды в индивидуальном порядке, исключаящем пользование ими других лиц, а железными дорогами, пароходами, почтовыми конторами, телеграфной и телефонной сетью он пользуется по мере надобности, совместно с другими лицами в коллективном порядке. Поэтому мы не «потребляем» железную дорогу или телеграфную сеть, а «пользуемся их услугами». Разница в форме пользования и словесного выражения не меняет народно-хозяйственной сути дела.

Участие в народном хозяйстве страны иностранных подданных, иностранных капиталов и иностранных патентов, так же как доходы от участия граждан страны в народном хозяйстве на территориях других госу-

*) Большим недостатком современных учетов производства народного хозяйства является неучет в них продукции домашнего хозяйства: производства пищи, шитья, починки и чистки одежды, омовений тела, починки мебели и утвари и т. д. Попытка учесть народный доход от домашних работ была произведена в Соед. Штатах С. А. в 1913 г. и дала следующий поразительный результат: народный доход от труда домашних хозяек был исчислен в 9.980 мил. долларов при 28.655 мил. национального дохода, или 34,8% этого дохода.

дарств физическим и умственным трудом, капиталами и патентами на изобретения игнорируются при учете национальной продукции, как явления, относящиеся к распределению народного дохода, а не его производству. Напротив, доход от народно-хозяйственной деятельности на территории открытых морей или в атмосфере (транспорт, рыбная ловля) приписывается к народной продукции тех стран, которым принадлежат морские суда или аэропланы и в которых живут рыбаки.

Народный доход или национальная продукция производится лицами, участвующими в народном хозяйстве страны; но распределяется он между всеми гражданами страны, включая лиц либеральных профессий (чиновников, врачей, адвокатов, учителей, журналистов, художников и т. д.), получающих свои доходы не от участия в народном хозяйстве, а из доходов лиц, в нем участвующих.

Производимые народным хозяйством материальные блага и услуги поступают первоначально во владение лиц, участвующих в нем физическим и умственным трудом или материальными средствами производства; затем часть этих благ и услуг переходит в руки лиц, в народном хозяйстве не участвующих, в оплату за их административный, военный, педагогический, артистический, научный и т. д. труд. Поэтому сумма доходов всех граждан страны значительно превышает ценностное количество материальных благ и услуг, в стране произведенных. При этом учете доходов граждан, как первичных, продуктов национального производства, так и производных, производимых передачей материальных благ и услуг лицам, в народном хозяйстве не участвующим, учитывается также и национальная принадлежность людей, капиталов и патентов, — доходы граждан данного государства, произведенные на территориях других государств, прибавляются к народному доходу граждан

страны, а доходы иностранцев, произведенные на территории национального государства, из него исключаются. Между продукцией народного хозяйства и суммой доходов от либеральных профессий и участия в национальных доходах других стран нет постоянного отношения. Эта последняя величина может быть, по отношению к народно-хозяйственной продукции, величина которой зависит от прогресса техники, и очень малой, и очень большой; на ее относительную величину главное влияние оказывает развитие общественной культуры страны и ее международных отношений.

Исчисление народного дохода предполагает наличие статистических данных о валовой продукции всех отраслей народного хозяйства и об их материальных издержках производства как в натуральных единицах счета, так и в денежной оценке; оценка эта может производиться как по рыночным ценам соответствующего года, так и по неизменным для ряда лет ценам базисного года. Учет народного дохода в неизменных ценах устраняет влияние на его величину как рыночной конъюнктуры, влияющей на высоту текущих рыночных цен, так и влияние политической власти на рыночные цены или их замены ценами указными; поэтому в России, начиная уже с народного дохода в 1913 г.*), наряду с его учетом в текущих рыночных ценах, он учитывался также в неизменных ценах, сначала довоенных 1913 г., затем 1926/7 г. После ликвидации новой экономической политики с 1931 г. был сохранен лишь учет в неизменных ценах, учет в текущих ценах был прекращен, так как цены эти перестали быть вольными, рыночными, и превра-

*) Опыт исчисления народного дохода 50 губ. Европейской России в 1900-1913 гг., под редакцией С. Н. Прокоповича, Москва 1918. Учет народного дохода в 1900 г. был опубликован мною в «Трудах Вольного Экономического Общества» за 1906 г.

тились в цены указные, стали орудием народно-хозяйственной политики правительства. По словам Краснолобова, «в Союзе ССР, как в плановом социалистическом хозяйстве, цены не складываются стихийно. Они являются плановыми ценами, которые устанавливаются в соответствии с заданиями народно-хозяйственного плана. Тем самым эти последние выступают также и в качестве важнейших факторов распределения и перераспределения созданного материального продукта между отдельными отраслями материального производства и между классами и общественными группами населения»^{*)}). Практика управляемых цен привела к тому, что в годы пятилетних планов на продукты сельского хозяйства существовали следующие цены:

1) Государственно-заготовительные цены, которые уплачиваются за продукцию, сдаваемую государству в порядке обязательных поставок;

2) Государственно-закупочные цены, по которым производятся закупки государством сельскохозяйственных продуктов у колхозов, членов колхозов и единоличных крестьян;

3) децентрализованные цены, которые уплачиваются Народным Комиссариатом заготовок и потребительской кооперацией за покупаемые ими незерновые сельскохозяйственные продукты;

4) цены колхозного рынка;

5) цены внутридеревенского оборота;

6) с 1937 г. нерыночная часть продукции сельского хозяйства в сводных работах Центрального Управления народно-хозяйственного учета оценивались по средним ценам фактической реализации товарной части этой продукции;

^{*)} Краснолобов, Планирование и учет народного дохода, Москва 1940, стр. 77.

7) цены, по которым заготовительные органы государства продают сельскохозяйственные продукты населению и организациям.

Совхозы всю свою товарную продукцию сдают государству по государственно-заготовительным ценам; колхозы большую часть своей товарной продукции продают по государственно-заготовительным и государственно-закупочным ценам, и меньшую по ценам колхозного рынка; напротив, колхозники продукцию хозяйств на своих приусадебных участках и крестьяне единоличники производимые ими продукты продают преимущественно по ценам колхозного рынка.

Какую народно-хозяйственную значимость, при подобной системе указных и вольных цен, может иметь исчисление народного дохода от сельского хозяйства в текущих ценах реализации его продуктов? В этом исчислении величина народного дохода от сельского хозяйства зависит главным образом от усмотрения и политики центральных органов хозяйственного управления: если они декретируют высокие заготовительные и закупочные цены, народный доход увеличивается; если они декретируют низкие цены, чтобы получить больше дохода от продажи сельскохозяйственных продуктов населению или снизить расходы рабочих на оплату продуктов продовольствия, народный доход от сельского хозяйства уменьшается. Что может дать нам в познавательном отношении тако е исчисление народного дохода, при котором его величина зависит главным образом от усмотрения и мероприятий правительства?

В промышленности политика указных цен привела к большим различиям в доходности различных отраслей промышленности и большой убыточности ряда их, покрывавшейся бюджетными дотациями. Тяжелая промышленность в СССР долгое время приносила убытки вследствие установления отпускных

цен на ее продукты и изделия ниже себестоимости. В начале 1936 г. дотационная система в тяжелой промышленности была отменена; тем не менее, в 1937 г. оставались убыточными лесозаготовки (10,6% коммерческой себестоимости), цементная промышленность (7,3%), металлургическая (0,7%, алюминиевая (1,7%), рудная, угольная, строительных материалов и ряд крупных предприятий тяжелого и транспортного машиностроения*). В годы войны 1941-1945 гг. эти дотации были возобновлены; по свидетельству проф. Плотникова, в эти годы «себестоимость продукции ряда отраслей тяжелой промышленности значительно возросла в связи с ростом заработной платы и другими расходами, вызванными военной обстановкой. Оптовые же цены и железнодорожные тарифы, установленные в 1939-1940 годах, остались без изменения. Такой разрыв между уровнем оптовых цен и себестоимости продукции вызвал убыточность ряда отраслей тяжелой промышленности и увеличение государственной дотации из бюджета. В 1949-1950 гг. правительство приняло ряд мер для ликвидации государственных дотаций, путем снижения себестоимости продукции и некоторого повышения оптовых цен на продукцию ряда отраслей тяжелой промышленности**).

При беспорядочном указном характере текущих цен исчисление в них народного дохода является делом совершенно бесплодным. Эта оценка указных цен не распространяется на розничные цены, высота которых определяется государственным налогом с оборота и которые обнаруживают известный порядок

*) Народный доход СССР, его образование и учет, Москва 1939, стр. 82-83.

**) К. Плотников, Бюджет социалистического государства, Большевик 1950, № 12, стр. 35.

в своем развитии*). В годы новой экономической политики, когда текущие цены были еще рыночными, а не указными, размеры народного дохода в СССР в неизменных и в текущих ценах были в миллиардах рублей:

	величина народного дохода в ценах 1926/7 г.	в текущих ценах	текущих рублей в 100 неизменных рублях
1913	20,8	13,9	66,9
1922/3	12,1	7,4	61,2
1924/5	16,1	13,4	83,1
1925/6	19,7	19,8	100,7
1926/7	21,1	21,1	100,0
1927/8	22,7	23,8	104,8
1928/9	24,9	28,2	113,4
1929/30, план	29,6	31,7	107,4
1931, план	40,6	48,1	118,5

Однако, учет народного дохода и в неизменных ценах также обладает двумя недостатками. Если бы народное хозяйство СССР из года в год производило одни и те же продукты и изделия неизменного качества, учет его народного дохода в неизменных ценах был бы безукоризненно точным. Но в обстановке развивающихся производительных сил, когда каждый год производится не только все большее количество одних и тех же продуктов и изделий неизменного качества, но улучшается также их качество и производятся также новые продукты и изделия, раньше не производившиеся, этот учет перестает быть точным. В советской России в настоящее время про-

*) Birmingham Bureau of Research on Russian Economic Conditions, Memorandum No. 3, 1931: S. Prokopovicz, The National Income of the USSR, pp. 12-13.

изводится много машин, в 1926/7 г. не производившихся; как определить их рыночную стоимость в ценах 1926/7 г.?

Другим органическим недостатком неизменных цен является игнорирование снижения с развитием производительных сил издержек производства продуктов и изделий, производимых в народном хозяйстве. Неизменные цены предполагают неизменность издержек производства; но в народном хозяйстве с растущими производительными силами издержки производства с течением времени должны сокращаться. Поэтому исчисление народного дохода в неизменных ценах через 5, 10 или 20 лет дает величины, значительно превосходящие его исчисления по действительным издержкам производства.

Поэтому, исчисление народного дохода в неизменных ценах дает несомненно преувеличенное определение его роста.

Общее представление о росте народного дохода в Советской России в старых границах в неизменных ценах 1926/7 г. дает следующая таблица (в миллиардах рублей и рублях):

	народный доход	на 1 че- ловека
1913 г.	21,0	153
1917	16,0	113
1921	8,0	59
1927/8	25,0	166
1932	45,5	279
1937	96,3	589
1942, план	173,6	959

Первое более или менее обоснованное исчисление народного дохода в неизменных ценах в годы периода восстановления народного хозяйства СССР мы имеем для 1924/5 г., после проведения денежной ре-

формы 1924 г., когда народный доход достиг 16,8 миллиардов рублей (по ценам 1926/7 г.). С этого года темпы роста народного дохода составляли по периодам:

1924/5 — 1927/8 гг., 3 года политики восстановления	48,8%
1927/8 — 1932, 4¼ года первого пятилетнего плана	82,0
1933 — 1937, 5 лет второго пятилетнего плана	111,6
1938 — 1942, 5 лет третьего пятилетнего плана	80,3

Чтобы устранить пертурбационное влияние разной продолжительности этих четырех периодов, увеличим первые два до 5 лет; тогда мы будем иметь следующий ряд приростов народного дохода по периодам: 81,4%, 96,5%, 111,6%, и 80,3%.

Быстрый рост народного дохода в годы восстановления народного хозяйства СССР не должен вызывать удивления. Экономический процесс восстановления его производительности заключался в том, что с помощью небольших сравнительно затрат новых капиталов возвращались к жизни большие количества национального капитала, находившиеся после пережитой катастрофы в состоянии бездеятельности, или, как выражались в Советской России, «на консервации». Когда большие количества национального капитала не работают, сравнительно небольшие новые затраты могут дать увеличение работающей части национального капитала на 15-20% в год и соответствующее увеличение народного дохода.

Эта причина высоких темпов роста народного дохода должна была прекратить свое действие в 1927 г., когда старый размер национальной продук-

ции был достигнут. Дальнейший рост производительных сил и народного дохода мог происходить только за счет новых капиталов, вливаемых в народное хозяйство. Перспективы их получения были плохие, и руководители Государственной плановой Комиссии ожидали в будущем значительного падения темпов роста национальной продукции и народного дохода. В действительности получилось обратное: темпы роста народного дохода в годы двух первых пятилетних планов даже превзошли его темпы в годы периода восстановления .

Эти темпы роста народного дохода являются совершенно необычными. Г. Кассель принимал, что для западно-европейских стран перед войной 1914-1918 гг. был нормален рост народного дохода в год на 3%, в пятилетие — на 16%*).

Выше всего народный доход на человека в европейских промышленных странах и во внеевропейских странах с европейским населением, ниже всего — в чисто земледельческих странах с туземным населением. Деление стран на промышленные и аграрные помогает нам в описании различия в производительной способности их народных хозяйств, но не дает нам знания экономических причин этого различия. Термины: аграрная страна, промышленная страна, индустриализация аграрной страны — носят описательный характер и не пригодны для теоретического анализа изменений, происходящих в настоящее время в мировом хозяйстве. Нам недостаточно знать, что в народном хозяйстве одной страны преобладает сельское хозяйство, а в другой — промышленность; нам нужно также знать меру этого преобладания и его причины. От этих неопределенных терминов мы долж-

*) G. Cassel, Theoretische Sozialökonomie, 3-te Auflage, 1923, SS. 51-52.

ны перейти к изучению того основного народнохозяйственного фактора, который определяет уровень развития и строение национальных хозяйств. Мы имеем в виду меру утилизации в национальных хозяйствах различных источников народнохозяйственной энергии. Овладение материальными продуктами, которые даются нам природой, и их обработка и приспособление к нуждам человека всегда требует затраты энергии. Причиной, определяющей различия в народном доходе богатых и бедных стран, является мера развития производительных сил, которыми они обладают, количество энергии, затрачиваемой ими на производство нужных им материальных благ в их народном хозяйстве. Энергия эта имеет три источника:

- 1) мускульную силу человека,
- 2) рабочую силу домашних животных,
- 3) неорганическую механическую энергию, — теплоту, электричество, падение воды, силу ветра и т. д.

Пока наши предки располагали только собственной рабочей силой, они вели образ жизни дикарей; они жили собиранием плодов и корней растений, гусениц и улиток, рыбной ловлей, охотой на птиц и зверей; затем возникло мотыжное земледелие. Приручение и приучение к хозяйственной работе домашних животных, — осла, вола, лошади, верблюда, — было экономической революцией, создавшей два новых экономических типа человека: оседлого пахаря и пастуха номада; оно открыло возможность посева на обрабатываемых сохой или плугом полях зерновых хлебов (проса, ячменя) и привело к образованию первых групповых поселений ремесленников и торговцев, зародышей современных городов. Таким образом, пользование рабочей силой домашних животных привело к радикальному изменению строения народ-

ного хозяйства и общества. Второй революцией было овладение человеком механической энергией природы: каменного угля, нефти, гидроэлектрических станций. Эта неорганическая энергия создала крупную промышленность, железные дороги, города с многочисленным населением и рабочий пролетариат. Народный доход культурных стран создается не столько мускульным трудом человека, сколько накопленной в течение тысячелетий работой его мысли, открывшей возможность эксплуатации рабочей силы животных и различных форм неорганической энергии для удовлетворения его потребностей.

Мы не имеем точных статистических данных о количестве рабочей силы человека и домашних животных, затрачиваемой в народном хозяйстве Советской России. Обе эти величины мы можем установить только предположительно, в общих размерах, по аналогии с другими странами. Мы можем составить о них только общее представление.

Учет рабочей силы людей, расходуемой на народное хозяйство в тех странах, в которых она подвергается статистическому учету, производится следующим образом. Рабочими считается все население 14-59 лет. Количество расходуемой ими энергии измеряется количеством кило-калорий, заключающихся в их пище. При полном отдыхе, пища взрослого человека должна заключать в себе в день 2.400 килокалорий*). При производстве работы человек нуждается в усиленном питании; чем труднее работа, тем больше калорий должна заключать его пища. При 8 часовом рабочем дне, пища при производстве разной трудности работ должна заключать в себе следующее количество калорий**):

*) C. Oppenheimer, Handbuch der Biochemie, II. Auflage, 1924-1930, VI Band, S. 546.

**) C. Oppenheimer, Handbuch, VI, SS. 550, 552.

	дневной паек	прибавок на работу
При отдыхе	2.400	—
Портной	2.400-2.500	50
Сапожник	2.800	400
Рабочий по металлу,		
столяр	3.100-3.300	800
Каменотес	4.300-4.700	2.100

По другому подсчету, пища работника должна заключать в себе следующее количество калорий*):

При канцелярской работе	2.200-2.400
При умеренной мускульной работе (сапожник, переплетчик)	3.000
При более тяжелой мускульной работе (рабочий по металлу, столяр)	3.400-3.600

В изданных Государственным департаментом Соед. Штатов С. А. данных о мировых производительных ресурсах**) принято, что работающий человек в среднем производит в час энергии на 53,5 килокалорий, в 8-часовой рабочий день 428,0 килокалорий, в 300 рабочих дней в году 18,34 условных тепловых единиц (по 7.000 килокалорий).

Очевидно, эти данные о затратах рабочей силы человека в народном хозяйстве дают нам лишь самое общее представление об их величине. Количество энергии, отдаваемой человеком народному хозяйству мы приняли равным 428 калориям в день, 18,34 условным тепловым единицам в год. Число человек рабочего возраста (14-59 лет) мы взяли из народных пе-

*) Edgar Atzler, Körper und Arbeit, Leipzig 1927, S. 672.

**) Energy Resources of World, Washington 1949, pp. 84-85, 124.

реписей. Основываясь на этих данных мы получили, для до-революционной России и Союза ССР следующие примерные величины энергетических затрат населения на народное хозяйство (в миллионах человек и условных энергетических единиц):

	1897	1926	1939
	28 янв.	17 дек.	17 янв.
Население все	93,1	147,0	170,5
„ рабочего			
возраста	52,6	86,3	101,6
В процентах	56,4	58,7	60,0
Условных энергетических единиц	964,7	1.582,7	1.863,3

Наши сведения о рабочей силе животных в народном хозяйстве Союза ССР также имеют только примерный характер. Народнохозяйственное значение имеет только работа лошадей и волов. Об их числе мы располагаем следующими данными (в тысячах голов):

	лошади		рогатый скот	
	всех возрастов	рабочие*)	весь	рабочие волы**)
1916	35.800	24.241	60.600	4.730***)
1928	33.537	22.814	66.400	5.200
1932	19.638	16.180	40.700	3.175***)
1935	15.881	12.043***)	49.256	2.540
1937	16.700	11.000	57.000	3.400***)
1950	12.700	8.600	57.200	3.430

*) Сельское хозяйство СССР, ежегодник 1935 г., стр. 217, 511, 519, 1397.

**) Сельское хозяйство СССР, 1935, стр. 519, 1399; Численность скота в СССР, т. I, 1935, стр. 29.

***) Цифры приблизительные.

Единицей измерения работы животных служит механическая лошадиная сила, час работы которой дает 2.547 британских тепловых единиц или 641,8 калорий. В СССР считается, что советская лошадь дает половину работы механической лошадиной силы, вол одну треть ея*). Принимается также, что рабочая лошадь в течение года может дать работу, равную 500 часам механической лошадиной силы. Следовательно, рабочие животные производят в год следующее количество условных тепловых единиц в 7.000 калорий:

рабочая лошадь	45,8
рабочий вол	30,5

Мы приняли производительность лошади в 8-часовой рабочий день равной 2.567 калориям. По принятым нами коэффициентам, энергетическая производительность рабочего скота в СССР равнялась (в миллионах тепловых единиц в 7.000 калорий):

	лошади	волы	всего
1916	1.110,2	144,3	1.254,5
1928	1.044,9	158,6	1.203,5
1932	741,0	96,8	837,8
1935	551,6	77,5	629,5
1937	503,8	103,7	607,5
1950	393,9	104,6	498,5

Если в работе человека и животных в народном хозяйстве СССР мы располагаем только приближенными данными, наши данные об эксплуатации природных механических источников энергии обладают, напротив, большой степенью точности. Исключительно полны данные за 1913-1932 гг., взятые

*) Сельское хозяйство СССР, 1935, стр. 757, 862, 940, 1007.

нами из работ Л. К. Рамзина*) и Комитета по электрофикации СССР**), председателем которого был Г. М. Кржижановский. В приводимых ниже таблицах древесное топливо учтено нами только взятое технически-промышленными предприятиями, без бытового потребления сельского и городского населения; опущены также топливные отходы, хворост, хвоя, солома, кизяк и т. д. За 1932-1950 гг. для учета механической энергии, даваемой природными газами, сланцами и древесным топливом мы имеем только одну таблицу топливного баланса страны***), в которой расход топлива за каждый год принят равным 100 и даны проценты расходования каменного угля, нефти, древесного топлива и т. д.:

	1913	1921	1927/8	1932	1937	1940	1950 план
Каменный уголь	60,7	34,8	58,0	59,4	69,5	71,9	75,6
Нефтетопливо	24,2	25,9	20,9	17,0	11,0	7,9	6,3
Природные газы	—	—	—	—	—	—	6,3
ОЕНАИ	—	—	—	—	—	—	6,3
Горючие сланцы	—	—	—	—	0,1	0,1	0,8
Торф	1,7	5,3	4,3	3,7	5,8	6,2	6,2
Древесное топл.	13,4	34,0	16,8	19,9	13,6	13,9	9,7

Так как для нашей задачи, определения количества энергии, которым обладает народное хозяйство СССР, нам нужно знать количество произведенного или израсходованного в нем каменного угля, нефти и т. д. в натуральных и условных единицах, то, оче-

*) L. K. Ramzin, The Power resources of Russia, The Transactions of the First World Power Conference, London 1924, vol. I, pp. 1251, 1259.

**) Electric Power Development USSR, 1936, pp. 157, 161.

***) Плановое хозяйство 1946, тетрадь II, стр. 101; Большая Советская Энциклопедия, 1948, стр. 246.

видно, нам нужно было найти способ учета реальных величин, скрывающихся за этими процентами. Эту шараду мы разрешили с помощью данных о расходовании торфа, о размерах добычи которого в миллионах тонн мы имеем сообщения в советской печати*). Само собой разумеется, вычисленные нами таким способом величины расходования в народном хозяйстве угля, нефти и т. д. не обладают абсолютной точностью; но они очень близки к действительности:

	1932	1937	1940	1950
торф, миллионов тонн	12,6	23,8	31,87	44,3
количество в торфе тепловых единиц (миллиардов)	5,3	10,0	13,4	18,6
% в топливном балансе	3,7	5,8	6,2	6,2
национал. сумма тепловых единиц (миллиардов)	143,2	172,4	215,9**)	300,0

Имея национальную сумму топливных единиц, проценты топливного баланса и тепловые коэффициенты мы можем определить количество добывавшегося древесного топлива, горючих сланцев и природного газа в натуральных величинах. Нужно иметь также в виду, что довольно значительная часть добываемой в России нефти расходуется не на производство тепловой энергии; мы учли в помещаемых ниже таблицах все количество добываемой нефти. В итоге всех вычислений мы получили следующую таблицу производимых в России энергетических сил в натуральных величинах:

*) Проблемы экономики, 1940, III, стр. 59, 78; Закон о пятилетнем плане СССР на 1946-1950 гг., стр. 19.

**) Н. Вознесенский дает для 1940 г. и след. лет значительно меньшую цифру условного топлива: 1940 — 188, 1942 — 92, 1943 — 114, 1944 — 139 милл. тепловых единиц. Военная экономика СССР, 1947, стр. 69.

(К стр. 313)

	1913	1921	1927/8	1932	1937	1938	1940	1945	1948	1950
население мил. человек	138,0	133,4	151,0	163,2	163,6	167,0	196,7	176,3**)	188**)	196,0**)
рабоч. возр. 14-59 лет,										
мил. чел.	78,6	77,4**)	88,6	96,9	98,2**)	100,2	118,0**)	105,8**)	113,3**)	117,6**)
лошадей мил. штук	35,8*)	29,6	33,5	19,6	16,7	17,5	20,5	10,5	12,9	13,7
— рабочих —	24,2*)	20,1	22,8	16,2	11,0	11,0	12,9**)	6,6**)	8,1**)	8,6**)
волов —	4,7*)	3,8**)	5,2	3,2**)	3,4**)	3,8	3,3**)	2,8**)	3,4**)	3,4**)
древесного топлива милд.										
куб. метров	32,0	34,2	50,5	153,5	125,9	138,2	161,3	80,0**)	142,4**)	280,0
торфа, мил. тонн	1,7	2,3	5,3	12,6	23,8	26,5	31,9	—	40,0**)	44,3**)
каменного и бурого угля,										
мил. тонн	29,1	9,8	36,1	64,3	127,3	132,9	166,0	149,6	209,2	261,6
нефти —	9,2	4,0	11,6	22,3	30,5	32,2	31,1	20,0	30,1	38,5
горючих сланцев, млн. тонн	—	—	—	—	0,56	0,6**)	0,7	—	5,0**)	7,7**)
природных газов (млн. куб. м.)	—	—	292	949	1983**)	2190	2628**)	—	3358**)	3800**)
гидроэнергии (млн. квт-ч.)	—	—	454	867	3945	4300**)	5040	6500**)	9600**)	9425

*) В 1916 г.

**) Цифры приблизительные.

В условных тепловых единицах эти источники народнохозяйственной энергии дают в дореволюционной и советской России следующее количество работы (в миллионах единиц)*):

(См. таблицу на стр. 316)

*) При перечислении в тепловые единицы нами приняты следующие коэффициенты:

Мускульная работа людей	18,34	тепл. единицы
Работа лошадей	45,8	— —
Работа волов	30,5	— —
Древесное топливо, кубич. метр.	0,186	— —
Торф, килограмм	0,42	— —
Каменный уголь, килограмм	1,00	— —
Бурый уголь, килограмм	0,50	— —
Нефть, килограмм	1,43	— —
Горючие сланцы, килограмм	0,31	— —
Природный газ, кубич. метр.	1,37	— —

(К стр. 315)

	1913	1921	1927/8	1932	1937	1938	1940	1945	1948	1950
мускульная работа людей	1441,5	1419,5	1624,9	1777,1	1801,0	1837,7	2164,1	1940,4	2082,9	2160*)
работа животных	1251,7	1036,5	1202,8	839,6	607,5	619,7	691,5	387,7	474,7	500
древесина	6010	6428	9490	29497	23446	25705	30.100	14.880	26.500	52.100
торф	714	966	2226	5.300	10.000	11.130	13.386	—	16.800	18.600
каменный и бурый уголь	29.040	9.823	36.130	85.061	119.818	124.262	155.232	105.655	143.941	237.270
нефть	13.156	5.764	16.588	30.621	39.784	46.046	44.330	27.742	41.756	54.00
горючие сланцы	—	—	—	—	172	187	216	167 ³	16.700	1.550
природный газ**)	—	30	400	1 1.300	2.717	3.000	3.600	16.700 ³	4.600	5.200
гидроэнергия	—	—	372	659	2.446	2.666	3.024	3.705	5.472	5.370
всего	51.613	25.467	68.034	154.055	200.792	215.453	252.654	171.070	243.177	377.600
на человека	374	191	451	944	1227	1290	1.284	970	1.288	1.924

*) Цифра приблизительная.

**) Мы располагаем также сообщением, что природного газа было добыто в 1921/2 г на 0,03 миллиарда условных тепловых единиц; в 1927/8 г. на 0,4 млрд.; в 1932 г. на 1,3 млрд.; 1938 г. на 3,0 млрд. Transactions of the Third Power Conference, 1936, vol. II, pp. 456-458.

3) С торфом.

Рост энергетических сил народного хозяйства шел после революции непрерывно, за исключением двух периодов: коммунистической политики 1918-1920 гг. и неурожая 1921, и войны 1941-1945 гг. За 35 лет, с 1913 по 1948 г., они выросли почти в три с половиной раза. Наша таблица также показывает, какую значительную роль в русском народном хозяйстве как после революции, так и при старом режиме, играло и играет минеральное топливо; растет также эксплуатация гидроэнергии.

Очевидно, рост производительных сил Советской России и ее народного дохода зависит главным образом от эксплуатации механических источников энергии, индустриализация ее народного хозяйства; причем бедность восточной европейской равнины ископаемыми имела два значительных результата: во-первых, широкое развитие эксплуатации источников энергии низшего качества, — бурого угля, торфа, горючих сланцев, древесины и, во-вторых, эксплуатация каменного угля и нефти в районах тундры, северной части тайги и полупустынь Центральной Азии. Большое отрицательное народнохозяйственное значение имеет бедность России залежами нефти. Рост ее добычи в последние годы идет медленно; в энергетическом балансе страны ее доля падает. Поэтому основным источником механической энергии в России является каменный уголь, значение которого в народном балансе непрерывно растет. В процессе роста производительных сил народного хозяйства изменился и их состав. О происходивших в нем переменах общее представление дает следующая таблица изменений в процентных долях участия в нем различных источников энергии (в процентах):

	1913	1921	1927/8	1932	1938	1940	1945	1948	1950
мускульная работа людей	2,8	5,6	2,4	1,2	0,9	0,9	1,1	0,9	0,6
работа животных	2,4	4,1	1,8	0,5	0,3	0,3	0,2	0,2	0,1
древесина	11,6	25,2	13,9	18,5	11,9	11,9	8,7	10,9	13,8
торф	1,4	3,8	3,3	3,4	5,2	5,3	—	6,9	4,9
каменный и бурый уголь	56,3	38,6	53,1	55,2	57,7	61,4	61,8	58,9	62,8
нефть, горючие сланцы	25,5	22,6	24,4	19,9	21,5	17,6	16,2	17,8	14,9
природный газ	—	0,1	0,6	0,8	1,4	1,4	—	2,0	1,4
гидроэнергия	—	—	0,5	0,4	1,2	1,2	2,2	2,3	1,4
всего				100	100	100	100	100	100

Доля мускульной работы людей и работы животных в народном хозяйстве России непрерывно падает, за исключением периода 1918-1920 и 1941-1945 гг.; в эти годы промышленность сократилась в большем размере, чем сельское хозяйство. Национальной особенностью периода 1913-1928 гг. является большое количество добываемой нефти; в последующие годы ее доля в народном хозяйстве, за ограниченностью залежей, непрерывно падает. Каменный уголь все время остается главным источником рабочей энергии, в размерах 55-60%; значительно растут прочие источники механической энергии, главным образом гидро-энергия и торф.

Какое влияние рост производительных сил народного хозяйства СССР оказывал и оказывает на его народный доход, можно видеть из следующей таблицы (в миллиардах условных тепловых единиц, миллионах тонн и миллиардов рублей 1926/7 года):

	1913	1927/8	рост	1940	рост	1950	рост
рабочая энергия							
народн. хоз.	51,6	68,1	1,32	252,7	3,71	377,6	1,49
продукция промышленности							
и сельск. хоз.	28,8	33,4	1,16	161,7	4,80	269,7*)	1,67*)
перевезено грузов							
по жел. дорогам	132,4	150,6	1,14	567,0	3,76	794,0*)	1,40*)
народный доход	21,0	25,0	1,19	128,3	5,13	210,4	1,64

Рост этих основных величин современного народного хозяйства происходит приблизительно одинаковыми темпами; некоторое отклонение от общего коэффициента развития мы находим только в росте валовой продукции промышленности и сельского хозяйства, а также народного дохода в 1940 г.

*) Цифры приблизительные.

Так как учет народного дохода в разных отраслях народного хозяйства СССР производится по разному, то нам нужно прежде всего установить, какие изменения в величине и соотношении отраслей народного хозяйства СССР произошли за интересующий нас период времени. В СССР народный доход складывается из доходов следующих основных народнохозяйственных отраслей (по неизменным ценам 1926/7 г. в миллионах червонных рублей)*):

(См. таблицу на стр. 321)

(К стр. 320)

	1913	1921	1927/8	1932	1937	1942, план
сельское хозяйство, растение- водстве и животноводство			8.929	8.400	24.750	40.800
лесное дело	10.339	5.575	1.555	20.600		
рыболовство и охота			375			
промышленность добывающая	4.263	810	5.546		51.100	98.400
" обработ. крупная	1.237	371	1.455	6.200		
" " мелкая						
строительство и доход от жилых домов	1.227	245	1.719	6.200	5.600	9.700
транспорт: железнодорожный			937	2.500		
" водный	1.200	305	88		2.900	4.700
народная связь	—	—	115		—	—
торговля и общественное питание	1.819	606	3.238	6.800	9.150	15.500
прочие доходы	241	46	1.000	1.000	2.800	4.500
всего	20.350	7.960	24.960	45.500	96.300	173,600

*) Б. Гухман, Продукция и потребление СССР, Москва, стр. 38, 43, 51, 130-132; В. Кац, Народный доход СССР и его распределение, Москва, 1932; В. Кац, Рост народного дохода в СССР за 15 лет, Проблемы экономики 1933, IV, стр. 29; Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929-1930 г., стр. 467; Социалистическое строительство СССР, статистический ежегодник 1936 г., стр. XXXII; Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР на 1938-1942 гг., Москва 1939, стр. 197.

В процентах от всей годовой суммы народного дохода эти доходы отраслей народного хозяйства составят:

	1913	1921	1927/8	1932	1937	1942, план
сельское хозяйство	44,4	62,2	35,8	18,5	25,7	23,5
лесное дело, добыча рыбы, зверя, птицы	6,4	7,9	7,7	45,3	53,1	56,7
промышленность	27,0	14,8	28,0			
строительство	6,0	3,1	6,9	13,6	5,8	5,6
транспорт	6,0	3,8	4,6	5,5	3,0	2,7
торговля	8,9	7,6	13,0	14,9	9,4	8,9
прочие доходы	1,2	0,6	4,0	2,2	2,9	2,6
всего	100	100	100	100	100	100

Если до революции Россия была страной земледельческой, то в настоящее время ведущим началом в ее народном хозяйстве является развитие промышленности. Только для определения меры роста ее за 1913-1937 гг. нельзя просто разделить сумму народного дохода от промышленности в 1937 г. на доход от нее в 1913 г., и принять, что ее чистая продукция увеличилась за этот период времени в 9,25 раз. Во первых, с 1929 г. в советской статистике в промышленное производство начали включать также лесное дело, рыболовство и охоту, — заготовку дико растущего леса, ловлю рыбы, зверя и птицы, собирание воска и меда от диких пчел, грибов и ягод. Если бы такая классификация отраслей хозяйства была принята в международной статистике, мы получили бы довольно удивительные результаты, как например, что выше всего, на все 100%, промышленность развита у австралийских туземцев и жителей Андаманских островов. Да и примитивное население русской равнины с его рыбными ловлями, бобровыми гонами, охотой на пушного зверя, перевесищами для ловли птиц и бортными ухажьями и низким уровнем развития земледелия и скотоводства тоже оказалось бы стоящим на очень высоком уровне промышленного развития. Во вторых, с 1929 г. в промышленное производство советские статистики начали включать также такие процессы первичной обработки продуктов сельского хозяйства, которые раньше или совсем не учитывались, или учитывались в продукции сельского хозяйства. Таковы размол зерна на муку, обдирка крупы, выжимка масла из масличных семян, трепанье льна и пеньки, очистка хлопка от семян, забой скота и птицы, — все эти промышленные по существу операции лишь на высших ступенях хозяйственного развития могут быть отделены от сельского хозяйства. Советская статистика, например., относит в продукцию промышленности производство хлопкового и

льняного волокна*), — не говоря уже о производстве растительных масл и мяса; она так расширила понятие промышленной переработки, что в настоящее время почти вся продукция сельского хозяйства представляет собой сырой материал для промышленности, — за исключением части овощей, фруктов и ягод, молока, яиц, птицы.

Затем из учета народного дохода уже в первом пятилетнем плане был исключен пассажирский транспорт, а в третьем исключена и народная связь. В третьем пятилетнем плане полностью проведено «понимание народного дохода, как суммы чистых продукций лишь тех отраслей народного хозяйства, которые производят натурально-вещественные потребительные блага**). Между тем, обе эти статьи далеко не ничтожны по своим размерам. Так например, работа железных дорог по перевозке пассажиров (в миллиардах тонн-километров) составляла в %% от всей работы железных дорог:

	1913	1922/3	1928	1932	1937	1942, план
вся работа жел. до- рог	92,2	38,2	119,9	253,4	445,7	630,0
работа по перевозке пассажиров	26,5	14,7	26,5	84,1	90,9	120,0
в процентах	28,7	38,5	22,1	33,2	20,4	19,0

Если доход от транспорта по перевозке грузов равнялся в 1937 г. 5,2 миллиардам рублей, то доход от перевозки пассажиров составлял около 1,3 млрд. рублей.

*) Социалистическое строительство СССР, Москва 1939, стр. 73.

**) Краснолобов, Планирование и учет народного дохода, Москва, 1940, стр. 15.

Методика учета национальной продукции в неизменных ценах складывается из следующих счетных операций: 1) учета продукции каждой отрасли народного хозяйства в натуральных единицах; 2) оценки этой продукции по ценам базисного года; 3) учета материальных затрат производства в натуральных единицах; 4) их оценки по ценам базисного года*). Посмотрим как соблюдаются эти методические требования в советской статистике народного дохода.

Очевидно, принятие за базисные цен 1926/7 года должно было значительно повысить: 1) учтенный Государственной плановой Комиссией народный доход и валовую продукцию народного хозяйства страны, 2) увеличить учтенный доход и валовую продукцию промышленности в больших размерах, чем доход и валовую продукцию от сельского хозяйства. Этот выбор базисных цен увеличил учтенную величину народного дохода Союза ССР и доход его от промышленности, по сравнению с доходом сельского хозяйства более чем на 40%.

Начнем с сельского хозяйства. Валовой доход, материальные издержки производства и чистый народный доход от него в неизменных ценах 1926/7 г. составляли:

*) То обстоятельство, что неизменными ценами в СССР были приняты цены 1926/7 года, а не 1913 года, имело следующий результат. Хотя червонный рубль 1924 г. по содержанию золота был равен золотому довоенному рублю, его покупательная способность была значительно ниже рубля 1913 года. Принимая цены 1913 г. за 100, мы получим следующие индексы оптовых цен для 1926/1 года:

Сельскохозяйственные продукты	156,6
Изделия промышленности	196,8
Все товары	184,7

	1913	1928	1932	1937	1942, план
валовой доход:					
растениеводство	8.028	9.400	9.779	15.069,5	20.600
животноводство	4.579	5.600	3.293	5.053,5	9.900
все сельское хозяйство	12.607	15.100	13.072	20.123	30.500
материальные издержки	3.535	5.666	4.672	—	—
чистый доход:	9.072	9.434	8.400	24.750	40.800
в % от валового дохода	72,2	62,3	64,1	123,0	133,8

В этом учете мы видим две ошибки. В первые годы после революции в Советской России, как и во всех других странах, в продукции земледелия учитывался собранный с полей урожай. В 1933 г. советская статистика начала учитывать урожай зерновых хлебов биологический, на корню, за вычетом только 10% на утери при уборке и обмолоте, которые равняются в России приблизительно 20-25% биологического урожая; в 1937 г. был прекращен также вычет 10% на утери, и в народный доход начали полностью включать биологический урожай*).

В 1939 г. эта система учета была распространена на технические культуры и затем на все культуры, так что осыпавшиеся зерна, оставшиеся в земле картофеля и свекла или хлопок, не убранный из-за выпадения снега, по инструкции 21 июля 1939 должны были включаться в доход от сельского хозяйства. Другая ошибка сделана Государственной плановой Комиссией в третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР в 1938-1942 гг. В нем даны следующие цифры валовой и чистой продукции сельского хозяйства (в миллиардах рублей и процентах):

*) Словарь-справочник по социально-экономической статистике, Москва, стр. 88; N. Jasny, *Intricacies of Russian national-income Indexes*, The Journal of Political Economy, vol. XV, No. 4, p. 302.

	1937	1942
Валовая продукция, в млд. рублей	20,1	30,5
Народный доход: в процент.	25,7	23,5
— — в млд. руб.	24,75	40,8

Подобное превышение чистого дохода отрасли народного хозяйства над ее валовым доходом представляет собой уникум в экономической литературе.

О росте валового и чистого дохода промышленности мы располагаем следующими данными (в миллиардах рублей по ценам 1926/7 г.):

	1913	1928	1932	1937	1942, план
Валовая продукция:					
А: производство средств производства	5,4	8,6	23,2	55,2	114,5
Б. производство предметов потребления	10,8	13,2	20,3	40,3	69,5
вся промышленность	16,2	21,8	43,5	95,5	184,0
материальные издержки	9,5	13,1	22,9	44,6	55,8
чистый доход	6,7	8,7	20,6	50,9	128,2
в % от валового дохода	41,4	39,9	47,4	53,3	69,7

Цифры валовой продукции промышленности и чистого дохода от нее за 1928-1937 гг. мы считаем сильно преувеличенными. Во-первых, как мы уже указывали, в Советской России к промышленности отнесены не только рыбная ловля, охота за пушным зверем и птицей, заготовка и сплав дикорастущего леса, но и первичная переработка сельскохозяйственных продуктов, вплоть до забоя скота и птицы, очистки от семян хлопкового волокна, приготовление льняного и пенькового волокна, выжимки растительных масел и т. д. Во-вторых, с прогрессом денежного хозяйства многие производительные процессы, производившиеся в домашнем хозяйстве, — производство тканей, одежды и обуви, печение хлеба, пригото-

ние пищи, — статистикой раньше не учитывавшиеся, в настоящее время обособились в самостоятельные производства и статистикой учитываются; также и многие ремесленные и кустарные производства, прежде очень не полно учитывавшиеся, в настоящее время приобрели фабричный характер и учитываются полностью. В третьих, учет новых производств, отсутствовавших в стране в 1926/7 г., производится в сильно преувеличенных размерах. Их продукция учитывается экономистами по отпускным ценам первого года выпуска этих продуктов на советский рынок. Цены эти, при высокой себестоимости продукции в первый год ее выпуска, неизбежно должны быть ненормально высокими. Тем не менее, как мы уже отмечали, именно по этим вздутым ценам производится в последующие годы учет продукции всех производств, возникших после 1927 года*). Особенно широко распространен этот учет новой продукции по сильно повышенным ценам в машиностроении и металлообработке, — отрасли, получившей в Советской России чрезвычайное развитие. Валовая продукция этой отрасли промышленности росла в СССР следующим образом (в миллиардах рублей по ценам 1926/7 г.):

	1913	1928	1932	1937	1938	1942, план	1950, план
Все производство							
средств производства	5,4	8,6	23,2	55,2	62,1	114,5	135,9
машиностроение и метал-							
лообработка	1,1	2,1	9,4	27,5	33,8	63,0	100,6
в процентах	20,4	24,4	40,5	49,8	54,5	55,0	74,0

В четвертых, в исчислениях народного дохода в СССР в учет включается и производство советской

*) Плановое хозяйство, 1939, 1, стр. 125-127; N. Jasny, Intricacies of Russian national-income Indexes, The Journal of Political Economy, volume LV, No. 4, pp. 305-306.

промышленностью брака и изделий плохого качества. При плохой организации технического контроля в промышленности и торговле продукция нестандартного качества и явный брак сбывались и продолжают сбываться потребителям как товар надлежащего качества и учитываться в валовой продукции промышленности. Количество же брака в годы первой пятилетки достигало по данным, опубликованным в советской экономической печати, до 30% ее валовой продукции. Анкета, произведенная в 1929-1930 гг. Центральным Союзом потребительных обществ, Высшим Советом народного хозяйства и Народными Комиссариатами труда и рабоче-крестьянской инспекции установила, что процент товаров плохого качества во всех почти обследованных отраслях промышленности превышал 25%, часто достигая до 50% и более*). В годы второй пятилетки качество брака значительно упало, но далеко еще не было уничтожено. В своем докладе в Верховном Совете о государственном бюджете на 1947 г. министр финансов Союза ССР Зверев утверждал, что «многие хозяйственники продолжают непроизводительно тратить ценнейшие материалы и сырье, допускают значительный брак продукции». — «За 9 месяцев 1946 г. себестоимость осветительной электролампы на заводе № 643 оказалась в пять раз выше, чем на заводе № 632. Объясняется это главным образом большим браком изделий. Вот цифры. На заводе № 632 потери от брака составляют 7,3 процентов к стоимости производственных затрат, а на заводе № 643 — 47,3 процента». Влияние выпуска недоброкачественной продукции на народный доход заключается не только в том, что труд рабочих и служащих, производящих брак, не производит никакой новой ценности, но также в том, что он уни-

*) Торгово-промышленная Газета 1929 г., 25 октября; Экономическое Обозрение, 1929, № 10, стр. 29.

чтожает сырье и вспомогательные материалы, расходуемые на производство брака. Чтобы составить некоторое представление о размерах этого влияния, сделаем примерный расчет для валовой продукции советской промышленности в 1932 г. (в миллиардах рублей по ценам 1926/7 гг):

Валовая продукция промышленности	43,5
30% брака	13,0
Чистая продукция по советскому учету	20,6
— — — за вычетом брака	7,6

Брак в размере 30% понижает чистую продукцию промышленности и народный доход от нее на 63,1%.

Совсем плохо обстоит дело в советской статистике с учетом народного дохода от строительства. Так как в условиях советского хозяйства дома не являются предметом купли и продажи и на новые стройки, как принадлежащие государству, рыночных цен нет и быть не может, то валовая продукция строительного дела учитывается по себестоимости построек*); народный доход отстроек принимается равным издержкам их производства за вычетом стоимости материальных затрат, т. е. принимается равным заработной плате архитекторов и строительных рабочих. Учет и валовой продукции, и материальных издержек, и народного дохода отстроек ведется, следовательно, в ценах года производства работ, а не в ценах 1926/7 г. При таком способе учета народного дохода от строительного дела мы считаем даваемые советской статистикой цифры этого дохода, — 6.200 мил. рублей в 1932 г., 5.600 мил. рублей в 1937 г., — совершенно необоснованными. Это — доход в текущих, изменчивых ценах 1932 и 1937 гг., а не в неиз-

*) Народный доход СССР, его образование и учет, Москва 1939, стр. 156.

менных ценах 1926/7 г., притом учтенный по издержкам производства, а не по рыночной цене продукции. Чтобы исчислить валовую продукцию строительного дела и народный доход от него в неизменных ценах 1926/7 г., нужно прежде всего для каждой отрасли строительства установить натуральную единицу меры и затем определить ее денежную оценку по ценам 1926/7 гг. Для жилых зданий, фабрик и заводов, торговых и административных помещений такой натуральной единицей может быть кубический метр их объема или квадратный метр их площади. До проведения этой реформы в способе учета валовой и чистой продукции строительного дела все цифры, даваемые советской статистикой о размерах народного дохода от этой отрасли народного хозяйства, не имеют никакой познавательной ценности.

Учет народного дохода от транспорта в 1922-1931 гг. производился следующим образом: учтя валовой доход железных дорог в ценах соответствующего года, его сумма делилась на общий индекс цен, вычисленный на основе цен 1913 г. = 100. При таком способе учета народного дохода, приносимого железными дорогами на его величину оказывали влияние и рост тарифных ставок, и изменение цен на расходуемое топливо и прочие издержки производства; общий индекс цен мог сильно расходиться с индексом цен на доходы и материальные расходы железных дорог. С 1931 г. за единицу учета принимается величина народного дохода от перевозки одной тонны груза на один километр пути в 1926/7 гг., и величина эта множится на число тонн-километров работы, произведенной транспортом в год учета; при этом способе учета не принимаются во внимание те изменения в материальных издержках транспорта (напр. расходов топлива, материальных расходов по содержанию пути и т. д.), которые могли произойти при расчете на один тонно-километр работы. Краснолобов вполне

резонно считает этот способ учета народного дохода от транспорта неудовлетворительным и предлагает заменить его методом прямого вычисления чистой продукции в неизменных ценах, при котором «количество тонно-километров (и соответственно количество пассажиро-километров) каждого года оценивается по ставкам базисного года, что в итоге дает валовой доход (или валовую продукцию) транспорта в ценах базисного года. Затраты топлива и материалов, исчисленные по фактическим нормам соответствующего года, так же как и амортизация, переоцениваются из цен соответствующих лет в цены базисного года в обычном порядке (либо прямо по соответствующим ценам, либо по индексам цен). Вычитая стоимость материальных затрат и амортизации в неизменных ценах из валовой продукции (валового дохода) в неизменных ценах, в разности получаем чистую продукцию транспорта в неизменных ценах базисного года или ее физический объем»^{*)}). Ошибка, происходящая от применяемого в настоящее время способа определения народного дохода от транспорта, не может быть большой; гораздо большее значение имеет неучет в нем работы по перевозке пассажиров.

Народный доход от розничной торговли учитывается в Советской России на основе размеров чистого товарооборота, за вычетом налога на оборот, и величины торговой накладки в 1926/7 г., за вычетом той ее части, которая расходовалась в том же 1926/7 г. на материальные торговые издержки (включая транспортные издержки). Сумма чистого розничного оборота не переводится, следовательно, с текущих цен на неизменные цены 1926/7 г., мы имеем здесь учет дохода от торговли не в неизменных, а в текущих

^{*)} Краснолобов, Планирование и учет народного дохода, стр. 90.

ценах, только с сохранением неизменной высоты торговой наценки и материальных расходов, бывших в 1926/7 г.

Таким образом, принятый в Советской России способ исчисления народного дохода от торговли не устраняет влияния изменения цен на материальные торговые издержки. Если торговый доход от сельского хозяйства и промышленности должен вычисляться по неизменным ценам 1926/7 г. на их продукты, изделия и материальные затраты, то, по тем же соображениям, и при вычислении дохода от торговли нужно исходить из цен 1926/7 г. Поэтому, чтобы получить правильный учет народного дохода от торговли в неизменных ценах, мы должны произвести следующие операции:

- 1) определить количество товарооборота по ценам базисного года;
- 2) установить величину торговотранспортной накладки на товарооборот по норме базисного года;
- 3) переоценить материальные издержки торговли также по ценам базисного года.

В настоящее время в СССР правила эти не соблюдаются. По свидетельству Краснолюбова, чистая продукция в торговле и общественном питании «определяется по динамике товарооборота, т. е. без учета сдвигов в условиях производства, в частности, — изменений в нормах затрат топлива и материалов на единицу продукции»*).

Таким образом, из пяти основных слагаемых народного дохода СССР нет ни одного правильного вычисления; в сельском хозяйстве доход от растениеводства преувеличен на 20-25%; рост дохода от промышленности еще более преувеличен, быть может на 30-40%; учет дохода от строительства сделан совершенно произвольно и ничего нам не дает; доход

*) Проблемы экономики, 1940, IX, стр. 55.

от железнодорожного транспорта напротив преуменьшен, так как в нем не учтена перевозка пассажиров; доход от торговли вычислен также неправильно. Единственный вывод, который мы можем сделать из анализа методики исчисления народного дохода в СССР состоит в том, что цифры его для 1932-1942 гг. являются значительно преувеличенными.

Для производства народного дохода необходимы не только труд, но и накопленные населением продукты его прошлого труда и мысли, национальный капитал. В капиталистическом обществе накопление национального капитала производится, главным образом, богатыми или зажиточными людьми по их частной инициативе. Массе трудового населения, по его бедности, накапливать не из чего: им не до жиру, быть бы живу. В дореволюционной России размеры национального накопления были незначительны, ее народное хозяйство носило полуколониальный характер и она стремилась широко привлечь иностранные капиталы из богатых капиталистических стран Западной Европы. Национальные накопления России были ничтожны. Наша попытка учесть главные денежные формы этого накопления, — в государственном долге, акциях и облигациях железных дорог и акционерных компаний, на текущих счетах в банках, — дала следующие результаты. Оказалось, что годовая величина внутреннего накопления и притока капиталов из-за границы равнялась в миллионах руб.*):

	внутреннее накопление	иностраные капиталы
1893-1896	103,7	144,9
1897-1900	111,8	450,7
1901-1904	209,4	181,6
1905-1908	339,1	370,7

*) S. Prokopowicz, Die Bedingungen der industriellen Entwicklung Russlands, Stuttgart 1913, SS. 45, 50.

В 1909-1913 гг. национальное накопление сильно возросло; одни вклады в кредитных учреждениях увеличились в среднем на 413 м. руб. в год*).

Кроме того, в приведенной таблице не учтены накопления в крупных личных промышленных предприятиях, розничной торговле, кустарной и ремесленной промышленности, сельском хозяйстве. Накопление в этих областях народно-хозяйственной жизни несомненно имело место, особенно значительное в крестьянских хозяйствах. По бюджетным исследованиям крестьянского хозяйства в период 1899-1915 гг. накопление хозяйственных ценностей за год составляло на человека в северных губерниях 1,3 рубля, в южных 3,5 р.; на черноземном юге накопление шло значительно быстрее, чем на северных суглинках и песках. В среднем, по Европейской России накопление на человека сельского населения составляло приблизительно 2,4 рубля, на всю Россию 275 мил. рублей.

По свидетельству В. И. Гриневецкого «в последние довоенные годы капиталообразующая способность всей России оценивалась экономистами около 1 миллиарда рублей в год**). В эту сумму накопления крестьянских хозяйств не включались; накопление национального капитала, по этому учету, составляло 6,1% народного дохода, исчисленного нами в 16,4 миллиардов рублей. Проф. М. Н. Соболев определил национальное накопление в 1913 г. в 1,5 миллиарда рублей из народного дохода в 15 миллиардов рублей, и норму накопления в 10%***). При народном доходе

*) A. Raffalovich, *Russia: its Trade and Commerce*, London 1918, p. 391.

**) В. Гриневецкий, *Послевоенные перспективы русской промышленности*, 1919, стр. 202.

***) М. Соболев, *Накопление капиталов в Советском Союзе*, *Экономическое Обозрение* 1925, I, Стр. 45-48; *Финансы и народное хозяйство*, 1927, V, стр. 6.

в 16,4 млрд. рублей, норма национального накопления составит 9,2%.

Война 1914-1918 гг. и октябрьская революция привели к чрезвычайному упадку народного хозяйства России; сравнивая народный доход 1921 г. с доходом 1913 г. в одних и тех же неизменных ценах мы найдем, что упадок народного дохода составлял:

В сельском хозяйстве	46,1%
крупной промышленности	81,0
транспорте	75,0
торговле	66,7

В то же время октябрьская революция 1917 г., ликвидировав имущие классы, крупных землевладельцев, фабрикантов и торговцев, привела к полной остановке национального накопления, а отказ платить долги царского правительства привел к полному прекращению притока иностранных капиталов. Когда советская власть перешла от коммунистической политики к новой экономической политике, тотчас же обнаружилась полная невозможность восстановления производительных сил страны без вложения в ее народное хозяйство новых капиталов. Единственным их источником у советской власти были доходы крестьян и заработки рабочих ремесленников, причем накопление национального капитала стало одной из отраслей государственного бюджета. Национальное накопление питалось налогами, денежными и натуральными, государственными займами, высокими ценами на изделия национализированной промышленности и продукты продовольствия, взятые у крестьян по низким ценам. Советская власть могла производить накопление национального капитала только путем понижения уровня жизни населения. Когда во второй половине 1920-х гг. советская власть решила не только восстановить дореволюционное хозяйство России,

но и догнать и перегнать в один десяток лет богатые капиталами страны Западной Европы и Америки, положение стало еще более тяжким. Как говорил И. Сталин на XV конференции коммунистической партии в конце 1926 г., когда вырабатывался пятилетний план, «судьба октябрьской революции и практическое разрешение вопроса о строительстве социалистического общества связаны с тем, сумеем ли мы найти необходимые средства для перестройки всего хозяйства на базе крупной промышленности и целесообразно их затратить. Поэтому вопрос об источниках накопления, т. е. о том, откуда и в каком размере могут быть получены эти средства, является определяющим для всей политики нашей партии на предстоящий период»^{*)}). С народно-хозяйственной точки зрения источником этого накопления всегда является народный доход; главный интерес представляет величина проектируемой меры накопления. Советские экономисты хорошо понимали, что, берясь за пятилетний план реконструкции, «страна совершит беспрецедентный опыт громадного капитального строительства за счет текущих накоплений, за счет жестокого режима экономии и отказа в удовлетворении потребностей сегодняшнего дня во имя великих исторических задач»^{**)}), и что финансирование этого плана является «сталым обручем на потреблении»^{***)}).

По пятилетним планам, размеры годового национального накопления в процентах от народного дохода в миллиардах рублей по неизменным ценам 1926/7 г. были следующими:

^{*)} XV конференция коммунистической партии, стр. 108.

^{**)} Пятилетний план, I, стр. 74.

^{***)} М. Боголепов, Финансы планового хозяйства, Плановое хозяйство, 1929, III, стр. 283.

	нар. доход млн. руб.	% от народ. дохода*)	млн. рублей
1928/9, план	27,2	22,6	6,1
1932/3, план	49,7	33,6	16,7
1932, исполнение	45,5	26,9	12,2
1937, план	100,2	21,3	21,3
— исполнение	96,3	24,5	23,6
1942, план	173,6	27,7	48,1
1940, исполнение	128,3	—	—
1945, исполнение	115,0**)	—	—
1950, исполнение	210,4	26,0	54,7

В текущих рыночных ценах национальное накопление после отказа от коммунистической политики и перехода к новой экономической политике в 1921 г. составляло (в миллиардах рублей):

	централиз. плановые капиталовложения	вложения хозяйственных предприятий	всего капиталовложений
1923/4-1927/8, исполн.	11,1	15,4***)	26,5
1928/9-1932/3, план	46,9	17,6	64,5
1928/9-1932, исполн.	50,5	9,5	60,0
1933-1937, план	133,4	—	133,4
— исполнение	114,7	13,4	128,1
1938-1942, план	192,0	24,0	216,0
1946-1950, план	250,3****)	38,0	288,0

*) Включая резервы, всегда шедшие на капитальные вложения.

**) Цифра приблизительная, определенная по величине валовой продукции промышленности и сельского хозяйства; в 1941 г. народный доход был исчислен Госпланом в 149,1 млн. р., в 1949 г. в 174,5 млн. р.

***) В годы новой экономической политики национальное

Мы сомневаемся, чтобы национальное накопление в пятилетие 1923/4-1927/8 гг. в частных промышленных и торговых предприятиях, у ремесленников и крестьян, достигло цифры, даваемой советской статистикой; учет национальных накоплений в мелких хозяйствах вообще является делом очень трудным, а кроме того коммунистическая партия и Государственная плановая комиссия, имея в виду введение по подготовлявшимся ими планам развития народного хозяйства СССР 27-процентного накопления, имели тенденцию преувеличить накапливающую способность населения СССР. За то, что эта цифра является явно преувеличенной, говорит величина этой цифры по сравнению с национальным накоплением в 1913 г., до войны 1914-1918 гг., революции, гражданской войны и голода 1921/2 года (в миллиардах рублей и процентах):

	народный доход	национ. накопление в %	
1913 год	16,4	1,5	9,2
1923/4-1927/8, в среднем за год	18,6	5,3	28,5

Учет дохода и накопления в 1923-1928 гг. в этой таблице произведен в червонных рублях 1924 г. по твердым ценам 1926/7 г., равноценных если не вполне, то приблизительно довоенным рублям. Мы решительно отказываемся поверить, что национальное накопление в 1923-1928 гг. могло в три с половиной раза пре-

накопление в очень широких размерах производилось в крестьянских хозяйствах, частных промышленных и торговых предприятиях; с ликвидацией нэпа эти накопления прекратились. Остались только накопления в колхозах и у колхозных крестьян, и в сельском дорожном строительстве; накопления в промышленных предприятиях возобновились только в годы третьего пятилетнего плана.

****) Сумма капитальных вложений в 16 советских республиках составляет только 239,5 млрд. р.

высить накопление в 1913 г. В первую пятилетку 1928/9-1932 гг. тягло накопления всей своей тяжестью легло на крестьян, и для его осуществления в запланированных размерах сделало необходимым принудительную коллективизацию крестьянских хозяйств, привело к их полной дезорганизации и тяжкому голоду 1932-1933 гг. и гибели более 8 мил. человек. Лишь в конце первой пятилетки в это тягло были впряжены и рабочие.

В 1940 г. объем централизованных капитальных вложений, работ и строительства, по данным бывшего председателя Государственной плановой Комиссии, Н. Вознесенского, достигал почти 43 миллиардов текущих рыночных рублей*); в 1941 г., по плану, на капитальные вложения из государственного бюджета назначены были 46,6 млрд. рублей, из вне-бюджетных источников, собственных средств хозяйственных организаций, 13,4 млрд. рублей. Об исполнении плана капитальных вложений сведений опубликовано не было. Своего минимума капитальные вложения достигли в 1942 г., в 1943 г. уже начался их рост, и они достигли 19,5 млрд. рублей**). Данные за 1942 год опубликованы Вознесенским в форме шарады***). Если в 1943 г. народный доход был равен 113% от народного дохода 1942 г., а накопление выросло с 2% до 4% и достигло 19,5 миллиардов рублей, то в 1942 г. оно было меньше в два с четвертью раза, и равнялось 9,7 млрд. рублей. За 1944-1948 гг. размеры капиталовых вложений опубликованы министром финансов А. Г. Зверевым в его ежегодных докладах в Верховном Совете СССР о государственном бюджете СССР.

Сводя все эти данные вместе мы получим следую-

*) Н. Вознесенский, Военная экономика СССР в период отечественной войны, 1947, стр. 12.

**) Там же, стр. 143.

***) Там же, стр. 65-67.

щую таблицу централизованных, утвержденных государственным планом капитальных вложений (в миллиардах текущих рублей):

	из госбюджета	внебюджетных	всего
1940	—	—	почти 43,0
1941, план	46,6	13,4	60,0
1942	—	—	9,7*)
1943	—	—	19,5*)
1944	23,0	6,0	29,0*)
1945	32,0	4,3	36,3
1946	37,4	6,8	44,2
1947	44,5	9,3	53,8
1948	57,2	9,0	66,2
1949, план	79,8	25,7	105,2
1950, план	106,5	29,1	135,6

Централизованные в руках советской власти национальные накопления Союза ССР в 1923-1950 гг. следующим образом распределялись по отраслям советского народного хозяйства:

(См. таблицу на стр. 342)

*) По другим данным Вознесенского, объем капитальных работ в СССР за три года войны, 1942-1944, составил около 79 млрд. рублей. Там же, стр. 46.

(К стр. 341)

	всего	сельское хозяйство	промышленность			транс-порт	железные дороги	связь	прочие
			средства произв.	предметы потребл.					
1923/4-1927/,*) исп.	11,1	0,7	3,6	1,3		2,7	2,3	0,1	2,7
1928/9-1932/3, план	46,9	7,2	14,7	4,4		9,9	6,3	0,3	10,4
1928/9-1932, исп	52,5	10,8	21,3	3,5		9,8	6,4	0,6	6,5
1933-1937, план	133,4	15,2	53,4	16,1		26,3	17,4	1,4	21,0
1933-1937, исп.	114,7	11,3	49,8	8,8		20,7	13,3	1,2	22,9
1938-1942, план	192,0	11,0	93,9	18,0		37,3	24,2	—	31,8
1946-1950, план	250,3**)	19,9	157,3			—	40,1	—	—

*) В. Дьяченко, Финансы и кредит СССР, стр. 184.

**) Централизованные и нецентрализованные вложения

Главная масса капитальных вложений по пятилетним планам шла в тяжелую промышленность, производящую средства производства; в легкую промышленность, производящую предметы личного потребления, вкладывались в несколько раз менее значительные капиталы, причем плановые задания в легкой промышленности систематически недоисполнялись, а в тяжелой — переисполнялись. Второе место по размерам капитальных вложений занимали железные дороги. И лишь на третьем месте по размерам централизованных вложений стояло сельское хозяйство, в развитии производительных сил которого большую роль играли нецентрализованные накопления коллективных и советских хозяйств (колхозов и совхозов) и крестьян. В последнюю группу прочих отраслей народного хозяйства отнесены торговля, кредит, коммунальное хозяйство, постройка жилых домов и проч.

Для понимания народнохозяйственного значения плана 1946-1950 гг. и после военного развития народного хозяйства Союза ССР как самый план, так и цифры его исполнения по четвертям года, публикуемые Государственной плановой Комиссией, дают очень мало; в них отсутствуют самые элементарные сведения, без знания которых все остальные статистические данные дают не соответствующую действительности картину как современного состояния народного хозяйства СССР, так и плана 1946-1950 гг. дальнейшего его развития. Главное значение имеют следующие умолчания:

1) о присоединении к Союзу ССР 700.000 квадратных километров территории с 24,5 мил. человек населения;

2) о радикальном различии состояния народного хозяйства на трех главных частях Союза ССР в новых границах, — той части Союза в старых границах, которая не была занята германскими войсками и их союзниками, другой его части, бывшей под герман-

ской и итальянской оккупацией и вновь присоединенных территориях по западной границе;

3) о состоянии и развитии большого числа отраслей народного хозяйства СССР, в том числе имеющих фундаментальное значение, во многих из которых наблюдался застой и упадок; при тоталитарной системе планирования план должен охватывать все отрасли народного хозяйства, по примеру первого пятилетнего плана 1928/9 — 1932/3 гг.; но опубликованный четвертый пятилетний план 1946-1950 гг. представляет собою лишь краткое извлечение в 96 страниц малого формата из действительного плана этих лет тех данных, которые Государственная плановая Комиссия и Политическое бюро коммунистической партии могли подать в форме, служащей целям коммунистической пропаганды;

4) о состоянии различных отраслей народного хозяйства на каждый из основных трех территорий СССР в 1945 г., год окончания войны.

Поэтому нас должен интересовать вопрос не только и не столько об исполнимости опубликованного извлечения из плана 1946-1950 гг., но прежде всего о том, в какой мере оно выражает те задачи, которые поставила перед народным хозяйством Советской России война 1941-1945 гг. и те планы их преодоления, которые выработаны советской властью. В этом отношении мы считаем заслуживающими самого серьезного внимания следующие народно-хозяйственные проблемы Советской России:

1. Уменьшение числа рабочих и служащих в народном хозяйстве и понижение их квалификации. Война 1941-1945 гг. потребовала тяжелых жертв от самой передовой, самой духовно-развитой и предприимчивой части населения. Средний рабочий после войны обладает несомненно меньшей производительностью, чем до войны. Затем годы, проведенные в походах, в окопах и в оккупированных областях не-

сомненно должны были повлиять на психику бойцов, делая их менее способными к мирному труду. Огромные потери людьми в боях регулярных армий, в партизанской войне гражданского населения, от голода и холода и разных эпидемий сильно уменьшили число квалифицированных рабочих и инженеров. Их места в народном хозяйстве после войны были заняты выходцами из деревни, женщинами, подростками и стариками. Число рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР эволюционировало следующим образом (в миллионах человек):

В 1940 г. —	31,5	1948 г. —	34,7
1942 —	14,6	1950 —	39,2
1943 —	19,5		
1945 —	28,5		

В то же время, по данным Н. Вознесенского*), в годы войны сильно сократилось число мужчин, занятых в народном хозяйстве, и увеличилось число женщин, стариков и подростков (в процентах):

	% женщин	
	1940	1942
В сельском хозяйстве	52**)	71
В промышленности	41	71
На транспорте	25	36
В торговле	37	55
Во всем народном хозяйстве	38	53

Число подростков до 18 лет увеличилось с 6% в 1939 г. до 15% в 1942 г., число стариков старше

*) Военная экономика СССР, стр. 111-113.

**) В начале 1939 г.

50 лет в эти годы выросло с 9% до 12%. Так как подростки и старики были по преимуществу мужского пола, то число полных физических сил мужчин 18-50 лет в народном хозяйстве было значительно меньше в 1942 г., чем 47%, — вероятно, около 37%.

По окончании войны и демобилизации армии число женщин, занятых в народном хозяйстве, значительно сократилось, но не до довоенного уровня. Очень серьезное значение имеет упадок производительности труда у мужчин, проводивших несколько лет в армии, ее походах и боях. Все эти данные о числе рабочих и служащих в народном хозяйстве страдают одним крупным недостатком: большое число мужчин рабочего возраста и некоторое количество женщин заключено в СССР в лагеря принудительных работ, советскую форму каторги; их число составляет несколько миллионов, их питание, одежда и жилище совершенно неудовлетворительны, от них требуют непосильной работы и смертность между ними, по свидетельству лиц, из них освобожденных или бежавших, достигает 10%. Существование этой массовой советской каторги несомненно значительно сокращает количество и качество рабочих сил в Советской России.

2. Чрезвычайное сокращение национального капитала. Военные действия на территории СССР и оккупация германскими армиями большей части наиболее плодородной и промышленно развитой южной и западной Европейской России сократили национальный капитал Союза на 679 миллиардов рублей. Так как в 1940 г. капитал это равнялся 1046 млрд. р., потери страны составили около 65%. Национальное имущество истреблялось не только германцами, но и самими русскими, по приказу Сталина. 3 июня 1941 г. он произнес по радио речь, в которой огласил следующий приказ: «при вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железно-

дорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться... В занятых врагами районах нужно... создавать диверсионные группы... для взрыва мостов, дорог, порчи телеграфной и телефонной связи, поджога лесов, складов, обозов». Приказ этот был исполнен лишь в малой мере. Подвижной железнодорожный состав был угнан лишь в незначительном количестве, германское нашествие так глубоко проникло в Россию, что угонять скот оказалось физически невозможным; сдача и уничтожение хлеба вообще не отвечала интересам населения, которому нужно было сохранить продовольствие на время жизни под германцами. План 1946-1950 гг. проектирует не только покрыть эти потери, но и увеличить еще национальный капитал на 8%, до 1.130 млрд. рублей*).

Мы не считаем возможным, чтобы запланированные вложения, 250,9 млрд. рублей, могли увеличить национальный капитал в следующих запроектированных размерах:

$$\begin{array}{r} 1130 \text{ млрд. рублей} \\ - 367 \\ \hline 763 \text{ млрд.} \end{array}$$

то есть приблизительно в три раза больше количества инвестиций.

*) Н. Вознесенский, Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг., Большевик 1946, тетрадь VI, стр. 73.

При предположении, что план будет исполнен, национальное накопление даст всего 250,3 млрд. рублей, только треть капитальных потерь страны в годы войны. Так как 46% национальных накоплений по плану 1946-1950 гг. предназначены на восстановление народного хозяйства в пострадавших районах, 135 млрд. рублей на дальнейшее развитие производительных сил страны, то оскудение ее капиталами, — когда и до войны она не была ими богата, — неизбежно приведет к двум следствиям. Во-первых, к замедлению процесса восстановления народного хозяйства на пострадавших территориях. В ответе одному американскому корреспонденту в 1946 г. Сталин признал, что восстановление разрушенных территорий потребует 6-7 лет или более. Во-вторых, к очень замедленному темпу дальнейшего развития народного хозяйства СССР. Вложение 135 млрд. рублей на капитальные работы в 1946-1950 гг. явно недостаточно для увеличения народного дохода страны на 67 миллиардов рублей в ценах 1926/7 года. В 1938-1942 гг., когда рабочие силы и машинное оборудование промышленности, сельского хозяйства и транспорта достигли наивысшего развития, для увеличения по плану народного дохода на 77,3 млрд. рублей требовалось капитальных вложений 192 млрд. рублей; а по четвертому пятилетнему плану на 1946-1950 гг. для роста народного дохода на 67 млрд. рублей в разоренной и опустошенной германским нашествием стране, с значительно уменьшившимся количеством живой рабочей силы и значительно упавшей производительностью труда, считается достаточным вложение только 135 млрд. рублей. Кроме того, размеры накопления, — —26% народного дохода, — в послевоенную пятилетку 1946-1950 гг. являются совершенно непосильными как для населения Союза в старых границах, перенесшего войну и оккупацию, так и для населения вновь присоединенных территорий, население которых

никогда не отдавало такой большой доли своих заработков и доходов в фонд накопления.

3. Продолжение в значительных размерах производства военного снаряжения. В пятилетних планах в производство средств производства включена также военная промышленность, производство орудий массового разрушения и истребления людей. Какое глубокое извращение народнохозяйственного смысла данных советской статистики производится этим включением производства орудий разрушения в производство средств производства, можно видеть из следующего сопоставления. Мы приводим ниже данные из государственного бюджета СССР о величине военных расходов в миллиардах рублей, не считая личного потребления военнослужащих, и данные Н. Вознесенского о величине той части народного дохода, которая расходовалась в годы войны на производство военного снаряжения в процентах от всего народного дохода страны*):

	военные расходы в госуд. бюджете	в % государственных расходов
1937 г.	17,5 млрд.	—
1940	56,7	7%
1941	90,5	—
1942	108,4	29
1943	124,7	31
1944	137,7	—
1945	128,2	—
1946	73,6	—
1947	66,3	—
1948	66,3	—
1949	79,2	—
1950	82,9	—

*) Военная экономика СССР, стр. 65-67.

В годы войны вся тяжелая промышленность была занята производством оружия, пушек, танков, военных самолетов и т. д.; она прекратила или свела до минимума производство орудий производства, машин и запасных к ним частей, вследствие чего вся советская промышленность вышла из военных лет изношенной, с пониженной работоспособностью. Мы не имеем данных о том, как велико было производство орудий разрушения в послевоенные годы; но, судя по величине ассигновок на военные расходы в государственном бюджете, это производство продолжает быть очень значительным.

4. Это крайнее сокращение производства средств производства особенно тяжело отразилось на добыче нефти. Советский Союз вообще беден залежами нефти; надежды на Второе Баку по восточному берегу Волги и Камы не оправдались; но и те сравнительно незначительные запасы нефти, которыми располагает страна, не могли быть в полной мере использованы, вследствие отсутствия технического оборудования. Очень показателен слабый рост добычи нефти в сравнении с быстрым ростом добычи каменного угля (в миллионах тонн и % % топливного баланса):

	нефть	уголь	нефть в %	уголь энергетич. баланса	добыча нефти в Соед. Шт. в милл. тонн
	в милл. тонн				
1932	22,3	64,3	19,9	55,2	107,6
1937	30,5	127,3	19,8	59,7	172,8
1940	31,1	166,0	17,5	61,4	182,8
1945	20,0	149,6	16,2	61,8	231,6
1946	22,4	164,6	—	—	234,2
1947	26,7	184,3	—	—	250,8
1948	30,1	209,2	17,8	58,9	272,4
1950	38,5	261,6	14,9	62,8	

Роль нефти в современном народном хозяйстве очень велика, и бедность территории СССР ее залежами является одним из препятствий, мешающих быстрому развитию производительных сил Союза. Она объясняет также ту настойчивость, которую проявляет советская власть в своем стремлении получить нефть из северной части Ирана.

5. Производительные силы сельского хозяйства также находятся в состоянии упадка. Несмотря на присоединение по западной границе значительных территорий с развитым сельским хозяйством, особенно значительно пострадало скотоводство СССР. За последние десять лет количество скота в Союзе исчислялось в миллионах голов:

	1940		1943	1945	1948	1950
	в стар.	в нов.				
	границах					
рогатый скот	47,6	54,5	31,0	47,0	56,1	57,2
овцы и козы	85,5	91,6	61,0	69,4	97,8	99,0
свиньи	22,3	27,5	7,6	8,6	20,3	24,1

Особенно велик в стране недостаток лошадей, почти полностью отобранных у крестьян в годы принудительной коллективизации их хозяйств и отданных колхозам и совхозам, неспособным воспитывать конский молодняк. При той роли, которую исполняет лошадь в сельском хозяйстве и экономической жизни деревни, недостаток лошадей приобретает большое народнохозяйственное значение. Не следует забывать также, что в послевоенном составе стад количество молодняка гораздо больше, чем до войны. На выращивание лошади или коровы нужно три года. Кроме того, коровы, участвовавшие в пахоте или возке, дают пониженные удои молока.

6. В нужном и полезном деле индустриализации

Советской России власть обнаружила полное отсутствие чувства меры. Поставив основной задачей своей экономической политики производство и приобретение военного снаряжения и машин, она совершенно игнорировала нужды людей, на этих машинах работающих. Рабочий, плохо питающийся, плохо одетый, не имеющий спокойного хорошего жилья, не может давать труд высокой производительности. Реальная заработная плата рабочих определяется отношением между денежной заработной платой и высотой цен на продукты их потребления. Мы приводим ниже данные о росте цен на два показательных продукта: ржаной хлеб и коровье масло. Средний русский рабочий питается хлебом и картофелем; мясо, молоко и молочные продукты являются для него предметами роскоши. После полного отсутствия тканей для гражданского населения в годы войны, замедленный рост их производства в послевоенные годы привел одежду и обувь рабочих в состояние полной изношенности. В 1937 г. жилая площадь в городах равнялась 211,9 миллионам квадратных метров, по 4,2 квадр. метров на жителя. Эта площадь только в два раза больше площади той ямы, в которой хоронят покойника на кладбище. Мы не знаем, сколько жилой площади было построено в 1938-1940 гг.; война и германское нашествие 1941-1945 гг. привели к уничтожению 66,2 мил. кв. метров жилой площади в городах; к концу 1950 г. было построено более 100 мил. кв. метров. Число жителей в городах в настоящее время нам неизвестно; поэтому мы не знаем, как велика теперь жилая площадь на жителя. Наконец, заслуживает внимания и вопрос о пассажирском транспорте по железным дорогам. При общем упадке провозоспособности ж. д. в годы войны политика покровительства тяжелой промышленности привела к тому, что перевозка пассажиров в их работе занимает последнее место. Пассажиры неделями живут на станциях, дожи-

даясь очереди получить место в вагоне. План 1946-1950 гг. проектирует увеличить работу по перевозке грузов на 28% выше довоенного уровня, увеличивая перевозку пассажиров только на 20%. Все эти данные об уровне жизни городского населения мы свели в следующую таблицу (заработная плата и цена продуктов продовольствия в рублях, ткани — в миллионах метров, жилая площадь в городах в миллионах квадр. метров, пассажирское движение по железным дорогам в миллиардах пассажиро-километров):

	цена одного кило:					
	месячная зараб. плата	ржан. хлеба	масла	хлопчатобум. тканей	жилая площадь	пассажир. транспорт
1940	339,1	0,85	17,5	4005	228,1	98,0
1945	—	1,10	28,0	1674	164,7	66,2
1948	375,4	3,00	64,0	3230	215,7	—
1950	500,0*)	2,00	40,3	3819	270,1	98,0*)

Эти немногие данные, которые мы могли извлечь из официальных источников, рисуют нам совершенно иную картину послевоенного состояния народного хозяйства Советской России, чем та, которую дает опубликованное властью извлечение из плана на 1946-1950 годы. Производительные силы русского народа, подорванные принесением в жертву политике неумеренного покровительства развитию тяжелой промышленности самых насущных интересов населения, рабочих и крестьян, и всех прочих отраслей народного хозяйства, и перенесшие тяжелую войну и германское нашествие, находятся далеко не в том цветущем состоянии, которое рисует нам послевоенный план их развития. Некоторое указание на действительное по-

*) План.

ложение вещей мы находим в сравнении плановых заданий на 1942 и 1950 гг., причем мы все время должны иметь ввиду, что плановые задания на 1942 г. относятся к Союзу ССР в старых границах, а на 1950 г. — к Союзу в новых границах, с 24,5 мил. населения на присоединенных территориях:

	1940, исп.	1942, план	1945, исп.	1950, план	1950, исп.
Лошади	20,5	22,5	10,5	15,3	13,7
крупный рогатый скот	54,5	79,8	47,0	65,3	57,2
сбор зерновых хлебов	119,0	131,0	67,0	127,0	124,6
валовая производительность сельского хозяйства	23,2	30,5	15,8*)	29,5	—
добыча угля	166	243,0	149,6	250,0	261,0
добыча нефти	31,1	49,5	20,0	35,4	38,5
производство чугуна	15,0	22,0	9,0	19,5	19,4
хлопчато-бум. тканей	3,9	4,9	1,6	4,7	3,8
валовая производительность промышленности	138,5	184,0	127,0	205,0	240,2
перевозка грузов по железным дорогам	567	745	395	771	794
народный доход	128,3	173,6	115,0*)	177,0	210,4
число рабочих и служащих в народном хозяйстве	31,6	32,7	28,5	33,5	39,2

Только отказ от неумной и фантастической политики «догнать и перегнать» в экономическом развитии все прочие страны, освобождение Союза от обязательства накапливать 27% народного дохода и неумеренного производства военной промышленности может дать русскому народу здоровое и быстрое развитие его народного хозяйства и подъем материального уровня его жизни. 34 года управления Союзом ССР — срок более чем достаточный для того, чтобы

*) Цифры приблизительные.

население Советского Союза и управляющая им коммунистическая партия на тяжелом опыте убедилась в полной неосуществимости трех основных иллюзий, до сих пор определявших всю политику Советского Союза, а именно: во-первых, веры в возможность в десять лет догнать и перегнать Западную Европу и Северную Америку, обогнавших Россию в культурном развитии на 100 лет; во-вторых, веры в возможность для отсталой России играть руководящую роль в насаждении на всем земном шаре социалистического общественного строя и, наконец, в-третьих, веру в возможность осуществления этих двух культурных задач путем гражданских и международных войн, физического истребления инакомыслящих и введения системы принудительного труда для подвластного коммунистам населения.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

- Рабочее движение на Западе, т. I, Германия и Бельгия, 99.
Бюджеты Петербургских рабочих, 909.
Опыт исчисления народного дохода в 50 губ. Евр. России в 1900-13 гг., Москва 18.
Кооперативное движение в России, 1903. 1913. 1919. Москва.
Война и народное хозяйство, Москва 1917 г.
Сельскохозяйственная кооперация и бюджет крестьянского хозяйства, Москва 22.
Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин 244.
The Economic Condition of Soviet Russia. London, King & Son, 24.
Распределение народного дохода в капиталистических странах. Москва, Госиздат, 30 г.
Идея планирования и итоги пятилетки. Париж, 34 г.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ С. Н. ПРОКОПОВИЧА ВЫШЛИ:

- Аграрное движение в России в 1905-1907 г.. СПб., 1909 г.
Труды комиссии по изучению современной дороговизны, 4 тома, Москва, 15-6 (вместе с А. А. Мануиловым).
Экономический Вестник, 3 тома. Берлин, 23-4 гг.
Русский Экономический Сборник, 12 томов. Прага, 25-28 гг.
Бюллетени Экономического Кабинета, 113 выпусков. Прага, 23-34.

-
- Bureau of Research on Russian Economic Conditions, Memoranda of Birmingham's University of Birmingham, No. 1-3, 31-32.
Quarterly Bulletin of Soviet Russian Economics, Nos. I-X, Geneva 39-41.
Russlands Volkswirtschaft unter den Sowjets, Zürich 44.
Die natürlichen Hilfsquellen der UdSSR, Zürich 44.
L'Industrialisation des pays agricoles, Neuchatel 45.
Der vierte Fünfjahresplan der Sowjetunion 46-50, Zürich 48.
A Study of Real Wages in the Soviet Union, Russian Research Center, Harvard University (sous presse).

Printed in U. S. A.
WALDON PRESS,
203 Wooster Street,
New York 12, N. Y.